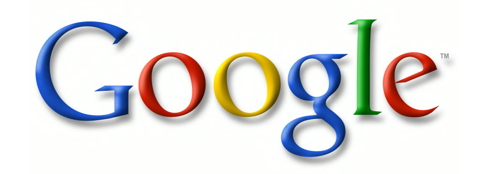
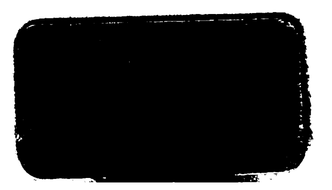

Google

UC-NRLF
$B 144 101

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

СОВРЕМЕННЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

ВЪ

НАУКѢ О ДУШѢ.

СОЧИНЕНІЕ

М. ВЛАДИСЛАВЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Sovremennyia Napravlen

СОВРЕМЕННЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

ВЪ

Nauki o Dushie

НАУКѢ О ДУШѢ.

СОЧИНЕНІЕ

М. ВЛАДИСЛАВЛЕВА.

Mikhail Vladislavlev

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ТИПОГРАФІЯ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛЮДОВА).
Вас. О., 8 л., № 25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА III.

ВЛІЯНІЕ ФИЗИКИ НА ПСИХОЛОГІЮ.

ГЛАВА IV.

ПСИХОЛОГІЯ БЕНЕКЕ.

ГЛАВА V.

РЕАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

ГЛАВА VI.

ИДЕАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

ГЛАВА VII.

ИДЕАЛЬНО-РЕАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Разнообразіе направленій въ современной психологіи.—Различіе взглядовъ на методъ въ психологіи и общихъ метафизическихъ началъ. — Современныя направленія.

Если разнообразіе направленій въ научныхъ изслѣдованіяхъ, богатство взглядовъ считать признаками широкаго развитія науки и обширной разработки ея содержанія, то, конечно, психологію можно и должно считать и самой развитой и самой разработанной наукой. Современныя направленія въ ней объемлютъ почти весь кругъ возможныхъ въ ней направленій. Къ сожалѣнію, богатство направленій, по крайней мѣрѣ, въ психологіи не можетъ служить выгоднымъ признакомъ ея развитія. Разные взгляды въ ней совершенно противорѣчатъ одинъ другому — не есть ли это признакъ младенческаго состоянія науки, при которомъ возможно толкованіе фактовъ вкось и вкривь? Рѣдкій фактъ въ ней одинаково не только понимается, но даже излагается разными психологическими школами — не есть ли это признакъ отсутствія общаго метода въ разработкѣ фактовъ и прочныхъ началъ?

Объяснять ли это разнообразіе направленій въ психологической наукѣ произволомъ и какими-нибудь случайными обстоя-

тельствами, или должно искать причинъ его глубже? Что въ психологіи есть мѣсто научному произволу, что въ ней великое значеніе имѣютъ личныя способности и предрасположенія изслѣдователей—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Астрономія и оптика, напримѣръ, уже достигли того состоянія, при которомъ дальнѣйшая судьба ихъ не зависитъ отъ личныхъ качествъ изслѣдователей: они безопасны отъ всякихъ метафизическихъ предубѣжденій изслѣдователей, отъ всякихъ предзанятыхъ взглядовъ ихъ. Въ психологіи же многіе взгляды на факты, *повидимому*, составляютъ предметъ личнаго вкуса.

Оттого такъ трудно найтись въ современныхъ направленіяхъ психологіи. Гдѣ искать основаній, по которымъ они дѣлились бы на группы?

Однако, внимательно углубляясь въ то, что *кажется* въ наукѣ о душѣ дѣломъ личнаго вкуса, мы находимъ, что и произвольныя, повидимому, разногласія не дѣло случая, что они возникли естественно и даже необходимо.

Нельзя, конечно, различать психологическія школы по взглядамъ психологовъ на разныя душевныя вліянія. Въ этомъ отношеніи, какая неурядица въ психологическихъ понятіяхъ! Мы видимъ выводы, основанные на фактахъ, которыхъ самое существованіе отрицается другой школой. Еще чаще приходится имѣть дѣло съ понятіями, ни на чемъ фактическомъ неоснованными, а существующими въ качествѣ логическихъ требованій. Не говоримъ уже о разнообразіи выводовъ, какіе дѣлаются разными школами изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, о разнообразной группировкѣ ихъ. Въ этомъ отношеніи можно бы насчитать столько школъ, сколько существуетъ разныхъ взглядовъ.

Значитъ, нужно искать другихъ основаній, по которымъ можно было бы группировать современныя психологическія школы.

Разнообразіе взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ не можетъ, конечно зависѣть отъ содержанія этого предмета: ибо оно остается при всѣхъ взглядахъ на него всегда однимъ и тѣмъ

же. Оне можетъ быть въ разной степени сложно, запуганно темно для разныхъ наблюдателей, но вѣдь остается же все однимъ и тѣмъ же при всѣхъ изслѣдованіяхъ? Слѣдовательно, причинъ различія взглядовъ нужно искать или въ самыхъ пріемахъ лицъ наблюдающихъ, или тѣхъ руководящихъ началахъ, съ какими они приступаютъ къ изслѣдованіямъ.

Такимъ образомъ, методы и руководящія начала, назовемъ ихъ метафизическими, главнымъ образомъ служатъ причинами образованія психологическихъ школъ и для насъ должны служить путеводными признаками въ группированіи разныхъ психологичеескихъ ученій.

Вопросъ о методѣ, какой долженъ быть приложенъ въ изслѣдованіи души, привелъ прежде всего психологовъ къ разномыслію. Въ этомъ отношеніи въ психологіи мы встрѣчаемъ всевозможныя попытки найти для нея плодотворный и вѣрный методъ.

Сосѣдство съ естественными науками не могло, конечно, остаться безплоднымъ для психологіи. Съ возрастаніемъ ихъ успѣховъ, ясность и точность ихъ выводовъ сдѣлались соблазнительны и для психологовъ. Естественнымъ образомъ возникла мысль — нельзя ли усвоить методъ естественныхъ наукъ и въ психологіи. Мысль эта нашла себѣ во многихъ великую поддержку: одни дотого увлеклись мыслію сдѣлать изъ психологіи естественную науку, что отрицая ее, какъ науку самостоятельную, стремятся обратить ее въ главу изъ физіологіи. Это первая грубая форма матеріализма, представляемаго въ настоящее время Молешотомъ и Фохтомъ. Въ болѣе смягченномъ видѣ, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о самостоятельности психологіи, ту же мысль удерживаетъ и Ноакъ, профессоръ гиссенскаго университета. Другіе, отвергая метафизику матеріализма, находятъ однако возможнымъ приложить къ изслѣдованію душевной жизни, во всей ея цѣлости, методъ, употребляемый въ физіологіи, опытъ и наблюденіе. Такова школа новѣйшихъ физіо-

логовъ, представляемыхъ Вундтомъ. Сюда же мы должны отнести и Фехнера, насколько онъ выразился въ своемъ трудѣ «Elemente der Psychophysic».

Нѣкоторые же, приступая къ изслѣдованію души, какъ предмета особаго, непохожаго на матеріальные предметы, встрѣчаемые нами въ природѣ, пытаются однакожъ удержать въ психологіи по крайней мѣрѣ методъ естественныхъ наукъ. Это психологія съ индуктивнымъ методомъ, представляемая, въ настоящее время, направленіемъ Бенеке.

Рядъ другихъ направленій отличается отъ упомянутыхъ натуралистическихъ тѣмъ, что они выходятъ изъ понятія полной самостоятельности психологіи, какъ науки, и далеки отъ мысли употреблять въ ней пріемы и методы естественныхъ наукъ. Одно направленіе, стремясь указать причинную связь и причинное соотношеніе между душевными явленіями, на этомъ самомъ началѣ своей науки основываетъ методику психологіи. Другое, поставивъ себѣ цѣлію главнымъ образомъ указать идеальное значеніе формъ душевной жизни, усиливается, такъ называемымъ, предметнымъ методомъ расположить ихъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ внутреннему значенію.

Но принять за основаніе дѣленія психологическихъ направленій методы, какими они пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ, мы все-таки не можемъ. Ибо, во-первыхъ, *не одни* методы главнымъ образомъ вліяли на раздѣленіе психологовъ на школы. Можно сказать безъ преувеличенія, что вопросъ о методѣ въ психологіи есть вопросъ въ нѣкоторомъ отношеніи второстепенный. Повидимому, можнобъ было думать, что прежде, нежели составлять понятіе о какомъ бы то ни было предметѣ, необходимо отдать себѣ отчетъ, какимъ путемъ можетъ быть изученъ предметъ, о которомъ нужно составить понятіе, и какіе пріемы мы должны употребить для сего. Въ ученой практикѣ дѣло дѣлается совсѣмъ иначе: потребно нѣкоторое знакомство съ предметомъ, по крайней мѣрѣ, необходимо знать, или предпо-

лагать, къ какому порядку фактовъ онъ относится, чтобъ вывести заключеніе о методѣ, которымъ должно пользоваться при его изученіи. Нельзя готовить орудіе не зная, для обработки какого предмета оно будетъ употреблено. И въ психологіи, если натуралистъ хлопочетъ о введеніи въ нее опыта и наблюденія, то, конечно, потому, что имъ уже составлено напередъ понятіе о душѣ, какъ предметѣ природы; если идеалистъ усиливается доказать необходимость особаго, только въ психологіи годнаго, метода, то, конечно, потому, что заранѣе онъ убѣжденъ въ несоизмѣримости душевныхъ явленій съ физическими. Слѣдовательно, начала науки, которыя мы назвали выше метафизическими, составляютъ главные вопросы, которые производятъ дѣленіе между школами.

Въ этомъ отношеніи психологію можно назвать показателемъ того или другаго состоянія метафизическихъ убѣжденій. Всѣ дѣленія философскихъ школъ въ общихъ воззрѣніяхъ на міръ повторяются и въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, глубокій философскій вопросъ, находится ли въ основаніи всѣхъ замѣчаемыхъ нами явленій единственное существо (субстанція), или множество существъ, — для нея имѣетъ великое значеніе. Метафизическое убѣжденіе въ единствѣ основанія міра самособою предполагаетъ обязательный и для психологіи выводъ, что душа и тѣло, въ сущности, существа одного и того же порядка и что замѣчаемая нами разнородность въ явленіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ *должна быть* только кажущеюся, а вовсе не существенною. Противоположныя метафизики необходимо обязываютъ и психолога раздвигать какъ можно далѣе границы между душевными и тѣлесными явленіями.

Такимъ образомъ, по метафизическимъ началамъ, мы должны групировать психологическія школы прежде всего на направленія, такъ-называемыя монистическія, дуалистическія и плюралистическія. Какъ извѣстно, метафизика первыхъ допускаетъ въ мірѣ только одно основаніе, будетъ ли то существо личное, или

безличное. Къ этому направленію мы должны отнести направленія матеріалистовъ и идеалистическое Гегеля. Какъ ни странно, повидимому, что мы идеализмъ Гегеля сопоставляемъ съ матеріализмомъ — однако въ философскомъ отношеніи они принадлежатъ къ системамъ одного рода. Если матеріализмъ считаетъ матерію — въ образѣ ли безформеннаго вещества, или въ видѣ атомовъ—за начало и основаніе всѣхъ явленій міра, то одинаковымъ образомъ и Гегель полагалъ въ основаніе міра единую безусловную самодвижущуюся идею, которая въ своемъ движеніи принимаетъ разнообразныя формы. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что каждый по своему понимаетъ существо, находящееся въ основаніи міра, но оба они сходятся въ той мысли, что это существо должно быть единымъ.

Дуалистическія школы — школа Канта — Фриза, Бенеке считаютъ одно основаніе міра недостаточнымъ, чтобы объяснить все разнообразіе явленій; и такъ какъ въ человѣкѣ мы замѣчаемъ два порядка, одинъ съ другимъ несоизмѣримыхъ, явленій, то и въ мірѣ, слѣдовательно, вѣнецъ котораго составляетъ животная жизнь, находятся два: вещественное и духовное начала, тѣсно соединенныя одно съ другимъ въ человѣкѣ. Психологія этой школы поэтому вовсе не старается какъ нибудь сближать явленія тѣлесной и душевной жизни. Задачу свою она ограничиваетъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы разнообразныя формы душевной жизни сгруппировать въ ряды и изложить ихъ въ системѣ. Къ разряду же дуалистическихъ школъ слѣдуетъ отнести и новѣйшую такъ-называемую идеальнореальную школу.

Плюралистическія школы находятъ, что и два существа только—вещественное и духовное—не удовлетворяютъ теоретическимъ требованіямъ, впутываютъ во многія несообразности и противорѣчія, что въ соотвѣтствіе съ значеніемъ окружающихъ насъ фактовъ жизни необходимо допустить множество существъ съ психическимъ характеромъ, составляющихъ основу являющагося намъ міра. Такова монадологическая система Лейбница, къ

которой, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ методологическомъ отношеніи, очень близокъ знаменитый психологъ Лотце. Въ сущности, та же самая монадологія — съ замѣной только лейбницевскихъ монадъ реальными существами—находится и въ основаніи Гербартіанизма.

Однако и по метафизическимъ началамъ нельзя удовлетворительно различать психологическія школы. Одними началами трудно объяснить, почему именно усвоенъ школами тотъ, или другой методъ. Хотя вопросъ о методѣ мы назвали второстепеннымъ сравнительно съ метафизическими началами вопросомъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторой мѣрѣ онъ вопросъ и самостоятельный. Самостоятельность эта всего лучше видна изъ того, что системы, въ философскомъ отношеніи принадлежащія къ одному и тому же порядку, совершенно расходятся въ своихъ методахъ. Спинозизмъ и матеріализмъ имѣютъ много общаго между собою съ метафизической стороны. Однако, какая разница между ихъ методами! Цѣлая система Гегеля поставила для себя вопросъ о методѣ первымъ и самымъ главнымъ философскимъ вопросомъ, и нерѣдко отъ своего предметнаго метода заимствуетъ для себя названіе. Мы соединимъ поэтому оба начала дѣленія направленій на школы, и по нимъ распредѣлимъ современныя направленія въ психологіи.

Прежде всего упомянемъ о тѣхъ направленіяхъ, которыя усвоили себѣ методы естественныхъ наукъ и взглядъ на душу какъ на обыкновенный предметъ природы. Въ порядкѣ этихъ направленій намъ, прежде всего, представляется такъ-называемая матеріалистическая психологія, по крайней мѣрѣ, на словахъ усвоившая себѣ методъ естественныхъ наукъ. Представителями двухъ направленій въ ней въ настоящеее время мы должны считать Фохта и Ноака. Затѣмъ, физіологическая школа въ психологіи, представителемъ которой мы должны считать Вундта, не предрѣшая въ матеріалистическомъ смыслѣ вопроса о душѣ, считаетъ возможнымъ методъ физіологіи усвоить и психологіи.

Наконецъ, третье направленіе, особенно плодотворное въ изслѣдованіи ощущеній — Вебера-Фехнера, прилагаетъ къ изслѣдованію душевныхъ явленій методы, хотя и въ духѣ естественныхъ наукъ, тѣмъ не менѣе спеціально предназначенныя для психологіи и основанныя дѣйствительно на правильныхъ понятіяхъ о качествѣ душевныхъ явленій.

Далѣе. Направленія, усвоившія себѣ методъ наведенія со взглядомъ на душу какъ нематеріальное существо, и на душевныя явленія какъ несоизмѣримыя съ физическими явленіями. Сюда относится такъ-называемая индуктивная школа въ психологіи, представителемъ которой въ новѣйшее время должно считать школу Бенеке. Эта школа, не смотря на метафизическое разногласіе съ матеріализмомъ, имѣетъ однако много общаго съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ способѣ обращенія съ душевными явленіями.

Далѣе. Направленіе строго, удерживающее понятіе о нематеріальности души и поставляющее себѣ главными задачами причинную связь и соотношенія между душевными явленіями—Гербартъ и его школа. Послѣднее направленіе можно назвать по преимуществу объяснительнымъ.

Затѣмъ направленія, удерживающія понятіе о совершенной идеальности души и душевныхъ явленій и имѣющія цѣль указать ихъ идеальное значеніе. Гегель и его школа.

Наконецъ, мы должны упомянуть о направленіяхъ, имѣющихъ цѣлію соединить два послѣднихъ направленія, т. е. указать причинное соотношеніе между душевными явленіями и вмѣстѣ ихъ идеальное значеніе. Сюда относится такъ-называемое, идеально-реальное направленіе Фихте jun. и Лотце.

ГЛАВА I.

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Физіологическое объясненіе душевныхъ явленій—Фохта и физическое—Нoака.—Побужденіе къ нимъ.—Противники ихъ.

Итакъ займемся теперь направленіями, усвоившими себѣ въ психологіи методы естественныхъ наукъ со взглядомъ на душу, какъ обыкновенный предметъ природы.

Направленія эти заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Ихъ близкая связь съ естественными науками придаетъ имъ особое значеніе; ибо они, повидимому, желаютъ внести въ психологическую науку то, чего ей недостаетъ, — положительность, точность. Мы увидимъ ниже, что не всѣмъ направленіямъ, которыя мы отнесли къ этому порядку, удается достигнуть въ психологіи указанной цѣли. Однако и тотъ уже одинъ фактъ, что работы Фехнера составляютъ въ настоящее время великое пріобрѣтеніе для психологіи, которымъ она по справедливости мо-

жетъ гордиться, указываетъ, что въ цѣляхъ этихъ направленій есть своя доля справедливости и что нѣкоторые ихъ пріемы и методы съ пользою могутъ быть приложены въ нѣкоторой области психологіи.

Между естественными науками съ физіологіей и физикой указанныя направленія имѣютъ особенно близкую связь. Матеріалисты говорятъ даже, что психологія должна быть только главою изъ физіологіи. Вундтъ, физіологъ—спеціалистъ, очевиднымъ образомъ вноситъ въ психологическія изслѣдованія физіологическія понятія и пріемы. Фехнеръ—физическія. Всѣ эти направленія стараются укрѣпиться главнымъ образомъ на почвѣ физіологіи. Особенно это нужно сказать о матеріализмѣ. Всѣ неопредѣленныя мечтанія, какія возможны для физіологіи, при ея настоящемъ состояніи, раздѣляются и ими. Мы сказали, при настоящемъ ея состояніи: такъ какъ физіологія, наука совершенно еще незаконченная, то имѣетъ много вопросовъ, на которые еще сама не знаетъ какъ отвѣчать, и ея надежды слишкомъ темны и неопредѣленны. Она готова теперь принять на себя изслѣдованія такихъ вопросовъ, которые совсѣмъ выходятъ изъ круга ея изслѣдованій, превышаютъ ея теперешнія и возможныя въ будущемъ научныя средства. На сколько увеличивается отъ этого число психологическихъ предразсудковъ—мы это сейчасъ увидимъ, занявшись матеріалистическою психологіей.

Какъ попытка вывести душевныя явленія изъ вещества, подвести психическія качества подъ разрядъ физическихъ, психологическій матеріализмъ заслуживаетъ нашего вниманія. Тѣмъ болѣе мы должны оказать ему вниманіе, что собственно на психологической почвѣ матеріализмъ вообще старается укрѣпиться, на ней получилъ онъ свое бытіе даже, и здравой психологіей только можетъ быть лишенъ всякаго призрачнаго значенія и основательности. На чемъ главнымъ образомъ сосредоточивается вниманіе матеріалистовъ? Какой вопросъ для нихъ составляетъ глав-

ный raison d'être? Очевидно, вопросъ о происхожденіи душевныхъ свойствъ и явленій. Они оттого и получили свое названіе, что матерію хотятъ принимать за производящую причину душевныхъ явленій. Слѣдовательно, этотъ вопросъ и составляетъ для нихъ ахилесову пяту. Вся ихъ теорія лишается всякаго смысла и значенія, если этотъ вопросъ рѣшится въ противномъ смыслѣ.

Въ средѣ современныхъ матеріалистовъ мы должны различать два направленія: одно строго-физіологическое—Фохта, Молешота и др., другое, болѣе смягченное, физическое — Ноака. Первое слишкомъ близко держится физіологическихъ понятій при объясненіи душевныхъ явленій. Оно не считаетъ нужнымъ входить въ подробный анализъ послѣднихъ; для него не существуетъ никакихъ трудностей въ рѣшеніи психологическихъ вопросовъ: при помощи физіологіи легко и удобно объясняются весьма сложныя душевныя явленія. Цѣлая психологія превращается такимъ образомъ въ одну главу физіологіи. Направленіе Ноака удѣляетъ гораздо болѣе вниманія психологической области, онъ въ нѣкоторой степени можетъ назваться даже психологомъ. По крайней мѣрѣ, онъ дѣлаетъ видъ иногда, что понимаетъ трудности при объясненіи психологическихъ вопросовъ и далеко не считаетъ разработанными и рѣшенными тѣ вопросы, съ которыми давно порѣшили его товарищи по направленію. Поэтому нельзя не усвоять направленію Ноака нѣкотораго научнаго значенія, чего, конечно, ни въ какомъ смыслѣ нельзя сказать о направленіи Фохта.

Въ самомъ дѣлѣ, какія работы Фохта мы можемъ указать, какъ весьма важныя для психологіи? Гдѣ онъ со всѣмъ вниманіемъ занялся психологическими вопросами? Вся его психологическая мудрость сводится къ тремъ-четыремъ отрывочнымъ фразамъ, имѣющимъ значеніе для психолога, конечно, не по внутренней ихъ силѣ, не по убѣдительности приведенныхъ въ нихъ доказательствъ, а только потому, что онѣ касаются предмета психологіи. Онѣ даже не собраны во что-нибудь систематическое, цѣлое, а разсѣяны по разнымъ его физіологическимъ трудамъ.

Главный пунктъ, котораго касаются фразы Фохта, конечно, вопросъ о душѣ и ея отношеніи къ тѣлу, то-есть, просто говоря, онѣ отрицаютъ существованіе этого вопроса: ибо души, какъ особаго и отличнаго отъ тѣла существа, нѣтъ, да и быть не можетъ, по его мнѣнію. Мысль, конечно, не новая, ибо всѣ матеріалисты разныхъ вѣковъ утверждали именно то положеніе, что нѣтъ въ мірѣ, а слѣдовательно и въ человѣкѣ, особаго нематеріальнаго существа души. Что̀ принадлежитъ собственно самому Фохту, или, лучше сказать, его сообщнику по направленію Молешоту, то именно форма, въ которой онъ думаетъ поставить въ зависимость такъ называемыя душевныя явленія отъ тѣла. Что душевныя явленія, напримѣръ мысль, существуютъ въ породѣ животныхъ, извѣстной подъ названіемъ человѣка, онъ не отрицаетъ, но принять поэтому особое, производящее мысль, существо, душу онъ считаетъ излишнимъ. Мысль такъ же есть, по его мнѣнію, произведеніе мозга, какъ желчь—произведеніе печени. Его собственныя слова относительно этого пункта заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. «Я полагаю — говоритъ онъ [1]) — что каждый естествоиспытатель, при сколько-нибудь послѣдовательномъ размышленіи, придетъ къ тому убѣжденію, что всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевной дѣятельности, суть только отправленія мозговаго вещества, или, выражаясь нѣсколько грубѣе, что мысль находится *почти* въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени, или моча къ почкамъ. Принимать душу, для которой головной мозгъ служитъ инструментомъ, которымъ онъ работаетъ по произволу, довольно затруднительно». Итакъ мысль есть *почти* произведеніе мозга. Однако, Фохтъ не счелъ нужнымъ яснѣй и точнѣй выразиться. Если мысль есть только *почти* произведеніе мозга, то въ чемъ именно заключается причина, по которой ее невоз-

---

[1]) Физіологическія письма Карла Фохта (пер. Бабк. и Лам.), 335.

можно считать совершенно его произведеніемъ? Какія это особенности мысли, которыя ставятъ ее въ нѣсколько другое отношеніе къ мозгу, чѣмъ въ какомъ находятся желчь къ печени, моча къ почкамъ? Мысль свою Фохтъ ставитъ подъ покровительство естествознанія: ибо онъ говоритъ, что и всякій естествоиспытатель, при послѣдовательномъ размышленіи, придетъ къ тому же самому убѣжденію. Понятно, чтó онъ хочетъ сказать этимъ выраженіемъ. Онъ думаетъ, что требованія единства міроздашія—мысль, повидимому, столь сродная современному естествовѣдѣнію—заставятъ каждаго натуралиста искать производящей причины душевныхъ явленій гдѣ-нибудь въ тѣлѣ и всего естественнѣй въ мозгѣ: «источника сознанія, воли и мысли, безъ сомнѣнія, говоритъ онъ [1]), должно *искать единственно только въ головномъ мозгу*». Вотъ первое основаніе для матеріалистическаго понятія о душевныхъ явленіяхъ; оно коренится въ требованіи единства въ мірѣ, присущемъ, повидимому, современному естествовѣдѣнію.

Второе основаніе, на которое такъ же, какъ и другіе матеріалисты, опирается Фохтъ, почему нельзя признать душу, какъ особое существо, производящее душевныя явленія, заключается въ фактѣ тѣсной зависимости такъ-называемыхъ душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ органовъ. Отправленіе и органъ вездѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ и совершенно немыслимы одно безъ другаго [2]). Отправленіе каждаго органа зависитъ отъ особеннаго его устройства. И такъ какъ отправленіе есть свойство самой матеріи, имѣющей опредѣленную форму и составъ, то и душевная дѣятельность есть только сумма отправленій мозговаго вещества [3]); она исчезаетъ вслѣдъ за уничтоженіемъ органа.

---

[1]) Физіолог. письма. 334.
[2]) Физіолог. письма. 680.
[3]) Физіологическія письма Карла Фохта, стр. 683.

Для доказательства этой своей мысли, Фохтъ приводитъ всѣ доказательства, какія только можетъ найти. Вліяніе родителей на психическія особенности дѣтей, совершающееся физіологическимъ путемъ зачатія, даетъ поводъ Фохту заключить о существованіи въ человѣкѣ однихъ только матеріальныхъ процесовъ [1]).

Такимъ образомъ основанная мысль даетъ уже безспорное право Фохту говорить объ органахъ, образующихъ волю. По его мнѣнію, есть образованія, которыя проводятъ волю, и образованія, которыя обусловливаютъ волю, какъ–бы выработываютъ ее [2]). Подобныя мнѣнія, конечно, прямо взяты изъ физіологіи и безъ всякой обработки перенесены на душевныя явленія. Въ одномъ отношеніи нельзя не отдать справедливости подобному методу: онъ до чрезвычайности упрощаетъ вопросы и даетъ на нихъ ясные, повидимому, и опредѣленные отвѣты. Въ понятіи, напримѣръ, органа, образующаго волю, мы имѣемъ, повидимому, весьма удовлетворительные отвѣты на многіе, занимающіе психологовъ другихъ школъ, вопросы. Тутъ нѣтъ нужды спрашивать, въ какомъ отношеніи воля находится къ другимъ душевнымъ дѣятельностямъ, какимъ образомъ душевное движеніе производитъ сокращеніе мускуловъ. Воля такимъ образомъ получаетъ значеніе своего рода отдѣленія, на подобіе отдѣленій железъ, и передача ея мускуламъ легко представляется намъ въ формѣ дѣйствія токовъ въ электрическихъ телеграфахъ. Равнымъ образомъ, уподобленіе мысли отдѣленіямъ железъ, повидимому, можетъ подкупать насъ

---

[1]) Тамъ же 693—696.

[2]) Физіолог. письма, 311.., «исключая частей, отъ которыхъ зависятъ рефлективныя движенія, существуютъ еще три группы образованій, которыя необходимы для обнаруженія какого-нибудь вольнаго движенія: вопервыхъ, собственно движущія первичныя волокна, которыя должны подвергнуться дѣйствію воли, или раздраженію, но сами не могутъ побудить себя къ дѣятельности; вовторыхъ. образованія, которыя проводятъ волю, и наконецъ, образованія, которыя обусловливаютъ волю, какъ бы выработываютъ ее».

своею ясностію. Она становится такимъ образомъ въ разрядъ почти осязаемыхъ предметовъ, и вся бѣда только въ томъ, что живой мозгъ недоступенъ нашему осязанію.

Однако, какъ не ясны и ни общедоступны, повидимому, воззрѣнія Фохта на душу и на душевныя явленія, легко видѣть причины этой ясности. Мы сказали, что вся суть его психологическаго ученія выражена въ разныхъ отрывочныхъ фразахъ, касающихся предмета психологіи. Это вовсе не случайное явленіе. Вовсе не потому такъ отрывоченъ въ этомъ отношеніи Фохтъ, что онъ, какъ физіологъ, не могъ, по недостатку случая къ тому, болѣе высказаться о психологическихъ предметахъ. Сказать что-нибудь болѣе — никогда не можетъ быть въ его планахъ: ибо что̀ онъ можетъ сказать еще кромѣ извѣстнаго намъ? Ничего болѣе, что всякое душевное явленіе есть произведеніе тѣлеснаго вещества. Пускаться же въ анализъ его — всегда опасно для такого матеріалиста, каковъ-Фохтъ. Анализъ душевнаго явленія никогда не откроетъ въ немъ ни одной вещественной черты, ничего похожаго на плотность, тяжесть, протяженіе, фигуру, замѣчаемыя нами въ вещественныхъ предметахъ; напротивъ, сколько бы мы ни раздробляли черты душевныхъ образованій, все-таки у насъ въ результатѣ получится нѣчто чисто-психическое. Потому-то такъ и склонны Фохтъ вмѣстѣ съ послѣдователями держаться въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. И самыя опредѣленныя аналогіи—уподобленія отношеній мысли къ мозгу отношеніямъ желчи къ печени—имѣютъ однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, именно самый неопредѣленный смыслъ. Если намъ понятны отношенія печени къ желчи, то совсѣмъ это уподобленіе не выдерживается въ отношеніи къ мозгу и мысли. Мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, откуда берутся соки для выработки желчи; знаемъ, какіе въ печени, по крайней мѣрѣ, по предположенію, существуютъ выдѣлительные органы—клѣточки, какъ посредствомъ разныхъ каналовъ выдѣленная желчь собирается въ свое receptaculum, гдѣ и представляется

намъ въ видѣ желтой массы. Будущая химія, можетъ быть, укажетъ намъ, посредствомъ какихъ химическихъ процесовъ вещества превращаются печенью въ желтую массу. То ли, однако, отношеніе мысли къ мозгу? Какими путями *можетъ* выработаться мысль? гдѣ она собирается въ видѣ отдѣленія? Какой ея цвѣтъ и фигура, ибо если отдѣляющіе ее органы имѣютъ цвѣтъ и фигуру, то, слѣдовательно, и ихъ отдѣленіе? Мы не касаемся еще внутренняго психическаго характера мысли: мы стоимъ на физіологической почвѣ и говоримъ какъ физіологи. Здравая физіологія ничего подобнаго не знаетъ и не говоритъ.

Мы сдѣлали только краткія замѣчанія по поводу сужденій Фохта, вовсе не съ цѣлью входить въ подробный анализъ представляемаго имъ дѣла. Сила матеріализма, конечно, не въ такихъ отрывочныхъ и несистематическихъ фразахъ. Мы займемся поэтому критическимъ обзоромъ ниже, когда будемъ говорить о всей массѣ доказательствъ contra, противопоставляемыхъ матеріализму противной психологіей. Теперь же перейдемъ къ другому, въ психологическомъ отношеніи, несравненно болѣе заслуживающему нашего вниманія, направленію Ноака.

У Фохта мы видѣли, что понятіе отдѣленія имѣетъ особое значеніе въ его объясненіи душевныхъ дѣятельностей. Отдѣлительные процесы нервной системы производятъ извѣстную намъ душевную жизнь. Мы видѣли отчасти, какъ мало такой грубый образъ представленія имѣетъ надеждъ на вѣроятность. У Ноака мы замѣчаемъ и бо̀льшую осторожность въ выраженіи, и болѣе обдуманныя понятія. Не довольствуясь понятіемъ отдѣленія, онъ ставитъ на мѣсто его движеніе, какъ исходное начало, причину и источникъ душевныхъ дѣятельностей. Въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ матеріалистамъ XVIII вѣка, у которыхъ движеніе, какъ первообразъ физической дѣятельности, служило объяснительной причиной душевныхъ явленій въ животной жизни. Парадоксальная мысль Тренделенбурга о движеніи, какъ причин-

номъ началѣ всякаго рода дѣятельности [1]); усвоена имъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы мысль Тренделенбурга была дѣйствительно весьма полезна для матеріалистовъ [2]).

Задачу матеріализма онъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: понятіе матеріи должно быть такъ составлено, чтобъ въ немъ уже дана была возможность возвысить матерію до душевныхъ качествъ, и чтобъ послѣднія казались бы нѣкоторымъ образомъ предопредѣленными въ ней: вотъ въ томъ и состоитъ задача понимающаго себя матеріализма—чтобъ указать возникновеніе душевныхъ дѣятельностей изъ соединенія и усиленія физическихъ дѣятельностей [3]). Но гдѣ же найти такое понятіе, изъ котораго легко было бы, посредствомъ разныхъ способовъ обращенія съ нимъ, выводить душевныя дѣятельности? Ноакъ думаетъ найти этотъ общій источникъ душевныхъ и тѣлесныхъ дѣятельностей въ понятіи движенія. «То общее — говоритъ онъ [4])—которымъ условливаются и основываются душевныя и физическія дѣятельности, то существенно одинаковое въ обоихъ, къ чему должно относить обѣ области явленія, есть ни что иное, какъ движеніе съ его измѣненіями и законами. Въ сущности матерія есть ни что иное, какъ система процесовъ движенія; точно также и духъ въ дѣйствительности есть ни что иное, какъ такая же система *явленій* движенія». И такъ душевныя и физическія дѣятельности въ сущности только процесы движенія, и различаются между собою тѣмъ только, что первыя суть системы *дѣйствительныхъ* движеній, вторыя—только явленій движенія. Слѣдовательно, душевныя явленія и у Ноака не получаютъ равноправности съ физическими; они въ родѣ миража съ его ка-

---

[1]) Logische Untersuchungen von Ad. Trendelenburg. I B. II Ausg. 140—151.

[2]) Noack. Psyche B. I. H. V. 64.

[3]) Тамъ же. B. I. VI. 36.

[4]) Тамъ же. B. I. VI. 28. Сравн. тамъ же. 29.

жущимися движеніями; въ основаніи, конечно, остаются все тѣ же физическія дѣятельности съ правами на дѣйствительное бытіе; ибо изъ нихъ, посредствомъ сочетанія и усиленія, должны быть выводимы душевныя дѣятельности.

Какъ трудно, однако, выводить изъ движенія душевныя дѣятельности — это видно уже изъ того, что лишь только Ноакъ принимается за эту неблагодарную работу, тотчасъ пускается въ неопредѣленныя выраженія и обоюдности. «Только посредствомъ движенія чувствъ, ихъ органовъ и дѣятельностей — говоритъ онъ [1])—воспринимаются внѣшнія впечатлѣнія, и что же иное, въ самомъ дѣлѣ, чувственныя впечатлѣнія, какъ не различныя явленія движенія?... Движеніе же продолжается во всѣхъ душевныхъ явленіяхъ: посредствомъ движеній представленія ставятся въ отношенія другъ къ другу, будетъ ли то слитіе, или только связь ихъ, и сплетаются одно съ другимъ, какъ весьма сложныя явленія движенія, такъ что душевныя явленія представляются намъ какъ-бы тканью, или сѣтью взаимно пересѣкающихся и безконечно спутанныхъ движеній». Очевидно, Ноакъ усиливается процесы, возбуждающіе душевныя явленія, или, точнѣе говоря, дающіе поводъ къ нимъ, или сопровождающіе ихъ—возвести на степень производящихъ и составительныхъ процесовъ: ибо, что движенія свѣтовыхъ волнъ возбуждаютъ въ насъ представленіе цвѣтовъ—это несомнѣнно, но какое значеніе имѣетъ при этомъ движеніе, если не одно только значеніе возбудателя въ духѣ извѣстныхъ явленій? Мы увидимъ ниже, какъ мало основаній усвоять движенію значеніе, котораго оно никогда не можетъ имѣть.

Признавъ движеніе за исходное начало душевной жизни, Ноакъ долженъ былъ усиливаться сводить къ нему всѣ явленія душевной жизни. Ощущенія, какъ мы уже видѣли, онъ называетъ

---

[1]) Noack Psyche. B. I. V. 64.

движеніемъ: онъ положительно, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ [1]), что ощущеніе, въ сущности, есть движеніе, идущее внутрь и здѣсь возбуждающее новыя движенія. Точно такъ же и представленія, по его мнѣнію, суть повторенныя движенія ощущеній. Ощущеніе завершается только тогда, когда раздраженіе изъ мозгу тѣмъ же нервнымъ путемъ, какимъ и проникло, возвращается къ тому мѣсту въ чувственномъ органѣ, отъ котораго направилось къ мозгу. Посредствомъ этого, необходимо соединеннаго съ каждымъ ощущеніемъ процеса, замѣчаемъ мы мѣсто, въ которомъ впечатлѣніе дѣйствуетъ на наше тѣло, и направленіе, въ какомъ оно дается намъ. Только тогда, когда такимъ образомъ ощущеніе *становится представленіемъ*, мы замѣчаемъ воспринятое впечатлѣніе, какъ пришедшее къ намъ отвнѣ, слѣдовательно, какъ предметное и отъ насъ отличное [2]). Посредствомъ движенія же совершается и соединеніе представленій въ группы. Однородныя ощущенія и представленія, вступающія въ мозгъ одновременно, или одно послѣ другаго посредствомъ чувствительныхъ нервовъ, собираются въ немъ и сливаются или одно съ другимъ, или съ прежними слѣдами подобныхъ представленій. *Посредствомъ безчисленныхъ, весьма тонкихъ нервныхъ трубочекъ и нервныхъ клѣтокъ, служащихъ въ мозгѣ проводниками и возбудителями представленій, соединяются и сплетаются между собою представленія, также и слѣды прежнихъ представленій.* Такимъ образомъ образуются группы и роды представленій, которыя тѣснятъ другъ друга въ своемъ пріемникѣ—мозгѣ, точно волны въ непокойномъ морѣ [3]).

Подобное отношеніе мы замѣчаемъ въ Ноакѣ и къ другимъ

---

[1]) Тамъ же. B. I. 12.
[2]) Noack Psyche. B. I. 1. 12.
[3]) Тамъ же, B. I. I. 14.

дѣятельностямъ души. Онъ, конечно, не признаетъ чувства за особый родъ дѣятельности души, а просто называетъ его особымъ классомъ чувственныхъ ощущеній, слѣдовательно сопоставляетъ его съ зрѣніемъ, слухомъ и т. д. [1]). Основывается же оно, по его мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ на особомъ состояніи напряженія, какое находится между настоящимъ, или воспоминаемымъ содержаніемъ представленія съ одной стороны, и одновременнымъ состояніемъ ощущенія нашего собственнаго тѣла [2]). Мысль Ноака, очевидно, неоригинальная; зерно ея принадлежитъ психологу Бенеке, съ которымъ мы встрѣтимся ниже: ибо, по мнѣнію послѣдняго, чувство основывается на сознаніи того напряженія, какое находится между двумя возбужденными душевными состояніями [3]); оригиналенъ же придуманный самимъ Ноакомъ органъ, который, такъ сказать, производитъ чувство. Органъ, измѣряющій, по его мнѣнію, указанное напряженіе, есть чувство осязанія, и общее чувство, распространенное, какъ на всей поверхности тѣла, такъ и на слизистой оболочкѣ, выстилающей внутренность его. Отличительное свойство этого чувства, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ ощущеній, заключается въ томъ, что его состоянія замѣчаются нами, какъ міръ внутреннихъ ощущеній, и что на немъ основывается самочувствіе каждаго человѣка, и та непосредственная увѣренность, какую мы имѣемъ въ своемъ существованіи. Такимъ образомъ всѣ чувства суть ни что иное, какъ сосредоточенныя въ извѣстныхъ мѣстахъ спиннаго мозга и части симпатическаго нерва раздраженія нервовъ осяза-

---

[1]) Noack Psyche. B. I, V. 44. «Gefühl bezeichnet über ebensowenig, wie Vorstellen und Wollen, ein besonderes und selbständig abgegränzte, Vermögen, sondern dasselbe ist in ahnlicher Weise, wie Gesicht, Gehör, Geruch, Geschmack... nur der zusammenfassende Ausdrück *für eine besondere Klasse von Sinnesempfindungen*».

[2]) Тамъ же. B. I. V. 45.

[3]) Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissentchaft von E. Beneke. 3 Auflage § 235, стр. 170—171.

нія и общаго чувства. Но, конечно—продолжаетъ онъ—самое послѣднее сосредоточеніе ихъ производится въ головномъ мозгу, въ которомъ осуществляется ихъ сознаніе [1]).

Какъ видно, Ноакъ находится въ совершенно другомъ отношеніи къ душевнымъ явленіямъ, чѣмъ Фохтъ. Тогда какъ послѣдній какъ-бы опасается заниматься анализомъ ихъ, первый всегда готовъ дать посильное объясненіе душевныхъ явленій съ своей точки зрѣнія. Его смѣлость даже такъ велика, что безъ особыхъ опасеній онъ приступаетъ къ объясненію факта сознанія. Извѣстно, что вопросъ о сознаніи составляетъ ахиллесову пяту матеріализма, что для него онъ самый трудный и нерѣшимый вопросъ. Ноакъ же думаетъ, что представленія тѣла достаточно, чтобъ обосновать наше сознаніе. Подобно остальному міру, и тѣло для своихъ чувствительныхъ нервовъ составляетъ внѣшній міръ, который служитъ для чувствъ источникомъ возбужденій и ощущеній. И послѣднія такъ же сохраняются и воспоминаются, какъ и представленія. Образовавшееся отъ подобныхъ соединеній представленіе тѣла постоянно сопутствуетъ всѣмъ другимъ нашимъ ощущеніямъ, и такимъ образомъ въ представленіи нашего «я» мы собираемъ въ одно цѣлое всю полноту прошедшихъ—воспоминаемыхъ и настоящихъ представленій, и въ одномъ фокусѣ сосредоточиваемъ наше цѣлое, многосложное существо [2]). Что же такое это «я» въ сущности? Оно есть постоянно исчезающій и постоянно же возобновляющійся верхній пунктъ въ спиральномъ движеніи нашихъ внутреннихъ состояній, переступить который не въ состояніи наше внутреннее самонаблюденіе: ибо въ нашемъ «я» заканчиваются всѣ роды нашихъ представленій, пересѣкаются и соединяются къ взаимному равновѣсію. Почему мы постоянно вновь сознаемъ свои представленія и состоянія—

[1]) Noack Psyche. B. I. V. 45. Сравн. тамъ же 46.
[2]) Тамъ же. B. I. I. 17.

это основывается единственно на постоянномъ повтореніи круговаго нервнаго движенія, въ которомъ совершается постоянное движеніе извнутри ко-внѣ, и на всякое раздраженіе слѣдуетъ отраженіе [1]). Къ произведенію же электрическаго процеса, посредствомъ котораго совершается явленіе сознанія, необходимо два тока: кромѣ тока мозговыхъ состояній, стремящихся къ сознанію, есть еще другой токъ въ мозговой оболочкѣ, на который дѣйствуетъ первый и который противодѣйствуетъ послѣднему. Мозговыя оболочки съ ихъ токами въ гальванической баттареѣ сознанія занимаютъ такимъ образомъ мѣсто замыкательныхъ проволокъ съ тѣмъ только различіемъ, что въ нихъ замыканіе совершается непроизвольно—фактъ, который подтверждается непроизвольностію сознанія [2]). Поэтому предѣлъ сознанія составляетъ внѣшняя оболочка мозга. Каждое представленіе и душевное состояніе, чтобъ быть въ сознаніи, должно достигнуть этого предѣла [3]).

Такимъ образомъ сознаніе возможно уже потому, что въ мозгѣ находится собирательный пунктъ и пріемникъ ощущеній общаго чувства, и что въ сосудистой оболочкѣ, глубоко проникающей въ мозгъ и принимающей въ себя ото всѣхъ сторонъ нервы, мы имѣемъ внутренній органъ, который, безъ сомнѣнія, также способенъ къ процесамъ ощущенія, какъ внѣшняя кожа служитъ органомъ для чувства осязанія [4]). Нужно, однако, замѣтить, что Ноакъ вовсе не считаетъ сознанія за свойство матеріи: «ибо сознаніе—говоритъ онъ [5])—не есть свойство, или произведеніе мозговаго вещества, но результатъ ряда явленій движенія, которое только проводятся нервными клѣтками и тканями мозгобой массы: первое же побужденіе всегда исходитъ или отъ внѣшняго міра, или отъ собственнаго тѣлеснаго міра.

---

[1]) Noack Psyche. B. I. III. 49.
[2]) Тамъ же. B. IV. 323.
[3]) Тамъ же. B. IV. 321.
[4]) Тамъ же. B. I. V. 60.
[5]) Тамъ же. B. I. VI. 25.

Намъ нѣтъ нужды собирать еще матеріалы, чтобъ видѣть способъ отношенія Ноака къ душевнымъ явленіямъ и взгляды его на нихъ. Человѣкъ представляется ему живымъ сборнымъ пунктомъ, *куда* проникаютъ движенія, *гдѣ* они сплетаются и уничтожаются одно другимъ и *откуда* выходятъ новыя движенія [1]). Какое понятіе о душѣ возможно при такомъ взглядѣ, это видно изъ слѣдующихъ его выраженій объ этомъ предметѣ: «Что во всемъ этомъ внутреннемъ движеніи является намъ связывающимъ единствомъ, пожалуй, назовемъ духомъ, если только не забудемъ, что это единство не есть какая-нибудь особая сила подлѣ другихъ силъ, или какое-нибудь особое, для себя существующее существо» [2]). Онъ склоненъ поэтому считать его за произведеніе движеній. Очевидно, все разнообразіе душевной жизни Ноакъ хочетъ свести на монотонную игру движеній.

Мы вовсе не случайно остановились на двухъ этихъ представителяхъ современнаго матеріализма—Фохтѣ и Ноакѣ. Мы видѣли, что первый усиливается ко всякому душевному состоянію приложить понятіе отдѣленія, второй—понятіе движенія. Первый склоненъ, какъ видно, сдѣлать изъ психологіи одну добавочную главу къ физіологіи, второй — къ физикѣ. Матеріализмъ одного мы можемъ назвать физіологическимъ, матеріализмъ другаго—физическимъ.

Нетрудно, однако, видѣть всю тщету усилій приложить къ психологіи физіологическія или физическія понятія. Мы сдѣлали уже нѣсколько замѣчаній касательно понятія отдѣленія и неудобства его нашли главнымъ образомъ въ томъ, что въ психическихъ состояніяхъ рѣшительно нѣтъ никакихъ признаковъ *отдѣленнаго* вещества. Представленія, чувства, стремленія не имѣютъ ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха, ни фигуры, ни плотности — ни

---

[1]) Тамъ же. B. I. I. 11.
[2]) Noack Psyche B. I. I. 16.

одного изъ тѣхъ признаковъ, какіе неизбѣжно должны были бы быть во всякомъ отдѣленіи вещественнаго органа. Мы не въ состояніи представить себѣ, какимъ бы путемъ извѣстныя намъ вещества, входящія въ составъ органическихъ тѣлъ—кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ, какъ-бы нѣкоторымъ чудомъ являлись на поверхности отдѣляющаго головнаго мозга то представленіемъ, напримѣръ, этихъ же самыхъ веществъ. то понятіемъ, то въ видѣ чувства скорби, гнѣва или порывистой радости. Въ чемъ должна заключаться чудодѣйственная сила стѣнокъ нервныхъ клѣтокъ, что обыкновенныя химическія соединенія, фильтруясь сквозь нихъ, вдругъ получаютъ свойства, которыхъ прежде нетолько не имѣли, но которыхъ невозможно было даже подозрѣвать въ нихъ? Если вещества имѣютъ душевныя качества еще до фильтрованія, то, очевидно, вопросъ только переносится съ одного пункта на другой; ибо существованіе психическихъ качествъ, какъ равноправныхъ съ физическими, въ этомъ случаѣ несомнѣнно предполагается. Или нужно предположить, что самыя нервныя клѣтки сообщаютъ веществамъ качества, какихъ они не имѣли, но тогда мы допустимъ алхимическую мысль о превращеніи одного вещества въ другое. Ясно, что аналогія Фохта не только не имѣетъ за себя ни одной черты сходства, но и сводитъ процесы совершенно разнородные.

То же самое слѣдуетъ сказать о попыткѣ приложить движеніе къ душевнымъ качествамъ. Надобно сказать вообще, что вопросъ о движеніи принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ вопросовъ, совершенно неподдающихся нашему опредѣленію. Какимъ образомъ ударъ заставляетъ тѣло двигаться по прямой линіи? Для физика, какъ и для обыкновеннаго наблюдателя, тутъ все кажется понятнымъ: просто, ударяющее тѣло соприкасается съ другимъ и передаетъ свою силу другому, которое и движется съ скоростію прежняго тѣла, если оба тѣла равны по массѣ. Но если далѣе анализировать, дѣло оказывается не столь простымъ. Очевидно, то положеніе, что тѣла дви-

жутся отъ удара, означаетъ, если ударить тѣло, то оно прійдетъ въ такое состояніе, при которомъ оно должно двигаться: если движеніе такимъ образомъ есть извѣстнаго рода состояніе тѣлъ, при которомъ они переходятъ отъ одного пространственнаго пункта къ другому, какимъ же, спрашивается, образомъ одно состояніе тѣла передается другому? Неужели такъ, что, при встрѣчѣ съ покоющимся тѣломъ, отъ движущагося отдѣляется его состояніе и переходитъ въ другое? Но въ такомъ случаѣ, это состояніе въ минуту самаго перехода, какъ бы мала она ни была, есть ничье состояніе, качество, свойство безъ лица, котораго оно было бы качествомъ, свойствомъ. Съ другой стороны, невозможно дать опредѣленіе движенія: ибо сколько бы ни старались указать высшее понятіе, къ которому оно относилось бы, во всякомъ такомъ опредѣленіи мы тайно или явно будемъ объяснять движеніе движеніемъ же. Конечно, странно было бы отрицать возможность движенія ради метафизическихъ трудностей его понятія. Какъ фактъ физическій, ежедневно и ежеминутно замѣчаемый нами, оно не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе не трудно замѣтить, что едва-ли практично искать объясненія въ такомъ началѣ, котораго понятіе намъ не удается, котораго чертъ и свойствъ мы не можемъ вывести аналитически изъ его понятія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ извѣстное намъ физическое понятіе движенія можетъ дать намъ какое-нибудь указаніе на то, что оно, какъ-бы въ волшебномъ фонарѣ, можетъ явиться намъ то въ видѣ многообъемлющаго понятія, то въ видѣ удовольствія, то въ видѣ нравственнаго добра, эстетическаго удовольствія, стремленія къ чему-нибудь? И какъ ни скудно физическое опредѣленіе его, какъ пространственной смѣны тѣломъ одного пункта положенія на другой, тѣмъ не менѣе, оно вполнѣ достаточно, чтобъ видѣть всю невозможность вывести изъ него происхожденіе совершенно новыхъ душевныхъ качествъ. Для примѣра обратимъ вниманіе на наши ощущенія. Въ нихъ, повидимому, движеніе имѣетъ весьма важное значеніе: ибо весь

рядъ процесовъ, необходимыхъ для произведенія ощущенія, начинается движеніемъ. Какъ извѣстно, для ощущенія свѣта и цвѣтовъ необходимо движеніе свѣтоваго эѳира, для ощущенія звуковъ—воздуха, для ощущенія вкуса—движеніе химическихъ жидкостей и т. д. Мало того, движеніе, начавшееся извнѣ, должно продолжаться и внутрь, чтобъ произошло ощущеніе: необходимо, чтобъ оно какимъ бы то ни было образомъ, и въ какомъ бы то ни было видѣ, нарушило движеніе электрическихъ и нервныхъ токовъ, ибо безъ этого условія не происходитъ ощущенія. Слѣдовательно движеніе есть своего рода alma mater, производящая ощущенія. И однако, можно ли сказать, что ощущеніе есть движеніе? Есть ли хотя малѣйшее указаніе, что въ зеленомъ цвѣтѣ столько-то биліоновъ сотрясеній свѣтоваго эѳира, а въ красномъ—столько-то! Даже возможно ли видѣть въ нихъ малѣйшій намекъ, что въ одномъ должно быть гораздо менѣе сотрясеній, чѣмъ въ другомъ, хотя они различаются, дѣйствительно, количествомъ сотрясеній. И если физика говоритъ намъ, что цвѣта, начиная съ краснаго и кончая фіолетовымъ, различаются между собою только количествомъ сотрясеній, то какой же психологъ, понимающій свое дѣло, скажетъ, что различіе между ощущеніями цвѣтовъ есть только количественное, а не качественное? Очевидно, при переходѣ въ область душевныхъ явленій, движеніе отказывается помогать намъ при ихъ объясненіи: внимательно слѣдуя рядъ процесовъ ощущенія, мы замѣчаемъ, что движеніе имѣетъ важное значеніе только въ качествѣ возбудителя состояній въ какомъ-то другомъ существѣ—состояній, совершенно непохожихъ на возбуждающую ихъ причину. Хотя фактически и видимъ мы причинную связь между ощущеніями и движеніемъ, однако, кто же будетъ въ состояніи указать логическую связь между этой причиной и ея дѣйствіемъ, и кто въ состояніи вывести изъ движенія, какъ причины, необходимость ощущенія, какъ слѣдствія? Слѣдовательно, мы можемъ только установить фактъ подобнаго взаимодѣйствія въ настоящей системѣ міра, но не мо-

жемъ логически понять его возможности, тѣмъ менѣе, его необходимости. И чѣмъ далѣе мы пойдемъ въ анализѣ душевныхъ состояній, тѣмъ невѣроятнѣе будетъ казаться намъ мысль о движеніи, какъ дѣятельной и производящей ихъ причинѣ. Если Ноакъ представленіе называетъ дважды повтореннымъ ощущеніемъ, или произведеніемъ движенія, достигшаго мозга и снова возвратившагося къ начальному его пункту, то кто же можетъ удовлетвориться этимъ объясненіемъ? Сколько бы мы ни стали умножать движеній внутри тѣла, по какимъ бы путямъ его ни водили, въ концѣ концовъ, если нѣтъ души, способной раздражаться внѣшними впечатлѣніями, мы всегда получимъ то же самое движеніе, можетъ быть, измѣненное въ своемъ видѣ, фигурѣ, силѣ и направленіи.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ понятію измѣненія, какъ необходимому для психолога. Въ томъ и состоитъ ошибка людей, желающихъ объяснить движеніемъ душевныя явленія, что они упускаютъ изъ виду существенное ихъ качество. Если движеніе свѣтоваго эѳира произвело ощущеніе краснаго цвѣта, то это значитъ не то, что съ движеніемъ произошелъ своего рода фокусъ и оно, вступивъ въ нервъ, вдругъ оказалось ощущеніемъ краснаго цвѣта, а скорѣе то, что, по силѣ дѣйствующей въ мірѣ и человѣческомъ организмѣ причинной связи, нервный токъ, возбужденный движеніемъ свѣтоваго эѳира, возбудилъ неизвѣстнымъ для насъ образомъ въ душѣ ощущеніе цвѣта. Слѣдовательно, душа потерпѣла, вслѣдствіе дѣйствія на нее физической причины, извѣстнаго рода измѣненіе въ своемъ существѣ. Представленія предметовъ, которыя мы когда-то ощущали,—опять новыя явленія въ душѣ, возбужденныя въ ней различными причинами; слѣдовательно, опять душа должна была выйти изъ одного состоянія, при которомъ не имѣла извѣстныхъ представленій, и перейти въ другое, чтобъ имѣть ихъ — опять необходимо понятіе измѣненія. Если чувства удовольствія или неудовольствія, стремленія суть разныя состоянія, то не значитъ ли, что душа дол-

жна была потерпѣть различныя измѣненія въ своихъ состояніяхъ, чтобъ вызвались въ ней указанныя явленія? Много ли помогаетъ намъ тутъ понятіе движенія? Пожалуй, можно сказать что удовольствіе, гнѣвъ, эстетическое наслажденіе и стремленіе, представленіе и понятіе—не болѣе, какъ различные роды и виды движенія. Но получается ли тутъ у насъ хотя одна черта, которая дѣлала бы понятнымъ ихъ причинную связь? Ясно, что безъ понятія качественнаго измѣненія никакъ нельзя обойтись при объясненіи состояній души. На разныя внѣшнія воздѣйствія душа отвѣчаетъ произведеніемъ новыхъ, не встрѣчающихся въ физическомъ мірѣ, качествъ, слѣдовательно, она претерпѣваетъ качественныя измѣненія въ своихъ состояніяхъ.

Такимъ образомъ и физіологическое понятіе отдѣленія и физическое — движенія совершенно неудовлетворительны при объясненіи состояній души. Они нетолько не объясняютъ намъ того, что́ должны были бы объяснять, а напротивъ, совершенно въ превратномъ видѣ представляютъ намъ качество душевныхъ явленій. Поэтому, останавливаться на этихъ попыткахъ мы не станемъ. Какъ готовыя предположенія для объясненія душевнаго міра, они вовсе неважны, ибо неудовлетворительность ихъ для цѣли, для которой они предпринимаются, видна съ перваго взгляда. Для насъ гораздо важнѣе та мысль, во имя которой дѣлаются подобныя попытки, и тѣ стремленія, изъ которыхъ онѣ рождаются и въ которыхъ получаютъ свою силу и пищу. Матеріализмъ не тѣмъ силенъ въ настоящее время, что представители его въ физіологіи стремятся свести душевныя явленія въ разрядъ отдѣленій мозга, а представители его въ физикѣ стараются указать въ душевныхъ состояніяхъ только роды и виды движеній. Онъ коренится гораздо глубже, именно въ плохо-понятомъ стремленіи къ понятію единства въ природѣ, противъ котораго нѣтъ еще достаточнаго противодѣйствія въ современномъ состояніи естественныхъ наукъ.

Современное состояніе естественныхъ наукъ именно таково, что

можетъ питать тщетныя надежды на расширеніе круга подлежащихъ ихъ объясненію предметовъ. Съ науками законченными этого, конечно быть не можетъ; астрономія, напримѣръ, точно и опредѣленно знаетъ, что̀ подлежитъ ея изслѣдованію, и за что взяться она не можетъ. Другое дѣло съ науками еще начинающими быть точными. Физіологія еще не вышла изъ того состоянія, при которомъ большая часть ея открытій не переживаетъ, по мѣткому выраженію Лотце, болѣе четырехъ лѣтъ [1]). Это особенно нужно сказать въ отношеніи физіологіи головнаго мозга, дѣятельность котораго особенно важна для психолога; ибо, по признанію одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ анатомовъ І. Гирля [2]), къ нему и теперь можетъ примѣниться выраженіе Фонтани о мозгѣ, высказанное имъ за 150 лѣтъ: obscura textura obscuriores morbi, functiones obscurissimae. При такомъ состояніи вопроса, всякое новое открытіе должно безмѣрно увеличивать надежды, ибо неизвѣстно, гдѣ могутъ быть предѣлы объясненія физіологическимъ путемъ. Тотъ же фактъ, что головной мозгъ имѣетъ такое важное значеніе для душевной дѣятельности, что разныя состоянія его могутъ то препятствовать, то возвышать, то давать особыя направленія, то совсѣмъ подавлять душевную дѣятельность, повидимому, уполномочиваетъ ставить ее въ причинное отношеніе къ мозгу. Понятно, что въ этомъ случаѣ открывается обширное поле для разнаго рода ипотезъ, представляется своего рода tabula rasa, на которой всякій можетъ писать, что́ хочетъ. Равнымъ образомъ и тотъ фактъ, что многія явленія, ставившіяся прежде внѣ области естественныхъ наукъ, съ успѣхомъ объяснены послѣдними, что многое изъ того, что́ прежде считалось недоступнымъ опыту и наблюденію, теперь стало предметомъ весьма точныхъ опытовъ, естественно сбиваетъ съ толку. Естественно рождается мысль, что всѣ яв—

[1]) Medicinische Psychologie, oder Physiologie der Seele von R. H. Lotze. 1852. Vorwort VI.

[2]) Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла. І. Гиртля. Перев. Баллодъ и Фаминцынъ. 772. 1862.

ленія, въ сущности, совершаются при посредствѣ обыкновенныхъ физическихъ законовъ, обыкновенными реальными дѣятелями, и что, въ заключеніе, все можетъ быть объяснено физикой и физіологіей. Подобное стремленіе еще болѣе укрѣпляется метафизическимъ требованіемъ единства въ мірѣ, ибо міръ, говорятъ, не можетъ быть раздвоенъ въ своихъ законахъ и дѣйствующихъ причинахъ: на мѣсто замѣчаемой нами гармоніи выходила бы путаница и хаосъ.

Объ этомъ-то требованіи единства въ природѣ мы и намѣрены теперь говорить. Что оно служитъ источникомъ большихъ предразсудковъ, доказывается тѣмъ фальшивымъ одушевленіемъ, съ какимъ во многихъ, несомнѣнно проникнутыхъ матеріалистическимъ духомъ сочиненіяхъ, говорится объ этомъ требованіи единства въ природѣ. Жизнь міра слагается, какъ извѣстно, изъ слѣдующихъ дѣятелей; вопервыхъ, изъ общихъ законовъ, по которымъ совершается всякая дѣятельность въ мірѣ; вовторыхъ, изъ реальныхъ дѣятелей, которые какъ-бы носятъ эти законы, управляющіе ихъ дѣятельностію, втретьихъ, мы замѣчаемъ въ мірѣ общій планъ, по которому имѣетъ смыслъ и значеніе всякая дѣятельность и всякій дѣятель. О какомъ единствѣ хлопочутъ матеріалисты? Конечно, не объ единствѣ плана. Онъ, конечно, долженъ быть или одинъ въ мірѣ или въ мірѣ нѣтъ вообще никакого плана. Множество плановъ, если они не соподчиняются какой-нибудь высшей цѣли, высшему плану, производило бы безконечный хаосъ въ мірозданіи. Но въ этомъ отношеніи матеріалисты совершенно склонны допустить скорѣй отсутствіе плана въ мірѣ; ибо, по ихъ мнѣнію, всякая вещь и всякое лицо служатъ только примѣрами дѣйствія общихъ законовъ, а идеальнаго значенія не имѣютъ и имѣть не могутъ. Остается единство общихъ законовъ и единство, или, лучше сказать, однородность реальныхъ дѣятелей. О томъ, на сколько имѣетъ основанія первое стремленіе, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Что касается до стремленія ко второму единству, то оно, дѣйствительно, особенно

сильно и въ матеріалистахъ. Они и получили свое названіе отъ стремленія все объяснять матеріей. Попытки эти представляются намъ главнымъ образомъ въ двухъ видахъ. Одна, предполагая въ мірѣ одно вещество, являющееся намъ въ разныхъ формахъ, думаетъ, что и душевная жизнь есть видъ дѣятельности такой матеріи. Другая, выходя изъ понятія недѣлимыхъ, различныхъ между собою фигурой и плотностью кристаллизаціи, атомовъ, предполагаетъ, что всякая дѣятельность въ мірѣ зависитъ отъ различнаго положенія и степени соединенія атомовъ и что душевная дѣятельность есть произведеніе особеннымъ образомъ устроенныхъ и расположенныхъ атомовъ мозга. Надобно сказать, что первая теорія въ настоящее время довольно устарѣла и мало имѣетъ послѣдователей: для нея, въ самомъ дѣлѣ, остаются неразрѣшимыми вопросы: откуда въ безформенной, однообразной матеріи могло взяться разнообразіе составляющихъ міръ веществъ и дѣятельностей: отвнѣ не могли взяться какія-нибудь причины, производящія разнообразіе, потому что, по предположенію, въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ матеріи; въ самой же ей тоже не могли современемъ произойти такія причины; ибо sine causa nihil fit, а еслибы и произошли, то онѣ должны были существовать до времени въ матеріи тайнымъ образомъ, что уничтожаетъ самое предположеніе однообразной матеріи. Гораздо распространнѣе второе предположеніе матеріальныхъ атомовъ, различныхъ между собою фигурой и строеніемъ. Эта теорія находитъ себѣ и силу и пищу въ современной физикѣ и химіи. Хотя существованіе 62 или 63 неразложимыхъ нынѣ тѣлъ и говоритъ въ пользу качественнаго различія тѣлъ, тѣмъ не менѣе натуралисты охотно предполагаютъ, что современемъ это число сократится, и вѣроятно докажется, что качественныя различія такъ называемыхъ простыхъ тѣлъ въ сущности основываются только на разномъ ихъ строеніи и фигурѣ, а въ сущности во всѣхъ ихъ находится простое вещество. Впрочемъ, практически, за исходное понятіе всегда почти прини-

мается понятіе недѣлимыхъ и различныхъ между собою атомовъ, по числу простыхъ химическихъ тѣлъ. Затѣмъ, все разнообразіе въ мірѣ вещей и дѣятельностей сводится къ различнымъ сочетаніямъ и расположеніямъ атомовъ. Чтобъ избѣжать недоразумѣній, мы скажемъ, что въ практическомъ отношеніи, какъ полезное при изслѣдованіяхъ предположеніе, теорія атомовъ достойна уваженія и вниманія въ наукѣ. Такихъ предположеній, которыя существуютъ въ наукѣ, какъ временныя и полезныя то для математическихъ выкладокъ, то для обобщенія и выраженія фактовъ, очень много въ современной наукѣ. И странно было бы, конечно, изгонять ихъ изъ нея, и тѣмъ лишать ее полезныхъ услугъ, какія они могутъ оказать ей,—потому только, что они не выдерживаютъ метафизической критики.

Въ приложеніи къ психологіи, однако, мы не можемъ допустить, чтобы стремленіе къ единству объясняло дѣятельностію атомовъ душевную жизнь. Въ психологической наукѣ атомистика не можетъ быть терпима ни въ видѣ полезнаго научнаго предположенія, ни въ видѣ дѣйствительно объяснительной теоріи. Полезная въ физикѣ и химіи, эта теорія совершенно безполезна и вредна въ психологіи. Какое бы мы ни давали положеніе атомамъ, какого бы они цвѣта, фигуры, вкуса, запаха, плотности ни были, никогда изъ сложенія ихъ мы не получимъ ощущенія или представленія, чувства или стремленія: ибо въ такомъ случаѣ являлись бы у насъ новыя качества, какихъ атомы до сочетанія въ видѣ мозга не имѣли, что, конечно, невозможно. Вредна же атомистика въ психологіи уже потому, что она побуждаетъ искать въ атомахъ того, чего въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ, и обезображивать факты для опредѣленія научныхъ предразсудковъ.

Что, дѣйствительно, съ реальнымъ физическимъ міромъ сопоставленъ еще другой міръ душевной, или психической жизни, это можно видѣть изъ тѣхъ доказательствъ, какія обыкновенно приводятся въ пользу бытія особаго существа—непохожаго на

замѣчаемыя нами въ природѣ вещества—души. Они довольно старыя доказательства, и возникали постепенно съ развитіемъ и усиленіемъ матеріализма. И нужно сказать, что ему не удавалось и едва-ли удастся когда-нибудь достаточно опровергнуть ихъ. При критической оцѣнкѣ ихъ мы увидимъ, однако, что не всѣ они одинаково сильны и въ равной мѣрѣ доказываютъ бытіе личнаго существа души. Мы приведемъ ихъ, слѣдуя главнымъ образомъ за Лотце [1]) и Фихте jun. [2]), у которыхъ съ особенной силой и ясностію изложены эти доказательства.

Первое, и наиболѣе сильное доказательство въ пользу существованія особой нематеріальной души, отличной отъ тѣла, противники матеріалистовъ думаютъ найти въ свободѣ проявленій ея жизни, противоположной необходимости, управляющей явленіями тѣлесной жизни. Мы видимъ, говорятъ, что въ человѣкѣ есть начало, свободно опредѣляющее себя къ дѣятельности, дѣйствующее по своему произволу, ибо многія дѣйствія, совершаемыя нами, мы могли бы и не совершать; слѣдовательно въ нашей свободѣ заключалась причина, почему мы опредѣляемъ себя къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Взятое само по себѣ, это доказательство не имѣетъ однакожъ приписываемой ему силы. Съ одной стороны вопросъ о свободѣ принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ и сложныхъ философскихъ вопросовъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется обыкновенному сознанію, философія принять его не можетъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ противорѣчилъ бы законности явленій въ мірѣ и дѣлалъ бы необъяснимымъ замѣчаемое нами отсутствіе хаоса въ обществѣ человѣческомъ. Съ другой стороны, весьма трудно указать, какія именно дѣйствія человѣка можно считать свободными. Если свободныя дѣйствія метафизически вообще возможны и составляютъ

---

[1]) Medicinische Psychologie von Lotze. 1852, 9—20; Mikrokosmus. Versuch einer Anthropologie von Lotze. 1858. I. B. 155—182.

[2]) Anthropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele. Von I. H. Fichte. II Ausg. 1860. 56—94.

необходимое требованіе нашихъ нравственныхъ потребностей, то весьма трудно различать въ дѣйствіяхъ людей свободные поступки отъ несвободныхъ. Общаго признака, совершенно вѣрнаго, установить въ этомъ случаѣ невозможно. Одного лишь собственнаго сознанія нашего, что мы рѣшаемся дѣлать что-нибудь по собственному нашему произволенію, еще недостаточно, ибо весьма многія изъ подобныхъ нашихъ дѣйствій, нами считаемыхъ за свободныя, въ сущности совершенно несвободны. Поэтому доказательство это въ пользу существованія нематеріальной души можетъ имѣть значеніе только при другихъ доказательствахъ; само же по себѣ оно даетъ мѣсто слишкомъ многимъ спорамъ и недоразумѣніямъ.

Во вторыхъ, въ пользу существованія въ человѣкѣ нематеріальной души, приводится несоизмѣримость и несравнимость душевныхъ явленій съ тѣлесными, или физическими. Душевныя явленія составляютъ совершенно особый и непохожій на физическій рядъ явленій. Они не имѣютъ ни цвѣта, ни фигуры, ни вкуса, ни запаха, ни плотности, въ ихъ соединеніяхъ нѣтъ ни разстоянія, ни протяженія. Впечатлѣнія зеленаго цвѣта вовсе не зелены сами по себѣ, или представленіе треугольника вовсе не имѣетъ вида треугольника. Чувство удовольствія при видѣ любимаго кушанья и чувство наслажденія при видѣ античной статуи, различаются между собою не плотностію своей, или фигурой, а тѣмъ особеннымъ содержаніемъ, которое дѣлаетъ ихъ явленіями именно душевной, а не физической жизни. Всѣ они не составляютъ какого-либо продолженія, или повторенія физическихъ явленій, а представляютъ собою совершенно новый рядъ фактовъ, возникшихъ потому, что въ рядъ взаимодѣйствій міра введено было новое существо, отвѣчавшее на физическія вліянія произведеніемъ совершенно новыхъ состояній, отличныхъ отъ состояній физическихъ тѣлъ. Странно было бы, конечно, представить себѣ, что, представляя себѣ движеніе поѣздка желѣзной дороги, мы только повторяемъ движеніе этого поѣзда отъ

одного пространственнаго пункта до другаго, и что въ нашей головѣ движется этотъ поѣздъ. Въ этой несоизмѣримости душевныхъ явленій съ физическими, главнымъ образомъ заключалась, какъ мы видѣли, трудность подвести душевныя явленія подъ разрядъ физическихъ и приложить къ нимъ физіологическія и физическія понятія. Мы видѣли, почему понятіе отдѣленія не могло быть усвоено психологіей: ибо въ душевныхъ явленіяхъ мы не можемъ отыскать ни одной черты, которая дѣлала бы ихъ чѣмъ-нибудь похожимъ на физіологическія отдѣленія. Въ нихъ нѣтъ ни одного изъ матеріальныхъ признаковъ, которые непремѣнно должны бы были быть въ нихъ, еслибъ они были отдѣленіемъ мозга. Съ другой стороны, душа производитъ душевныя состоянія вовсе не такъ, какъ какая-нибудь физіологическая клѣточка производитъ отдѣленія. Химія когда-нибудь может быть, будетъ въ состояніи указать намъ, что такія-то органическія соединенія, всасываясь такой-то животной клѣточкой, переработываются ею въ такія-то соединенія, и при этомъ укажетъ рядъ тѣхъ химическихъ процесовъ, которымъ произошло окончательное соединеніе. Ничего подобнаго не въ состояніи сдѣлать съ душевными явленіями никакой физіологъ и психологъ. Если органическая химія можетъ сказать намъ, что при такихъ условіяхъ въ клѣточкѣ поступающее въ нее химическое соединеніе необходимо должно вступить въ такія-то новыя химическія соединенія, то невозможно ни психологіи, ни физіологіи доказать, что движеніе свѣтоваго эѳира, достигая нерва и мозга, необходимо должно быть отдѣлено послѣднимъ въ видѣ понятія о фигурѣ и цвѣтѣ извѣстнаго предмета. Точно такъ же невозможно удержать и понятіе движенія въ объясненіи душевныхъ дѣятельностей: ибо движеніе это мы не замѣчаемъ даже въ тѣхъ психическихъ явленіяхъ, поводъ къ которымъ подало физическое движеніе—въ ощущеніяхъ цвѣтовъ, тона, гармоніи, запаха и т. п. А что же сказать уже о тѣхъ душевныхъ состояніяхъ, напримѣръ, чувствахъ удовольствія или неудовольствія, эстетическомъ

наслажденіи, отвлеченныхъ понятіяхъ, къ происхожденію которыхъ даже и повода не дало движеніе?

Надобно сказать объ этомъ доказательствѣ вообще, что оно хотя и не доказываетъ необходимости *личнаго* существа души, однако вполнѣ доказываетъ самостоятельность и равноправность душевныхъ явленій съ физическими. Какъ мы видѣли, матеріалисты вообще склонны отрицать самостоятельность психическихъ явленій. Если они не дерзаютъ отрицать самый фактъ ихъ существованія, то говорятъ зато, что душевная жизнь есть своего рода фокусъ, понимаемый только нами особеннымъ образомъ, но возникающій при помощи обыкновенныхъ физическихъ процесовъ и обыкновенныхъ физическихъ дѣятелей. Увлеченные предразсудкомъ въ пользу самостоятельной, непохожей на физическія существа, души, равно какъ и гордымъ чувствомъ, непозволяющимъ намъ ставить себя въ разрядъ обыкновенныхъ явленій природы, мы легко воображаемъ себя нематеріальными существами. Матеріалисты считаютъ такимъ образомъ душевныя явленія производными явленіями, низводятъ ихъ въ разрядъ обманчивыхъ призраковъ, миражей, возникающихъ только въ глазахъ такихъ поверхностныхъ наблюдатей, каковы обыкновенные люди. Предъ наукой, разоблачающей ихъ сущность, они распадаются, по ихъ мнѣнію, на ряды обыкновенныхъ физіологическихъ процесовъ, повторяющихся вездѣ, гдѣ только повторяются тѣ физіологически-химическія соединенія, какія существуютъ въ человѣческомъ мозгу. Фактъ несоизмѣримости душевныхъ явленій съ физическими доказываетъ всю поверхностность такого взгляда. Если душевныя состоянія — своеобразныя явленія, то, конечно, должно быть и своеобразное начало, производящее ихъ; если они особыя, невозможныя для физическихъ причинъ, состоянія, то должны имѣть и особую причину. Конечно, было бы преждевременно заключать отсюда, что должно быть особое личное существо, какъ ихъ причина: ибо можно предположить, что въ матеріи, въ тѣхъ же самыхъ матеріальныхъ атомахъ, кото-

рые составляютъ животный мозгъ, вмѣстѣ съ физическими свойствами тяжести, протяженія, фигуры, цвѣта, вкуса, запаха и т. д., одновременно и равноправнымъ образомъ существуютъ и психическія свойства. Къ этой уловкѣ и прибѣгаютъ весьма часто матеріалисты, когда говорятъ, что матерія вовсе не такъ дурна, какъ ее представляютъ, и что она такъ же способна къ произведенію душевныхъ явленій, какъ и физическихъ. Явно, что понятіе такого совмѣстнаго существованія совершенно разнородныхъ свойствъ въ одномъ пунктѣ, есть не только шагъ къ дуализму, но и самый крайній дуализмъ. Если спиритуалисты говорятъ только о *соединеніи* въ человѣкѣ тѣлеснаго и душевнаго начала, то все-таки каждому они усвояютъ самостоятельное бытіе и не заставляютъ раздвояться на непохожіе другъ на друга разнородные пласты. Если же въ матеріи должны быть эти пласты въ качествѣ разнородныхъ свойствъ, то вопросъ затрудняется и усложняется. Спрашивается, какимъ образомъ возможно существованіе въ одномъ подлежащемъ совершенно разнородныхъ свойствъ безъ того, чтобъ оно не было само раздвоено, и тѣмъ не уничтожался характеръ его единства? Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся оба эти разнородные ряды свойствъ?

Третье доказательство, приводимое противниками матеріалистовъ, уничтожаетъ и эту возможность объяснить существованіе душевныхъ явленій указаннымъ понятіемъ психическаго характера матеріи. Оно необходимо требуетъ предположенія въ человѣкѣ личной души, какъ особаго начала — источника душевной жизни. Это фактъ сознанія. Нельзя не сознаться, что этотъ фактъ наиболѣе труденъ для объясненія съ точки зрѣнія матеріалистовъ. Какимъ образомъ возможно для насъ сознаніе собственныхъ состояній, если нѣтъ въ насъ какого-нибудь единичнаго существа, которое относило бы къ себѣ разныя свои состоянія? Понятіе физіологическаго отдѣленія здѣсь оказывается ни къ чему неидущимъ. Неужели для каждаго душевнаго со-

стоянія выдѣляется мозгомъ сознаніе? Неужели то самое явленіе, что мы къ нашему «я» относимъ всѣ свои состоянія, тоже составляетъ выдѣленіе мозга? Понятіе движенія такъ же мало объясняетъ дѣло. Извѣстный примѣръ паралелограмма силъ говоритъ собственно противъ матеріалистовъ. Если въ немъ движеніе по діагонали представляется, какъ сумма движеній мозга, то необходимо все-таки еще что-нибудь, что̀ могло бы воспринимать на себя эти движенія и являться сознаніемъ. Движеніе безъ чего-нибудь движущагося существовать не можетъ. Какъ бы мы ни представляли себѣ процесъ сознанія, всегда намъ необходимо будетъ признать бытіе такого существа, которое носило бы въ себѣ сознаніе: въ значеніи одной только суммы, результата безъ существа, которое выражало бы эту сумму, сознаніе немыслимо. Представимъ себѣ, что частицы головнаго мозга способны каждая чувствовать свое состояніе. Онѣ дѣйствуютъ взаимно другъ на друга и каждая чувствуетъ то вліяніе, какое на нее оказываетъ другая, сосѣдняя. Но и въ этомъ случаѣ она чувствуетъ только собственное состояніе. Какимъ же образомъ она можетъ знать состояніе другаго атома? Не можетъ же состояніе одной частицы цѣликомъ переходить въ другую и въ самую минуту перехода быть ничьимъ состояніемъ? Еслибы и возможенъ былъ такой переходъ, то принимающая его частица могла бы знать о немъ только тогда, когда онъ какимъ бы то ни было образомъ подѣйствуетъ на нее. И въ этомъ случаѣ дѣйствіе можетъ состоять только въ томъ, что оно возбуждаетъ какое-нибудь состояніе въ той частицѣ, на которую дѣйствуетъ. Слѣдовательно, въ результатѣ каждая частица головнаго мозга будетъ чувствовать только одни собственныя состоянія, ничего не зная о состояніи другихъ, сосѣднихъ частицъ. Сколько состоитъ частицъ въ головномъ мозгу, столько же получится у насъ и сознаній, если предполагать, что мозгъ, а слѣдовательно и каждая частица, способна производить сознаніе. Ясно, что сознаніе не можетъ быть какой-нибудь средней суммой

изъ дѣйствій многихъ атомовъ. Если мы предположимъ, что разныя части мозга способны производить разныя душевныя состоянія, то невозможно придумать процесса, которымъ объяснялось бы знаніе души о всѣхъ ея состояніяхъ. Тогда каждая часть головнаго мозга имѣла бы свою собственную жизнь, знала бы только о ней, для нея совершенно была бы закрыта жизнь другихъ частей. Очевидно, сознаніе возможно только потому, что разныя внѣшнія вліянія дѣйствуютъ на одно существо, возбуждаютъ въ немъ разныя состоянія, о которыхъ оно знаетъ уже потому одному, что всѣ эти состоянія суть *его* состоянія.

Противъ послѣдняго положенія обыкновенно возражаютъ, что мы сознаемъ вовсе не всѣ свои состоянія, что содержаніе нашего сознанія постоянно мѣняется, такъ какъ многое забывается; что съ различными возрастами оно бываетъ весьма различно, что различіе это слѣдуетъ даже соотвѣтственно перемѣнамъ года, дня, погоды и тому подобное. Все это совершенно справедливо, но дѣйствительно опровергать нашу мысль не можетъ. Главный вопросъ въ томъ, можетъ ли сознаніе вообще какихъ–нибудь состояній составлять результатъ дѣйствій двухъ частицъ? Все равно, много ли, мало ли состояній сознается душой, всѣ ли или не всѣ, а только нѣкоторыя въ извѣстное время чувствуются ею — сила доказательства остается одна и та же: сознаніе не можетъ быть слѣдствіемъ дѣйствій многихъ существъ, они не могутъ вообще произвести чего-нибудь подобнаго сознанію. Для того, чтобы сознать вдругъ два своихъ состоянія, для этого необходимо непремѣнно быть однимъ личнымъ существомъ, способнымъ относить къ своему средоточію разныя состоянія свои и представлять ихъ себѣ. Единство сознанія такимъ образомъ составляетъ самое сильное опроверженіе матеріалистическаго взгляда на душу. Если гдѣ, то въ этомъ пунктѣ преимущественно теорія атомовъ оказывается безсильною.

Вмѣстѣ съ другимъ доказательствомъ несоизмѣримости душевныхъ явленій съ физическими единство сознанія, конечно, проч-

но основываетъ предположеніе души, какъ особаго самостоятельнаго и личнаго существа. Затѣмъ, всякая скорбь о дуализмѣ, вводимая такимъ образомъ въ міросозерцаніе, не должна уже имѣть особаго значенія. Могутъ ли двѣ противоположности физическихъ и душевныхъ явленій примиряться въ какомъ-нибудь высшемъ началѣ, могутъ ли онѣ разсматриваться какъ двѣ стороны—внутренняя и внѣшняя одного и того же существа? Психологу, уважающему свою науку, не слѣдуетъ какъ-нибудь вмѣшиваться въ этотъ вопросъ и изъ науки своей дѣлать метафизику. Если, изучая человѣка, онъ видитъ въ немъ два качественно-различныхъ одинъ отъ другаго порядка явленій, то ни что не должно удерживать его признавать, по крайней мѣрѣ, фактическое состояніе вопроса. Какъ скоро открыты были электрическія явленія, никто не возражалъ противъ предположенія особаго физическаго начала; то же самое случилось и съ предположеніемъ галванизма. Никто не думалъ дѣлать попытокъ представить новооткрытое начало какъ видъ извѣстныхъ тогда физикѣ другихъ какихъ-нибудь началъ. И этому методологическому пріему физика обязана тѣмъ блестящимъ своимъ положеніемъ, въ какомъ находится нынѣ. Та же практика повторяется и въ химіи. При всякомъ открытіи новаго химическаго тѣла, никто не думалъ намѣренно скрывать его особенныхъ свойствъ, его особенныхъ реакцій, тѣхъ соединеній, въ какія оно вступаетъ, чтобъ имѣть право представлять его какъ видъ извѣстныхъ уже химическихъ тѣлъ. И благодаря этой практикѣ, мы имѣемъ не метафизическія разсужденія о превращеніи одного химическаго тѣла въ другое, или происхожденіи химическихъ тѣлъ изъ одной общей матеріи, а настоящую химію, точно знающую свой предметъ и дающую намъ самыя точныя свѣдѣнія. Матеріалисты мало обращаютъ вниманія на плодотворную практику естественныхъ наукъ, хотя и считаютъ себя ихъ представителями. Оттого, въ сущности, мы не можемъ указать какихъ-нибудь услугъ психологіи, которыя были бъ ока-

заны ей ими. Все, что они дали до сихъ поръ ей, состоитъ изъ однихъ общихъ мѣстъ о зависимости души отъ тѣла, о матеріальности ея и полемическихъ выходокъ противъ своихъ противниковъ. Можно развѣ указать одну только отрицательную заслугу, какую они несомнѣнно оказали психологіи. Она состоитъ въ томъ, что они всегда пріучали своихъ противниковъ обращать вниманіе на зависимость душевныхъ процесовъ отъ физическихъ, и предохраняли ихъ отъ тѣхъ умозрѣній, которыя, не научая ничему новому, весьма помогаютъ однако забывать добытыя уже наукою знанія. Но и эту заслугу скорѣе всего нужно, пожалуй, приписать естественнымъ наукамъ, чѣмъ матеріалистамъ. И, безъ сомнѣнія, вліянію и помощи естественныхъ наукъ слѣдуетъ приписать появленіе въ наукѣ о человѣкѣ прекрасныхъ изслѣдованій Фехнера. За матеріалистами остается скудная заслуга—время отъ времени возбуждать вопросъ о душѣ и полемику, самое существованіе которой доказываетъ, никогда неумирающее въ человѣкѣ сознаніе его духовности и, слѣдовательно, высшаго значенія въ природѣ, чѣмъ какое имѣютъ въ ней системы чисто-физическихъ процесовъ.

ГЛАВА II.

ВЛІЯНІЕ ФИЗІОЛОГІИ НА ПСИХОЛОГІЮ.

Психологія естественная наука. Методы психологіи. Метафизическія стремленія. Необходимость общихъ понятій и ихъ значеніе. Тожество психическаго и физическаго процесовъ. Безсознательная жизнь. Происхожденіе въ душѣ пространственныхъ представленій. Скорость душевныхъ состояній. Происхожденіе сознанія.

Перейдемъ теперь къ представителямъ натуралистическаго направленія въ психологіи, Вундту и Фехнеру. На естественныя науки хотѣли бы опереться и матеріалисты и подъ защиту ихъ главнымъ образомъ они становятся, когда отрицаютъ бытіе души, какъ особаго и самостоятельнаго существа. Но истиннаго вліянія естественныхъ наукъ мы не замѣчаемъ въ нихъ, поэтому нѣтъ въ ихъ психологическомъ ученіи какихъ-либо научныхъ результатовъ. Совсѣмъ другое замѣчаемъ мы въ названныхъ нами современныхъ ученыхъ. Они также, какъ Фохтъ и Ноакъ, могутъ быть названы представителями разныхъ натуралистическихъ направленій въ психологіи. Вундтъ-физіологъ и въ своихъ психологическихъ трудахъ проводитъ физіологическіе прі-

емы и методы. Фехнеръ-физикъ и въ извѣстной области душевныхъ явленій его физикоматематическіе пріемы сопровождались блистательными открытіями. Ихъ труды, конечно, оттого и имѣютъ несравненно важнѣйшее значеніе для психологіи въ сравненіи съ фразами матеріалистовъ, что они не старались приспособлять понятія о душевныхъ явленіяхъ къ физіологическимъ и физическимъ, а напротивъ послѣднія приноровлять къ первымъ.

Но, конечно, всякая привычка не скоро уничтожается и обычаи, пріобрѣтенные въ изслѣдованіяхъ совершенно инородныхъ явленій легко удерживаются и тамъ, гдѣ они не годятся. Примѣръ этого мы видимъ всего разительнѣй въ Вундтѣ. Онъ физіологъ спеціалистъ, но принадлежитъ къ той новѣйшей школѣ естествоиспытателей, которые считаютъ нужнымъ знакомиться и съ философскими сочиненіями. Дилетантское отношеніе къ философіи не освобождаетъ ихъ отъ физіологическихъ предразсудковъ. И въ Вундтѣ мы замѣчаемъ наклонность управляться съ душевными явленіями, какъ онъ привыкъ относиться къ физіологическимъ.

Вундтъ убѣжденъ, что психологія должна стать наконецъ естественной наукой. [1])

Онъ очевидно хочетъ дать психологіи точность, ясность естественныхъ наукъ. Онъ очень часто жалуется на недостаточность и произвольность спекулятивныхъ методовъ, приложенныхъ къ психологіи, лишающихъ ее точнаго характера, по праву ей принадлежащаго, какъ естественной наукѣ. Онъ присоединяетъ къ этимъ своимъ жалобамъ недовольство и на самонаблюденіе, которымъ исключительно руководилась старая психологія и заслонила собою употребленіе опыта и исторіи, какъ вспомогательныхъ средствъ психологіи. Онъ увѣренъ, что когда экспериментъ овладѣетъ душевными явленіями и обращено будетъ болѣе вни-

---

¹) Vorlesungen uber die Menschen und Thierseele, von W. Wundt. I. VII. vorred.

нанія на исторію народовъ, психологическія явленія сдѣлаются для насъ яснѣе и понятнѣе, изученіе ихъ болѣе научнымъ и глубокимъ, и психологія болѣе ясной, точной и широкой наукой, съ вѣрными надеждами на прогрессивное развитіе.

Толки о психологіи, какъ естественной наукѣ весьма неновы. Въ послѣднія двадцать лѣтъ въ Германіи чуть ли не каждый учебникъ по психологіи называлъ ее лестнымъ именемъ Naturwissenscaft. Конечно, разсуждая теоретически, ничего нельзя имѣть противъ этого названія Душевныя явленія суть также явленія природы, какъ и всѣ другія физическія явленія и слѣдоват. наука, разсуждающая объ этихъ явленіяхъ, можетъ съ такимъ же правомъ называться естественной наукой, какъ физика, изучающая законы движенія въ природѣ, или химія, трактующая о сродствѣ тѣлъ. Но это названіе одно ни къ чему не обязываетъ психологію и ничего къ ея содержанію не прибавляетъ. Оно можетъ казаться, что зачисляя психологію въ разрядъ естественныхъ наукъ, мы тѣмъ самымъ обязываемся усвоить себѣ методъ и понятія ихъ и искать приложенія къ душевнымъ явленіямъ тѣхъ законовъ, какіе открыты въ дѣятельности чисто-физическихъ силъ. Но по нѣкоторомъ размышленіи оказывается, что это или не совсѣмъ основательно, или не приложимо къ психологіи, *какъ естественной наукѣ.* Обыкновенно принято говорить, что методъ естественныхъ наукъ есть методъ наведенія,—тотъ методъ, посредствомъ котораго мы обобщаемъ извѣстныя частныя явленія, восходя отъ частнаго къ общему, открывая такимъ образомъ всеобщіе законы явленій. Но во первыхъ въ этой самой формѣ методъ наведенія не есть единственный методъ естественныхъ наукъ только: онъ повсюду принятъ въ историческихъ наукахъ: въ нихъ также обобщаются частныя явленія и открываются общія формы проявленій силъ человѣчества, создающихъ цивилизацію, законы распространенія ея и общія условія вообще ея развитія. Слѣдоват. о приложеніи этого метода къ психологіи и говорить много нечего. Онъ есть об-

щее достояніе всѣхъ наукъ и преимущественно описательныхъ, слѣдоват. въ томъ числѣ психологіи. Гордость современной науки основывается на той методикѣ, главнымъ образомъ основывающейся на опытѣ, которая въ безчисленныхъ и весьма разнообразныхъ формахъ развита въ каждой естественной наукѣ и которая вся выходитъ изъ одного правила: уединить какое-нибудь явленіе природы, чтобъ видѣть форму его (въ природѣ никогда сила не дѣйствуетъ одна только, а всегда въ взаимодѣйствіи съ другими: оттого невозможно наблюдать въ природѣ силу, дѣйствующую уединенно) и поставить силы природы въ такія разнообразныя условія дѣятельности, чтобъ можно было видѣть всѣ ея формы, или же чтобъ въ сложномъ явленіи отдѣлить случайныя причины отъ нормальныхъ, посредствомъ опыта производя явленія въ разныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ химикъ старается получить возможно чистое простое тѣло, пробуетъ реакціи его на другія тѣла и получаетъ истину, что тѣло, которое растворяется въ такихъ-то кислотахъ, и изъ раствора осаждается такими-то щелочными растворами, соединяясь при этомъ съ извѣстными тѣлами въ тѣло извѣстнаго цвѣта, формы и т. д., называется такъ-то. Или, чтобъ получить простое тѣло изъ какого-нибудь сложнаго химическаго тѣла, онъ старается уединить его посредствомъ тѣлъ, имѣющихъ сильнѣйшее химическое сродство къ тѣламъ, съ которыми искомое простое тѣло находится въ соединеніи, получая его наконецъ послѣ длинныхъ и долгихъ операцій. Тутъ нельзя сказать, идетъ ли химикъ при изученіи свойствъ тѣлъ болѣе отъ частнаго къ общему или, наоборотъ, онъ какъ хорошій хозяинъ пользуется обоими, гдѣ нужно. Главное дѣло тутъ опытъ: если по опыту оказалось, что чистая мѣдь растворялась въ сѣрной кислотѣ, то нѣтъ нужды ему еще трудиться по наведенію заключать, что и всякая мѣдь растворяется въ кислотѣ. Это было бы тождесловіе: если дѣйствительно мѣдь была въ совершенно чистомъ состояніи и ея химическія сродства не были какъ-нибудь нарушены другимъ со-

единеннымъ съ ней тѣломъ,—то одного опыта достаточно, чтобъ на все будущее время опредѣлить способъ поведенія мѣди по отношенію къ сѣрной кислотѣ. Или: физіологъ, стараясь изучить отправленіе какого-либо нерва, старается устроить такъ свои опыты, чтобъ выдѣлить дѣйствіе нерва отъ дѣйствія другихъ: онъ смотритъ, какими результатами сопровождается парализованіе его, и если хотя одинъ разъ замѣчено имъ, что пораженіе личнаго нерва сопровождается ослабленіемъ лицевыхъ мышицъ, и онъ убѣжденъ, что тутъ нѣтъ содѣйствія другихъ какихъ-нибудь обстоятельствъ, ему нѣтъ надобности собирать тысячи наблюденій, чтобъ доказывать одинъ разъ вѣрно замѣченный фактъ. И если для анатоміи еще такъ много загадочныхъ органовъ, которыхъ значеніе и отправленіе въ организмѣ она положительно не знаетъ, то это именно потому, что не найдено еще методовъ: или такъ уединить эти органы, или нѣкоторыя части ихъ, чтобъ непосредственно замѣтить ихъ отправленіе, или произвести искуственное патологическое ихъ состояніе, чтобъ изъ того вліянія, какое производитъ ихъ ненормальное состояніе на прочія отправленія организма, вывести значеніе и цѣль ихъ существованія. Слѣдовательно, результаты въ подобныхъ случаяхъ добываются не умѣньемъ заключать отъ частнаго къ общему; въ частныхъ фактахъ въ подобныхъ случаяхъ недостатка нѣтъ, только ничего изъ нихъ не получается, и тѣ общіе выводы, какіе возможны изъ нихъ, не стоятъ труда, чтобъ говорить о нихъ. Микроскопически загадочные органы изучены довольно обстоятельнымъ образомъ: форма клѣточекъ, различныя ткани, химическое содержаніе ихъ, все это извѣстно, но отсюда ничего не слѣдуетъ потому, что связать эти факты между собою и съ другими, и доказать ихъ *необходимость* мы, по неимѣнію нужныхъ данныхъ, не можемъ. Мы могли бы до безконечности размножить свои примѣры. Но и сказаннаго достаточно, чтобъ понять, что сила естественныхъ наукъ заключается не въ умѣньи заключать отъ частнаго къ общему: тогда есте-

ственныя науки никогда не были бы чѣмъ-нибудь выше описательныхъ наукъ, какъ наприм. нынѣшняя ботаника,—а въ умѣньи синтезировать факты въ необходимое, связное, цѣлое нѣчто, и для добыванія фактовъ синтезировать условія въ такое цѣлое, чтобъ фактъ получался возможно вѣрнымъ и точнымъ. Примѣнительно къ этимъ цѣлямъ и развита та методика, которою справедливо гордится современная естественная наука. И что, по философскому словоупотребленію, называется индукціей, т. е. заключеніемъ отъ частнаго къ общему, точно также относится къ цѣлому мышленію въ естественныхъ наукахъ, какъ часть большаго цѣлаго, какъ одна изъ формулъ силогизма къ цѣлой силогистической формѣ силогизма. Хотя и есть общія черты въ частныхъ методахъ естественныхъ наукъ, однако въ каждой наукѣ методы такъ характеристичны и, можно сказать, индивидуальны, что едва-ли методика одной науки съ удобствомъ можетъ переноситься въ другую. Ошибся бы тотъ физіологъ, который сталъ бы экспериментировать нервъ точно также, какъ электрическую желѣзную проволоку, или хотѣлъ бы мускулы точно также изслѣдывать, какъ обыкновенныя эластичныя тѣла. Каждая естественная наука занимается или особыми родами физическихъ тѣлъ, или особыми родами явленій въ тѣлахъ или особыми сторонами явленій, слѣдовательно, каждая наука, при изученіи своего предмета, имѣетъ дѣло съ особенными характеристичными условіями и необходимо должны приспособлять къ нимъ свои методы. Даже въ одной наукѣ методы, годные къ изслѣдованію одного ряда предметовъ, негодны къ изслѣдованію ряда другихъ: методы, употребительные въ анатоміи при изслѣдованіи железъ съ выводными протоками, вовсе негодятся при изслѣдованіи железъ безъ такихъ протоковъ. Всякій предметъ изслѣдованія, поставленный въ извѣстныя характеристичныя условія, необходимо требуетъ отъ изслѣдователя приспособленія и соображенія методовъ съ этими условіями: иначе выйдетъ тоже, что вышло бы

съ плотникомъ, еслибъ онъ при постройкѣ дома и мебели захотѣлъ обойтись однимъ топоромъ.

Соображая сказанное нами выше, мы легко поймемъ, насколько справедливо требованіе ввести методъ естественныхъ наукъ въ науку о душевныхъ явленіяхъ. Какъ мы уже сказали, разсуждая теоретически только, нѣтъ особенныхъ основаній не соглашаться съ тѣмъ положеніемъ, что душа относится къ числу предметовъ природы и что слѣдовательно методъ естественныхъ наукъ приложимъ и къ психологіи. Но въ томъ-то и дѣло, что методъ этотъ, какъ цѣлое нѣчто, не существуетъ, а существуютъ только частные методы, или лучше методика, мѣняющаяся съ родами изучаемыхъ явленій и предметовъ. Слѣдовательно къ психологіи не приложима та именно методика, какая употребляется въ другихъ естественныхъ наукахъ. Будь психологъ, по своимъ общимъ философскимъ убѣжденіямъ, матеріалистъ или спиритуалистъ, дуалистъ или унитаристъ—все равно, лишь только приступаетъ онъ къ изслѣдованію душевныхъ явленій, учоная добросовѣстность требуетъ отъ него признанія, что онъ тутъ имѣетъ дѣло съ рядомъ новыхъ явленій, не похожихъ на знакомыя ему изъ другихъ наукъ явленія Если онъ, какъ физикъ, можетъ быть убѣжденъ, что свѣтъ, электричество, теплота суть разные виды одного движенія, различающіеся между собою только количественно, то какъ психологъ, приступая къ изслѣдованію качественныхъ психическихъ явленій, онъ долженъ признать ихъ непохожесть, рѣшительную новость и несоизмѣримость съ физическими явленіями. Очевидно ощущеніе краснаго цвѣта не можетъ быть само краснымъ, или зеленаго—зеленымъ, или представленіе трехугольника—трехъугольникомъ, или представленіе 40 верстъ—тоже длиннымъ на 40 верстъ, теплаго—само теплымъ и льда льдомъ. Тутъ есть нѣчто другое чисто качественное, интенсивное въ противуположность представляемому количественному, экстенсивному. Или радость и страданіе, понятія и стремленія опять чисто качественныя состоянія души не похожія на встрѣчающіяся въ природ-

состоянія тѣлъ. Еслибы психологъ былъ наприм. матеріалистомъ, но добросовѣстнымъ учонымъ, то онъ могъ бы хранить въ душѣ убѣжденіе о тождественности, по самому источнику, физическихъ и психическихъ процессовъ, но приниматься за изслѣдованіе душевныхъ явленій выходя именно изъ этого убѣжденія, и къ нему стараясь гнуть все объясненіе фактовъ, значило бы тоже, какъ еслибы химикъ принимался за изслѣдованіе химическихъ явленій и свойствъ тѣлъ, выходя изъ убѣжденія, что всѣ простыя тѣла, которыхъ онъ и не знаетъ еще, суть видоизмѣненія одной и той же матеріи. Можетъ быть такъ и есть на самомъ дѣлѣ и современемъ эта мысль докажется научнымъ образомъ, но теперь можно только *думать* объ этомъ, а не вносить въ науку недоказанную истину, потому что для современной химіи фактъ—существованіе неразложимыхъ при настоящихъ средствахъ науки 62 или 63 тѣлъ. Легко могло бы случиться, что такой химикъ, желая доказать, что всѣ простыя тѣла суть видоизмѣненія одной и той же матеріи, опустилъ бы безъ вниманія существенныя качественныя отличія нѣкоторыхъ тѣлъ и сталъ бы заниматься безплодными для науки аналогіями. По этой самой новости и несоизмѣримости психической жизни съ физическими явленіями, и негодятся въ психологіи методы другихъ естественныхъ наукъ. Какъ мы уже говорили, эксперіментъ именно не удается, когда онъ прилагается къ высшей психической жизни: скажемъ болѣе, онъ тутъ вовсе не мыслимъ, потому что даже при живосѣченіи человѣка, еслибы оно и возможно было, нельзя было бы проникнуть далѣе психофизической жизни. Необыкновенная сложность психическаго организма, гораздо бóльшая, чѣмъ физическаго, увеличивающаяся еще отъ взаимодѣйствія обоихъ, едвали дастъ возможность когда-нибудь уединить какую-либо душевную силу, чтобъ видѣть дѣятельность одной только ея и непосредственно изучать законы этой дѣятельности. Чрезвычайное множество совмѣстно дѣйствующихъ силъ, то соединяющихся для усиленія результата, то ней-

трализующихъ другъ друга, дѣлаютъ при объясненіи какого-нибудь явленія чрезвычайно шаткими наши сужденія о немъ и даютъ намъ поводъ къ построенію многихъ логическихъ возможностей безъ рѣшительныхъ выводовъ. Занимавшіеся физіологіею знаютъ, какъ трудно даже при удающихся опытахъ получить твердые, положительные выводы, и какъ легко, при истолкованіи физіологическихъ фактовъ, дается просторъ фантазіи и произволу.

Пойдемъ далѣе:—съ названіемъ естественной науки можетъ повидимому возлагаться на психологію обязанность усвоить себѣ понятія естественныхъ наукъ и искать въ душевной жизни приложенія общихъ законовъ природы. Если это требованіе понимать такъ, что при изслѣдованіи душевной жизни нужно только прилагать къ нимъ готовыя уже физическія и физіологическія понятія, то, очевидно, нельзя съ такимъ мнѣніемъ бороться серьозно. Еслибъ мы для объясненія связи между душевными явленіями запаслись изъ химіи понятіемъ сродства, и захотѣли анализировать сложныя понятія, образовавшіяся изъ большаго числа представленій по аналогіи сложныхъ химическихъ соединеній, мы не вышли бы изъ круга недоказанныхъ и въ философскомъ отношеніи безсмысленныхъ ипотезъ. Или, если бы мы стали объяснять мысль, какъ видъ электричества, и въ дѣятельности ея искать тѣхъ же законовъ, какіе извѣстны намъ изъ ученія объ электричествѣ, мы никогда не приблизились бы къ цѣли своей, а только спутались бы въ безплодныхъ сравненіяхъ. При нѣкоторой натяжкѣ фактовъ можно отыскать небольшія аналогіи между нѣкоторыми физическими и душевными явленіями особенно въ формахъ ихъ проявленій. Но, какъ при всякомъ аналогическомъ сравненіи фактовъ, и тутъ нужно смотрѣть, сходства ли больше въ сравниваемыхъ вещахъ, или несходства и не кажутся ли намъ онѣ аналогичными только потому, что мы не обращаемъ вниманія на существенно-разную природу каждой изъ разбираемыхъ вещей. Намъ кажется, что это именно логическое требованіе особенно мало соблюдается людьми, которые стараются

ся изъ психологіи сдѣлать одну главу физіологіи. Притомъ же comparaison n'est pas raison, — сравненіе не доказательство. Что же сказать, если и аналогіи отысканы плохо и неудачно?

Такимъ образомъ, хотя психологія и есть естественная наука, изъ этого ничего не слѣдуетъ. Одно названіе не прибавляетъ ничего къ ея содержанію и ни къ чему ее не обязываетъ, какъ мы уже сказали. Если мы признаемъ ее, какъ самостоятельную науку,—а не признать ея такою мы конечно не можемъ, — то, очевидно, у ней должны быть и свои методы, соображенные съ качествомъ изслѣдываемаго ею предмета, и понятія, выработанныя ею непосредственно надъ изученіемъ душевныхъ явленій, а не взятыя на прокатъ изъ другихъ естественныхъ наукъ, и законы, замѣченные при дѣйствительномъ изученіи дѣятельности души, а не навязанные отвнѣ. Въ противномъ случаѣ психологія будетъ не наукой изслѣдывать причинную связь и взаимное соотношеніе душевныхъ явленій, а искусствомъ гнуть факты въ извѣстныя стороны, мастерствомъ обезображивать и уродовать понятія о душевныхъ явленіяхъ. Такіе пріемы не терпимы ни въ какой наукѣ.

Противъ такихъ пріемовъ отчасти возстаетъ и д-ръ Вундтъ— по крайней мѣрѣ въ принципѣ. На дѣлѣ онъ оказывается нѣсколько другимъ человѣкомъ, но за то, какъ бы въ очищеніе своей совѣсти, онъ дѣлаетъ общіе укоры матеріализму за ошибки и привычки искать безъ толку аналогій между физическими и душевными явленіями [1]. Ниже мы постараемся доказать, что въ сущности д-ръ Вундтъ остался физіологомъ и вездѣ почти удержалъ физіологическіе пріемы и даже физіологическую точку зрѣнія на душевныя явленія. Но и самъ Вундтъ не разсмотрѣлъ того обстоятельства, что желая ввести методъ и понятія естественныхъ наукъ, въ частности—физіологіи въ психо-

---

[1] Vorlesungen ueber die Menschen und Thier seele von W. Wundt B. 16—20.

логію, онъ, вопреки своей цѣли—обезпечить прогрессъ ея какъ науки, только тормозитъ ея развитіе и увеличиваетъ сбивчивость и путаницу психологическихъ понятій. Психологія тогда только и можетъ идти впередъ, когда она будетъ стоять на своихъ ногахъ, т. е. будетъ, безъ всякихъ наносныхъ понятій и предрасположеній, сама расправляться съ своимъ матеріаломъ.

Но есть еще другое побужденіе внести методъ естественныхъ наукъ въ психологію: обыкновенно предполагается, что психогія до сихъ поръ была претемной, сбивчивой и безтолковой наукой: по введеніи въ нее метода и понятій естествознанія, она станетъ болѣе точною наукою и душевныя явленія получатъ для насъ наибольшую ясность и понятность. Д-ръ Вундтъ раздѣляетъ и это мнѣніе,—по крайней мѣрѣ въ своихъ Beiträgen и т.д. [1]) онъ считаетъ безотраднымъ современное положеніе психологіи, и понятія ея сбивчивыми и темными, — единственнымъ же средствомъ къ большему для насъ уясненію психическихъ явленій считаетъ приложеніе въ психологіи экспериментальнаго метода естествознанія. Большая часть психологовъ, писавшихъ и пишущихъ свои учебники психологіи, считаютъ какъ бы священнымъ долгомъ своимъ заявить о темнотѣ и спутанности нашихъ знаній о душевныхъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ. «Мы такъ коротко и хорошо знаемъ часто совершенно отдаленное отъ насъ, и такъ мало намъ знакома наша собственная душа» — «мы имѣемъ слишкомъ темное понятіе о насъ самихъ» — фразы едвали не стереотипныя. Помочь этому горю, одни стараются, какъ и д-ръ Вундтъ, экспериментальной и индуктивной методой, другіе методой самонаблюденія какъ Физъ и Бенеке, иные методой историческаго наблюденія человѣчества и т. д. Въ этихъ требованіяхъ есть своя доля справедливости и мы ее укажемъ нѣсколько ниже. Но онѣ выходятъ изъ самыхъ невѣрныхъ предположеній о безъизвѣстности и темнотѣ для насъ душевныхъ явле-

[1]) Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmungen. 1862

ній—и съ этимъ мы не можемъ согласиться. Есть мнѣніе, что мы ни съ чѣмъ такъ лучше, короче незнакомы какъ съ душевными явленіями, и что внѣшнія явленія потому и кажутся намъ понятными, что мы судимъ о нихъ аналогически своимъ собственнымъ душевнымъ состояніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни странною кажется подобная мысль съ перваго взгляда, а вникнувши въ нее хорошенько, нельзя съ ней не согласиться. Переживаемыя нами душевныя состоянія потому именно и знакомы намъ, что *мы* ихъ *переживаемъ*. Что такое зеленый цвѣтъ качественная сторона его понятнѣй и яснѣй для насъ, чѣмъ всевозможныя о немъ понятія, которыя мы почерпнули бы изъ физики напр. Никакая физика въ свѣтѣ не въ состояніи объяснить слѣпому качественную сторону цвѣта, если только судьба отказала ему въ возможности когда нибудь испытать ощущенія цвѣта. И тогда какъ простой человѣкъ, никогда не слыхавшій о физикѣ, не хуже любаго физика ясно представляетъ себѣ ощущенія цвѣтовъ,—какимъ безпомощнымъ и безнадежнымъ невѣждой въ этомъ отношеніи оказывается слѣпецъ, даже отлично знающій оптическіе законы. Очевидно тотъ фактъ, что мы сами переживаемъ душевныя состоянія, даетъ намъ такіе выгоды предъ человѣкомъ, не переживающимъ ихъ, что ихъ нельзя даже и сравнивать. Никакія логическія понятія не могутъ, хотя сколько нибудь замѣнить *переживаемость* душевныхъ состояній. И еслибы слѣпецъ запомнилъ себѣ, что столько то билліоновъ сотрясеній свѣтоваго эѳира производятъ въ человѣкѣ ощущеніе зеленаго цвѣта, онъ ни на шагъ не подвинулся бы въ знаніи качественной стороны цвѣта предъ другимъ слѣпцомъ, не знакомымъ даже и съ физическимъ его понятіемъ. О тонахъ, вкусахъ, осязаніи нужно сказать тоже самое. Что значитъ чувство удовольствія, или страданія—это мы безъ всякой науки знаемъ очень хорошо, потому что постоянно колеблемся между пріятными и непріятными чувствами. И никакія науки въ свѣтѣ, никакіе примѣры внѣ насъ не научили бы

насъ самихъ радоваться, или страдать, или понимать эти состоянія, еслибы мы не переживали этихъ состояній. Никакая психологія въ мірѣ не научила и не сообщила бы намъ никакихъ понятій о душевныхъ дѣятельностяхъ и явленіяхъ, еслибы намъ по опыту не была извѣстна качественная сторона такихъ душевныхъ явленій.

Задавать себѣ задачу еще болѣе уяснить эту качественную сторону душевныхъ явленій, значитъ стремиться къ невозможному. Смѣшно было бы представить себѣ, что задача психологіи научить людей ощущать цвѣта, слышать тоны, осязать поверхности, умѣть мыслить, любить и ненавидѣть, радоваться и страдать. И едвали мы повѣрили бы, еслибы кто сталъ утверждать, что послѣ знакомства съ психологіей, какъ наукой, онъ пріучился жить болѣе напряженною душевною жизнью. Есть извѣстныя простыя качественныя явленія, дальнѣйшій анализъ которыхъ безполезенъ, потому что невозможенъ. Всякій химикъ считалъ бы за совершенно безполезный трудъ уяснить себѣ, вслѣдствіе какихъ причинъ фосфоръ и водородъ обнаруживаютъ такое сильное сродство съ кислородомъ, а хлоръ такое малое, или почему есть разница въ кристаллическихъ формахъ купороса и горнаго хрусталя. И онъ, дѣйствительно, поступаетъ совершенно благоразумно, потому что, сколько бы ни старался уяснить себѣ простыя качества, всегда получалъ бы въ результатѣ простой, теперь, по крайней мѣрѣ, не выводимый изъ другаго фактъ такой или другой химической дѣятельности. И въ психологіи есть такіе же простые качественные факты, которыхъ мы теперь не можемъ вывести изъ другихъ. Таковы ощущенія цвѣтовъ, звуковъ и т. д., чувства радости и страданія, любви и ненависти. И напрасно требуютъ отъ нея, чтобъ она разъяснила и эти простыя качественныя явленія.

Физіологическія привычки Вундта обнаруживаются и въ оцѣнкѣ методовъ психологіи. Онъ оставляетъ въ сторонѣ путь внутренняго наблюденія — самосознаніе, какъ выражается психоло-

гія, и ищетъ всего полезнаго для научной разработки психологіи въ опытѣ и наблюденіи. Повидимому мысль весьма увлекательная и многообѣщающая съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, когда опытъ и наблюденіе сдѣлались почти лозунгомъ всѣхъ точныхъ наукъ естественна мысль, что и человѣкъ, одно изъ произведеній природы, можетъ быть подверженъ опыту. Если Фехнеру удалось опредѣлить количественное отношеніе между впечатлѣніемъ и ощущеніемъ, то нельзя ли ожидать, что намъ удастся опытный методъ распространить далѣе на ту область душевныхъ явленій, которую психологи-спиритуалисты такъ упорно считаютъ доступною только внутреннему наблюденію, самосознанію? Д-ръ Вундтъ положительно убѣжденъ въ возможности категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ. Мало того, онъ думаетъ, что даже теперь опытъ уже овладѣлъ весьма значительной долей психическихъ явленій. «Если экспериментомъ именно,— говоритъ онъ [1]), достигнутъ былъ успѣхъ естественныхъ наукъ, то мы приложимъ его и въ наукѣ о природѣ души. Потому именно и не было попытокъ ввести его въ психологію, что вовсе не помышляли, что душа составляетъ предметъ одной изъ естественныхъ наукъ. Но такъ какъ мы уже однажды рѣшились смотрѣть на душевныя явленія какъ на явленія природы, что̀ они дѣйствительно и есть, то понятно, что безъ необходимости мы не станемъ оставлять его въ сторонѣ. Такое оправданіе найдетъ себѣ экспериментальный методъ въ психологіи только посредствомъ результатовъ, къ которымъ онъ помогаетъ намъ придти. Изъ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ, на которыя полезно обращать вниманіе въ интересѣ психологіи, мы старались преимущественно держаться экспериментальнаго метода.»

Но какъ трудно и почти невозможно построить всю психическую науку на опытной методѣ,—это доказываетъ самъ Вундтъ цѣлымъ своимъ трудомъ. Ему удалось внести опытъ только ту-

---

[1]) Vorles. über die Menschen und Thierseele, 1 B. 23.

да, куда онъ до него уже былъ приложенъ другими учеными. Въ физіологической психологіи — особенно въ отношеніяхъ впечатлѣній къ ощущенію—его приложеніе оказалось возможнымъ. Но въ наибольшей области явленій, въ области собственно душевной жизни, приложеніе экспериментальнаго метода осталось для Вундта только однимъ pium desiderium. Въ самомъ дѣлѣ, еще можно пожалуй опредѣлить, какъ велика должна быть разность между двумя впечатлѣніями, чтобъ они могли различаться душою, какъ отдѣльныя два ощущенія. Но попробуйте опредѣлить напряженіе представленія, когда душа представляетъ себѣ красный или зеленый цвѣтъ, напряженіе мыслящей силы, когда мы составляемъ понятіе о деревѣ вообще и яблонѣ напр. Конечно, разсуждая теоретически только, мы должны будемъ согласиться, что во всякомъ случаѣ мышленіе есть дѣятельность души, и какъ дѣятельность не всегда и не во всякой своей формѣ бываетъ одинаково напряжена, то частные случаи ея должны отличаться разными степенями напряженности или интенсивности. Очевидно представить себѣ въ деталяхъ Исакіевскій соборъ требуетъ отъ насъ гораздо большаго напряженія, чѣмъ представить себѣ обыкновенную приходскую церковь, представленіе послѣдней—болѣе, чѣмъ представленіе стула. Но мы ошиблись бы, еслибы напряженіе мысли при этомъ стали считать пропорціональнымъ количественной величинѣ представляемой вещи. Куча сору, обстоятельно изслѣдованная нами, потребовала бы отъ насъ гораздо болѣе напряженія, еслибы мы захотѣли представить себѣ все это собраніе случайно находящихся вмѣстѣ вещей, чѣмъ Исакіевскій соборъ. Капля гнилой воды, положенная подъ микроскопъ, можетъ быть еще болѣе представила бы намъ затрудненія, чѣмъ куча сору, еслибы мы захотѣли представить себѣ все разнообразіе организмовъ, движущихся въ этомъ крошечномъ пространствѣ. Радость ребенка при видѣ гостинца и радость его же при видѣ матери требуютъ разныхъ отъ него напряженій. Печаль въ случаѣ какого-либо

заслуженнаго наказанія, и горькое чувство въ случаѣ незаслуженности — все слишкомъ различныя, по своей напряженности, чувства. Но, при сравненіи этихъ состояній, мы замѣчаемъ, что нѣтъ возможности найдти единицу измѣренія ихъ напряженности, и что даже намъ не дается одно только сравнительное опредѣленіе ихъ интенсивности. Что радость и горе наши по степени своей бываютъ весьма разныя, это мы очень хорошо знаемъ, но составить таблицу чувствъ, — своего рода градусникъ ихъ, никто въ здравомъ умѣ до сихъ поръ еще не принимался, и едвали кто-нибудь рѣшится, обладая теперешними учоными средствами. Мы можемъ быть даже болѣе скромными въ своихъ надеждахъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, и должны будемъ прямо сказать, что едвали когда и удастся намъ приложить опытъ къ изслѣдованію указанныхъ явленій. Извѣстно, какъ чувства приходятъ всегда какъ непрошенные гости, и какъ скоро исчезаютъ, лишь только становятся предметомъ собственнаго нашего размышленія, и какъ положительно всегда не возбуждаются въ насъ, когда мы намѣренно хлопочемъ о вызовѣ ихъ въ себѣ. Въ области мысли, столь своеобразной и столь непохожей на всѣ измѣряемыя нами другія сферы, намъ никогда не удастся опредѣлить, чѣмъ измѣрять напряженіе души при представленіи разныхъ предметовъ, при тѣхъ или другихъ понятіяхъ, и потомъ соединеніи ихъ въ сужденія и силлогизмы. И опять — фактъ общеизвѣстный, что никогда такъ трудно намъ не дается порядочная мысль, какъ когда мы спѣшимъ наблюдать за ея рожденіемъ и развитіемъ, что никогда мы такъ худо не мыслимъ, чѣмъ когда мы наблюдаемъ за собой, что мы мыслимъ. Не говоримъ уже о явленіяхъ воли. Такимъ образомъ опытъ не можетъ овладѣть самымъ главнымъ отдѣломъ психическихъ явленій, — психической жизнью въ собственномъ смыслѣ. Если онъ овладѣлъ теперь только *нѣкоторой* стороной физіологически-психической жизни, то это не болѣе какъ капля въ морѣ: главное содержаніе нашей душевной жизни не въ чувственныхъ ощу-

щеніяхъ, а въ томъ, что возникаетъ въ насъ послѣ ощущеній и оно составляетъ несравненно сложнѣйшіе и обширнѣйшіе ряды явленій.

Поэтому, главнымъ ученымъ средствомъ для психологіи всегда останется, какъ и оставался до сихъ поръ, методъ внутренняго опыта, или самонаблюденія. Что касается до него, какъ источника нашихъ знаній о душевной жизни, то въ этомъ отношеніи мы категорически можемъ утверждать, что самонаблюденіе и собственный опытъ есть единственный источникъ нашихъ знаній, слѣдовательно, необходимый и неизбѣжный для психолога. Мы не привыкли цѣнить самонаблюденіе, какъ вещь, съ которою ежеминутно обращаемся: мы весьма рѣдко замѣчаемъ, что мы сами наблюдаемъ свои состоянія, и что единственно посредствомъ этихъ наблюденій мы составляетъ понятія о разныхъ душевныхъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы по собственному опыту и самонаблюденію не знали, что̀ значитъ ощущеніе краснаго цвѣта, намъ не помогъ бы никакой физикъ и физіологъ. Еслибъ физикъ сказалъ намъ, что красный цвѣтъ означаетъ столько-то билліоновъ сотрясеній свѣта въ секунду, мы вовсе не поняли бы его, потому что и билліона самаго мы представить себѣ не можемъ, а имѣемъ представленіе только метода, какъ насчитать билліонъ, еслибъ это оказалось нужнымъ. Еслибъ физіологъ, смотря по школѣ, къ какой онъ принадлежитъ, сказалъ намъ, что красный цвѣтъ есть или извѣстнаго рода раздраженное состояніе свѣтовой оболочки глаза, передаваемаго глазному нерву и затѣмъ мозгу, или раздраженіе только извѣстной части ретины, специально ощущающей только красный цвѣтъ, и передающій свое впечатлѣніе нерву и мозгу,— едвали намъ понятнѣй стало бы, что̀ значитъ ощущать красный цвѣтъ. Точно та же исторія и съ тонами. Если ut первой октавы, въ физическомъ отношеніи, означаетъ извѣстное число сотрясеній какой-нибудь струны и затѣмъ воздуха, а въ физіологическомъ—извѣстное сотрясеніе барабанной перепонки и жид-

кости, въ которой плаваютъ инструментальнымъ образомъ построенныя окончанія слуховаго нерва — всѣ эти дѣйствительные факты нисколько не научили бы насъ представлять тонъ и понимать, что значитъ слышать ut первой октавы. Нечего говорить о мелодіи и гармоніи. И такъ нужно сказать о всѣхъ ощущеніяхъ. Изъ самонаблюденія только мы знаемъ, что значатъ чувство радости и печали, порывы гнѣва и любви, и напрасно физіологъ трудился бы объяснять человѣку, незнакомому съ этими ощущеніями, что печальныя состоянія означаютъ угнетенныя и чѣмъ-нибудь нарушенныя правильныя состоянія мозга, а чувство радости—свободныя и безпрепятственныя его отправленія. Впрочемъ, намъ еще легко понять, что источникъ нашихъ знаній о насъ самихъ есть самонаблюденіе, внутренній опытъ. Но мы должны еще расширить значеніе самонаблюденія и сказать, что и въ сношеніяхъ съ людьми, въ наблюденіяхъ надъ ними единственная причина, почему мы понимаемъ ихъ состоянія и дѣйствія, заключается опять-таки въ нашемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ. Обыкновенно мы думаемъ, что мы непосредственно видимъ, какъ радуется и мучится человѣкъ, непосредственно слышимъ его слова; понятія, выражаемыя имъ въ своей рѣчи, кажутся намъ непосредственно переходящими въ насъ. Но, если анализировать дѣло хорошенько, окажется оно далеко не такъ простымъ, и мы должны будемъ согласиться съ великимъ Лейбницемъ [1]), что нѣтъ оконъ въ душѣ, чрезъ которыя могло бы въ нее что-нибудь входить. Въ этомъ случаѣ мы обманываемъ самихъ себя, хотя невиннѣе, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ. Факты въ родѣ того, что если намъ говорятъ на незнакомъ языкѣ, то въ насъ не попадаетъ вовсе никакихъ словъ, ни понятій, что понятія вовсе намъ неизвѣстныя не возбуждаютъ въ насъ, въ случаѣ, если намъ приходится слышать ихъ,

---

[1]) G. S. Leibnitii opera philosophica. Instruxit J. E. Erdmann. 1840. LXXXVIII. L. Monadologie. 705. 7.

никакой мысли, никакого представленія, что глухонѣмые по движеніямъ губъ могутъ разговаривать и угадывать мысли другихъ, естественно наводятъ насъ на мысль, что главная причина нашего пониманія чужихъ рѣчей заключается въ насъ же самихъ. При разговорѣ мы слышимъ собственно извѣстныя сочетанія тоновъ въ словахъ или, точнѣе говоря, получаемъ впечатлѣнія на окончанія нашего слуховаго нерва и ничего болѣе. Нелѣпо было бы представлять себѣ, что понятія, какъ невидимыя мухи, перелетаютъ изъ одной головы въ другую: тогда педагогическое дѣло было бы самымъ простымъ на свѣтѣ занятіемъ; стоило бы умному человѣку посидѣть съ глупымъ ребенкомъ, и дѣло воспитанія его въ умнаго человѣка было бы готово. Очевидно, намъ приходится всякій разъ, по слышимымъ звукамъ, воспроизводить въ себѣ цѣлыя слова, и затѣмъ понятія, символически обозначаемыя словами. Исторія развитія каждаго дитяти можетъ дать достаточные для этого примѣры. Если для насъ незамѣтно, по своей малости, время отъ раздраженія слуховаго нерва до возбужденія понятія, или представленія, обозначаемаго словомъ, то это происходитъ отъ чрезвычайной быстроты, съ какою въ ряду психическихъ соединеній одно звѣно возбуждаетъ другое, и потому намъ кажется весь этотъ сложный рядъ дѣятельностей однимъ простымъ и безраздѣльнымъ актомъ. Напрасно мы думаемъ, что мы можемъ видѣть страданія и радости другихъ; собственно говоря, мы видимъ только тѣ или другія тѣлодвиженія, только тотъ или другой цвѣтъ кожи, тѣ или другія сокращенія лицевыхъ мускуловъ: нельзя представлять, что состоянія, какъ платья, переходятъ съ одного субъекта на другаго. Но, если мы тѣмъ или другимъ движеніямъ тѣла и лицевой мимикѣ усвоиваемъ то или другое значеніе, и приписываемъ по нимъ тѣ или другія состоянія лицу, въ которомъ мы замѣчаемъ ихъ — все это происходитъ оттого, что намъ, *по собственному опыту изъ самонаблюденія*, извѣстна связь между извѣстными состояніями тѣла и

психическими состояніями: отъ первыхъ мы заключаемъ къ послѣднимъ. Еслибъ не была извѣстна эта связь намъ, никакія конвульсіи другаго не открыли бы намъ, что человѣкъ въ конвульсіяхъ долженъ страдать, и никакія слезы и смѣхъ не открыли бы намъ радости или горя другаго: тогда для насъ существовало бы только представленіе неправильнаго состоянія мозговыхъ центровъ, откуда выходятъ двигательные нервы, и слѣдующихъ за нимъ чрезвычайно сильныхъ сокращеній мускуловъ, еслибъ мы имѣли физіологическія свѣдѣнія; въ противномъ же случаѣ. мы смотрѣли бы на нихъ какъ на кривлянія какой-нибудь маріонетки: и горькій плачъ нисколько не сказалъ бы намъ чего-нибудь болѣе, какъ объ усиленномъ отдѣленіи слезотечной железы. Оттого грубому человѣку непонятны высокія и тонкія чувства въ мимикѣ и въ рѣчахъ другихъ: да и вообще непонятны для человѣка тѣ состоянія и движенія душевныя, которыхъ онъ самъ не испыталъ и не знаетъ. Если иногда, повидимому, и не пережитыя состоянія понимаются нами, какъ знакомыя и извѣстныя, то въ этомъ случаѣ, мы забываемъ тѣ подобныя собственныя состоянія, которыя помогли намъ уяснить себѣ и понять чужія состоянія: безъ нихъ же никакія свѣдѣнія не научили бы насъ тому, что̀ пережить мы еще не имѣли случая или, въ худшемъ случаѣ, неспособны.

Таже самая исторія повторяется и съ нашимъ изученіемъ душевной жизни животныхъ. Внутренній опытъ и самонаблюденіе составляютъ исходный пунктъ, отъ котораго мы отправляемся къ пониманію и уясненію себѣ психическихъ дѣятельностей животныхъ. Если физіологъ раздражаетъ кислотой, или ущемляетъ щипцами кожу на ногѣ обезглавленной лягушки, и послѣдняя дѣлаетъ рефлективныя движенія къ раздражаемой сторонѣ туловища, то въ сущности онъ не видитъ ни чувства боли въ лягушкѣ, ни разрѣшенія ощущенія въ рефлексъ. Если онъ истолковываетъ ихъ, какъ полусознательныя движенія для того, чтобъ удалить причину раздраженія, то очевидно онъ приписываетъ

движеніямъ лягушки тотъ смыслъ, какой имѣли бы его собственныя, еслибъ только кто-нибудь вздумалъ надъ собой совершить эту операцію. И сколько наблюдательности и умѣнья вѣрно истолковывать рефлективныя движенія животныхъ требуется отъ физіологовъ — видно изъ тѣхъ многочисленныхъ физіологическихъ открытій, которыя обязаны были своимъ явленіемъ на свѣтъ только изобрѣтательности и пылкости фантазіи экспериментаторовъ. Мы приписываемъ умъ и умѣнье любить собакѣ, хитрость кошкѣ, умъ и память лошади — но не потому, чтобъ мы сами непосредственно видѣли и умъ и любовь животныхъ, а потому что ихъ разныя движенія, по собственному внутреннему опыту, объясняемъ вытекающими изъ тѣхъ или другихъ ихъ чувствъ и состояній.

Мы съ намѣреніемъ остановились на самонаблюденіи и внутреннемъ опытѣ. Намъ показалось нужнымъ указать значеніе ихъ въ изслѣдованіяхъ психическихъ дѣятельностей и состояній, потому что во взглядѣ на самонаблюденіе и внутренній опытъ высказывается вмѣстѣ взглядъ и на психическую жизнь. Если мы признаемъ внутренній опытъ за единственный источникъ нашихъ знаній о душѣ и ея состояніяхъ, — то отсюда непосредственно слѣдуетъ, что психическая жизнь только сама собою можетъ изучаться и объясняться — и что въ этой ея способности—себя самую дѣлать предметомъ наблюденія и изученія, заключается главнѣйшее и существеннѣйшее отличіе ея отъ всѣхъ другихъ дѣятельностей, извѣстныхъ намъ въ физическомъ мірѣ. Мы приходимъ такимъ образомъ къ требованію такого метода, который былъ бы основанъ именно на такомъ характерѣ психической жизни. Очевидно, еслибы мы захотѣли измѣрять дѣятельность души, — единицу для мѣры мы должны были бы искать въ ней самой, потому что всѣ другія единицы были бы ей несоизмѣримы. Всѣ опыты поэтому, если только при нихъ имѣется въ виду дѣйствительная польза науки, должны основы-

аться именно на вышеизложенномъ взглядѣ на внутренній опытъ. Иначе у насъ получится только новый запасъ никуда негодныхъ метафоръ и аналогій.

Одно самонаблюденіе однако не можетъ создать науки. Оно даетъ намъ знать объ явленіяхъ душевной жизни, о связи между ними. Но отыскать причинную связь между ними, создать объяснительную науку оно не можетъ: потому что приэтомъ мы встрѣчаемся съ вопросами, въ рѣшеніи которыхъ самонаблюденіе помогать не можетъ. Привыкши къ методамъ и пріемамъ, употребительнымъ въ физіологіи, Вундтъ называетъ все, что выходитъ изъ круга ихъ, спекулятивными, или метафизическими тенденціями. Въ этомъ отношеніи онъ за одно осуждаетъ спекулятивныхъ философовъ вмѣстѣ съ матеріалистами. Онъ не доволенъ тѣми и другими только потому, что вопросы, ихъ занимающіе или не могутъ никогда рѣшиться, или рѣшатся только послѣ тщательнаго изученія фактовъ. «Можно сколько угодно удивляться тому, говоритъ онъ, что такъ мало имѣла результатовъ работа, какая употреблена была въ послѣднее десятилѣтіе на созданіе матеріалистической и антиматеріалистической философіи. Уже теперь, лишь только кончилась борьба, все литературное наводненіе того времени по большей части сдѣлалось добычей макулятуры. Но если мы ближе изслѣдуемъ содержаніе этого спора, не найдемъ тутъ ничего удивительнаго. *На чемъ сосредоточивался онъ? ни на чемъ, какъ на тѣхъ же вопросахъ, какіе поставлены въ фонъ изслѣдованій и спекулятивными философами. На вопросахъ о сущности души, ея мѣстѣ,* связи *ея съ тѣломъ, происхожденіи и будущихъ судьбахъ.* Все это вопросы, конечно, интересные. Былобы весьма важно знать, въ какомъ собственно пунктѣ нашего мозга находится душа и весьма пріятно имѣть обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о томъ, въ какомъ положеніи дѣло о будущей жизни. Но все это вопросы, которые частію никогда не рѣшатся, частію рѣ-

шатся ужь во всякомъ случаѣ не литературной полемикой [1]).» Оставляя такимъ образомъ на словахъ рѣшеніе этихъ вопросовъ до неопредѣленнаго будущаго, когда болѣе накопится фактовъ для разрѣшенія ихъ, д-ръ Вундтъ на самомъ дѣлѣ совершенно изгоняетъ ихъ изъ области своихъ психологическихъ изслѣдованій. Можно конечно найти нѣкоторую долю основанія въ этомъ самоотстраненіи д–ра Вундта отъ такихъ вопросовъ. Вопросы о происхожденіи и будущихъ судьбахъ души, сущности ея отношеній къ тѣлу, самой ея натурѣ принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ, запутанныхъ, спорныхъ вопросовъ въ психологіи. Для рѣшенія ихъ, желательно имѣть болѣе фактовъ подъ рукой, безъ которыхъ умъ только колеблется между многими логическими возможностями. Слишкомъ много поэтому заниматься ими, особенно въ ущербъ другимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, значило бы oleum et operam perdere. Противъ такого неравномѣрнаго устремленія вниманія на психологическія проблемы и вопросы можно идти за одно съ д-ромъ Вундтомъ. За слишкомъ напряженнымъ вниманіемъ къ этимъ вопросамъ дѣйствительно можно опустить бездну другихъ весьма важныхъ психологическихъ задачъ, то или другое рѣшеніе которыхъ можетъ вліять и на судьбу первыхъ. При томъ легко можетъ случиться, что разныя предрасположенія для извѣстныхъ формъ рѣшенія ихъ могутъ образовать естественную склонность подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія разсматривать психическія явленія. А такого рода предубѣжденія весьма легко могутъ вредить научному прогрессу психологіи. Но такъ безжалостно изгонять ихъ на дѣлѣ изъ психологіи, какъ дѣлаетъ это д-ръ Вундтъ, и ставить рѣшеніе указанныхъ вопросовъ въ такую зависимость отъ изученія фактовъ по нашему убѣжденію такъ же невозможно. Такова ужь природа человѣческая, что ей хочется знать, откуда она пришла

---

[1]) Vorlésun. über Mensehen Thieseele von W. Wundt 1863. 19.

въ міръ и куда дѣвается, когда закончиваетъ свою жизнь. Можетъ быть, въ животныхъ не возбуждаются эти вопросы, но доколѣ чего мы можемъ принять какъ психологическій фактъ, — къ факту на словахъ, по крайней мѣрѣ, д-ръ Вундтъ имѣетъ платоническую любовь, — что человѣкъ интересуется не только своимъ существованіемъ въ продолженіи минуты, когда онъ живетъ, но и невольно спрашиваетъ себя, откуда онъ взялся и что̀ станетъ съ нимъ, когда умретъ. Говорятъ, въ этомъ фактѣ можно находить глубокую черту человѣческой души, отличающей ее отъ души животныхъ, и постоянное возникновеніе этого вопроса нужно приписать тѣмъ глубокимъ нравственнымъ и эстетическимъ интересамъ, которые осуществляются въ ея жизни и развитіи, и судьба которыхъ тѣсно соединена съ судьбою этого существованія. Можетъ быть, этой глубокой чертой человѣческой души и глубиной самыхъ интересовъ и объясняется, почему возникаютъ литературныя наводненія, о которыхъ говоритъ д-ръ Вундтъ, и едва кончается борьба на одномъ пунктѣ, какъ возникаетъ — на другомъ. Мы въ правѣ поэтому ожидать и требовать, чтобъ и наука, если только она не существуетъ только для самой себя, не обходила этихъ вопросовъ просто по неудобству ихъ разработки. И наука *должна* помочь намъ въ этомъ случаѣ: или укрѣпить въ себѣ извѣстные интересы, или безъ страха истребить ихъ съ корнемъ, если только они не имѣютъ правъ на существованіе, своего raison d'etre. Отказываться отъ даванія посильныхъ отвѣтовъ на насущные, глубоко интересующіе общество, вопросы наука уже потому не въ правѣ, что такого рода поведеніе ея по отношенію къ обществу лишало бы ея значенія въ немъ какъ нравственнаго воспитательнаго начала. Это не значитъ давать скороспѣлые отвѣты; отъ такихъ лучше отказаться наукѣ, если она сознаетъ свою несостоятельность при извѣстной степени своего развитія, или даже свое всегдашнее безсиліе въ извѣстныхъ вопросахъ. Но и тутъ ясное сознаніе безсилія науки можетъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько

разъяснять природу вопроса и указать обществу на другіе источники удовлетворенія своимъ интересамъ.

Тѣмъ менѣе психологія должна отказываться отъ разсужденій о такихъ вопросахъ, каковы о природѣ души и связи ея съ тѣломъ. Только тогда наука можетъ отказываться отъ рѣшеній какихъ-нибудь вопросовъ, и совершенно исключать ихъ изъ своей области, когда эти вопросы совершенно безцѣльны, рѣшеніе изъ безплодно, или невозможно, или же вовсе не касаются въ сущности самой науки, а относятся скорѣе къ области фантазіи.

Но таковъ ли вопросъ о природѣ души и ея связи съ тѣломъ? Главный вопросъ тутъ, конечно, о природѣ души. Вопросъ объ отношеніи ея къ тѣлу можетъ быть и весьма важнымъ и глубокимъ вопросомъ и не имѣть никакого смысла, смотря по рѣшенію перваго. Если отрицать самостоятельность души и считать ее только за физіологическое произведеніе тѣлеснаго организма, то, очевидно, не можетъ и существовать вопроса объ отношеніи души къ тѣлу, какъ произведенія къ производящей причинѣ. Но эта же самая тема можетъ быть преметомъ весьма серьозныхъ и обширныхъ разсужденій, коль скоро допускается самостоятельность психическихъ явленій. И вопросъ о природѣ души такого рода, что онъ составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень психологіи. Съ нимъ часто приходится имѣть дѣло при анализѣ душевныхъ явленій и онъ есть какъ бы заключительный пунктъ, къ которому приводитъ насъ такой анализъ. Лишь только начинаемъ мы анализировать психическія явленія, мы убѣждаемся, что они суть явленія особаго порядка, которымъ нѣтъ аналогій ни въ физическихъ, ни въ физіологическихъ явленіяхъ. Мы естественно должны сдѣлать отъ нихъ заключеніе къ ихъ особой ни физической, ни физіологической причинѣ, а психической. И если мы расположены думать, что психическія явленія суть состоянія особаго существа, то непремѣнно рождается вопросъ о природѣ этого существа и съ тѣмъ

вмѣстѣ мы встрѣчаемся съ вопросомъ вообще о средоточіяхъ входящихъ и исходящихъ явленій, или вообще о существахъ и ихъ состояніяхъ. Тогда имѣетъ смыслъ и вопросъ о взаимодѣйствіи психическаго существа съ тѣломъ, законахъ и формахъ этого взаимодѣйствія. Напрасно стали бы мы считать эти вопросы праздными порожденіями фантазіи: они не избѣжны въ наукѣ, которая стремится сдѣлаться изъ такъ называемой индуктивной дедуктивной, изъ сборника фактовъ–системой, изъ распадающагося сборника наблюденій—цѣлой, заключенной и замкнутой въ себѣ наукой. Если д-ръ Вундтъ нигдѣ ясно не поставилъ вопроса о душѣ, то это потому только, что при всѣхъ вопросахъ, которые могли вызвать его на теоретическія соображенія, онъ скрывался подъ сѣнь безсознательной души, сдѣлавъ ее всеобщимъ средствомъ противъ всѣхъ психологическихъ трудностей и недоразумѣній. Но вездѣ ли, дѣйствительно, можно укрываться подъ эту темную, непроглядную тѣнь—это мы увидимъ впослѣдствіи.

Надобно сказать впрочемъ вообще о значеніи общихъ вопросовъ въ психологіи, что они не такъ безплодны и не такъ легко избѣгаемы, какъ это обыкновенно думаютъ. Въ «Beiträgen» д-ръ Вундтъ съ особою силою возстаетъ противъ внесенія метафизики (онъ называетъ всѣ разсужденія о подобныхъ вопросахъ метафизикой) въ психологію [1]). Такое желаніе, конечно, не ново. Цѣлая школа Гербартіанская постоянно хлопочетъ о томъ, чтобъ какъ можно было меньше метафизики въ психологіи, потому что метафизическія предубѣжденія весьма легко могутъ вредить безпристрастному изслѣдованію психологическихъ фактовъ. Знаменитый психофизикъ Фехнеръ нашолъ нужнымъ примѣнить къ метафизическимъ взглядамъ на душу

---

[1]) Beiträge zur theorie der Sinneswahrnehmungen. Von Wundt 450.

*

извѣстное мнѣніе Катона о Кареагенѣ [1]). Но какъ бы старо ни было это желаніе, оно только въ половину вѣрно и вполнѣ едвали удобоисполнимо. Еслибы въ психологіи не было разныхъ школъ и еслибы возможно было факты брать, какъ они есть, не примѣшивая къ нимъ никакого взгляда въ самой передачѣ, а тѣмъ болѣе въ толкованіи ихъ значенія, то, пожалуй, какъ нибудь и исполнилось бы это pium desiderium.

И прежде всего, что касается фактовъ психологіи, то уже тотъ или другой взглядъ на нихъ весьма много значитъ отъ взгляда на душу и ея состоянія. Напрасно мы говоримъ иногда о голомъ фактѣ, о *только* фактическомъ изложеніи науки и т. д., забывая, что фактъ самъ по себѣ безъмыслящей головы ничего не значитъ и ни къ чему не служитъ. Когда онъ вводится въ дѣло кѣмъ–нибудь, то всегда служитъ какой–нибудь цѣли, слѣдовательно неизбѣжно представляется съ извѣстной стороны, съ извѣстнымъ взглядомъ на него. Особенно это замѣтно въ групировкѣ фактовъ. Даже анализъ ихъ не такъ легко можетъ быть безпристрастенъ, какъ обыкновенно думаютъ. Не о томъ нужно хлопотать, чтобъ фактъ, какъ есть, безъ всякой формы и цѣли, входилъ въ науку, а чтобъ взглядъ на него былъ широкъ, обнималъ всѣ стороны, чтобъ онъ былъ пристрастенъ ко всѣмъ его сторонамъ. Что же касается до толкованія факта, указанія его цѣны и значенія, то въ этомъ отношеніи нечего и говорить. Общія предубѣжденія и взгляды, иногда безсознательно метафизическаго характера, дѣйствуютъ тутъ всегда съ полною силою. Доказать наши слова мы легко можемъ на д–рѣ Вундтѣ. Фактъ чувства напр. всѣмъ извѣстенъ и чувство есть одинъ изъ самыхъ ясныхъ и очевидныхъ психическихъ явленій. Онъ означаетъ то свойство души, по которому она вообще способна чувствовать пріятность или непріятность, радость или страданіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ событій.

[1]) Ueber die Seelenfrage von. Th. Fechner. 228.

Удерживая субъективный, или личный характеръ чувства, д-ръ Вундтъ смѣшиваетъ его однакожъ съ простыми ощущеніями. «Ощущеніе (die Empfindung) становится чувствомъ (das Gefühl), говоритъ онъ, если при этомъ главное вниманіе обращается на состояніе ощущающаго, и чувство становится ощущеніемъ, если чувствующій смотритъ при этомъ на впечатлѣніе, какъ на нѣчто внѣ его находящееся [1]). Легко замѣчается при этомъ, что тутъ смѣшиваются два совершенно разные процеса. Ощущеніе есть то состояніе души, которое непосредственно возбуждается въ ней внѣшними предметами. Въ немъ мы имѣемъ дѣло съ извѣстными качественными состояніями души, но въ нихъ еще не выражается отношеніе этихъ состояній къ ощущающей личности. Характеръ этого отношенія выражается уже въ чувствахъ удовольствія или неудовольствія, которыя возбуждаются упомянутыми ощущеніями. Въ чувствахъ этихъ выражается доброкачественность или злокачественность внѣшнихъ, или внутреннихъ вліяній„ опредѣляется мѣра, насколько они вредятъ или помогаютъ безпрепятственной дѣятельности психическаго организма. Конечно, связь между ощущеніями и чувствами весьма тѣсна, и почти одновременно, или лучше, чрезвычайно быстро слѣдуетъ за ощущеніемъ и чувство. Сильный свѣтъ сейчасъ возбуждаетъ непріятное чувство, и рѣжущій тонъ тотчасъ же по ощущеніи своемъ возбуждаетъ чувство неудовольствія. Но изъ того, что два явленія слѣдуютъ одно за другимъ почти одновременно, не слѣдуетъ, что они тожественны, какъ думаетъ д-ръ Вундтъ. Во всякомъ случаѣ, мы должны различать логическое prius одного явленія предъ другимъ. Очевидно, чувство неудовольствія рѣжущимъ тономъ не можетъ быть прежде, нежели мы услыхали его, прежде нежели онъ подѣйствовалъ на насъ: извѣстное психическое событіе во всякомъ случаѣ должно предшествовать тому чувству, какое оно возбуждаетъ въ душѣ. Непріятное извѣстіе должно быть сообщено намъ, чтобъ

[1]) Vorlesungen über Menschen-und Thierseele, 2. B. 4.

мы сами почувствовали его непріятность; точно также и въ ощущеніяхъ. Тонъ рѣжетъ ухо и непріятенъ намъ: но непріятность его нужно отличать отъ того качественнаго ощущенія извѣстнаго тона, какое онъ возбуждаетъ въ насъ: потому что мы различаемъ разныя степени высоты и силы въ рѣжущихъ тонахъ и при томъ степени эти не всегда идутъ соотвѣтственно степенямъ непріятнаго чувства, возбуждаемаго ими въ душѣ. Очевидно, тутъ два разныхъ состоянія, а вовсе не одно и тоже, разсматриваемое только съ разныхъ сторонъ. По Вундту мы не съ разу научаемся относить къ себѣ свои состоянія, выдвигать субъективную сторону въ предметныхъ ощущеніяхъ, т. е. выходитъ, что мы уже въ пору развитія научаемся чувстовать [1]). «Ежели чувство характеризуется единственно отношеніемъ къ чувствуюшему лицу, то ясно, что оно не можетъ быть какимъ-нибудь первоначальнымъ состояніемъ души, какъ часто думали о немъ, но что оно всегда предполагаетъ уже развитіе сознанія. При высшихъ чувствахъ это подразумѣвается само собою, потому что они основываются на рядахъ представленій. Но и простое низшее чувство становится возможнымъ только тогда, когда уже возможно отношеніе къ «Я», и именно посредствомъ того, что Я отдѣляетъ себя отъ внѣшнихъ предметовъ, слѣдоват. посредствомъ развитія въ насъ сознанія». Конечно, здѣсь нельзя соглашаться съ Вундтомъ, потому что уже въ ребенкѣ, который еще не имѣетъ почти никакого развитія, мы должны допустить способность чувствовать пріятное или непріятное, радоваться, или страдать, — и даже прежде чѣмъ явится у него сознаніе; можетъ быть, потому мы и различаемъ себя отъ всего другого, что способны чувствовать удовольствіе или неудовольствіе своими состояніями, непосредственно чувствовать свое бытіе. Притомъ, едва ли существо, не имѣющее въ себѣ никакихъ задатковъ къ

---

[1]) Тамъ же, 2. В. 4 и 5 стр.

подобнымъ состояніямъ, можетъ пріобрѣсть ихъ впослѣдствіи. А главное, простое отнесеніе своихъ ощущеній къ себѣ не есть еще чувство. Мы могли бы также относить къ себѣ свои состоянія, какъ напр. въ математикѣ одна теорема заключаетъ въ себѣ другую и одно положеніе выводится изъ другаго, но тогда не было бы въ нашемъ отнесеніи къ себѣ того именно характернаго интереса своими собственными состояніями, который обозначается чувствомъ удовольствія или неудовольствія. Отъ такого смѣшенія чувства съ ощущеніемъ произошло то, что даже ощущенія на поверхности кожи, когда она щекотится и чешется, Вундтъ назвалъ чувствами [1]). Основаніе тому Вундтъ нашолъ въ томъ самомъ, что они, т. е. чувства, образуются въ насъ независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній,—сами собою. Тутъ уже другое основаніе, чѣмъ отношеніе ощущеній къ лицу послужило ему критеріемъ для того, чтобъ внести чесотку и щекотку въ область чувствъ. Но тогда всѣ болѣзни, всѣ разстройства организма, все, что въ организмѣ происходитъ безъ внѣшней причины должно быть отнесено къ области чувствъ. Не выйдетъ ли тогда смѣшеніе понятій?

Такимъ образомъ одни факты безсильны создать науку, потому что безъ твердыхъ и ясныхъ общихъ взглядовъ, въ психологіи особенно, невозможно даже правильно поставить фактъ, а не только-что истолковать его. Въ этомъ случаѣ неизлишне вспомнить примѣръ изъ микроскопіи. Кажется, нѣтъ ничего легче, какъ разсматривать предметы подъ микроскопомъ, — стоитъ только положить объектъ подъ микроскопъ и смотрѣть. И однако рѣдко гдѣ требуется столько уже пріобрѣтенной опытности, навыка, положительныхъ знаній и соображенія, какъ въ микроскопіи. Вопросъ не въ томъ, чтобъ видѣть, а въ томъ, чтобъ пра-

---

[1]) Vorlesungen über die Menchen und Thierseele von D-r Wundt, B. II, 8.

вильно истолковать видѣнныя вещи. Исторія микроскопа легко представила бы намъ бездну открытій, какія дѣлались въ младенческую эпоху микроскопіи, о которыхъ теперь смѣшно вспомнить. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно было бы прослѣдить, какъ мало по малу пріучались люди видѣть въ вещахъ, что́ тамъ есть, а не то, что они хотѣли видѣть. И всякій, имѣвшій дѣло съ микроскопомъ, по опыту знаетъ, какъ не легко справляться тутъ съ фактами, и какъ мало вразумительнаго и поучительнаго въ нихъ, когда они только факты, и нѣтъ въ наблюдателѣ умѣнья, навыка и общихъ понятій о микроскопическихъ формахъ тканей. Понятно, почему точное наблюденіе микроскопомъ есть своего рода *искуство*, и почему изъ многихъ наблюдателей такъ мало истинныхъ наблюдателей, и отчего такъ трудно работать микроскопомъ, когда нужно получить что-нибудь вѣрное и точное. Этотъ примѣръ весьма идетъ къ психологіи. Чтобъ вѣрно наблюдать и толковать психологическій фактъ, нужно имѣть еще кое что въ себѣ, кромѣ готоваго факта, и едвали это искомое для наблюдателя не заключается въ вѣрныхъ и не искаженныхъ общихъ понятіяхъ о душѣ и природѣ ея состояній; иначе и фактъ будетъ толковаться также, какъ сдѣлалъ д-ръ Вундтъ съ чувствомъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не приложить къ психологіи словъ извѣстнаго физіолога Фолькмана объ изслѣдованіяхъ дѣятельности сердца: «Микроскопическія наблюденія въ этой области никогда не поведутъ къ большимъ открытіямъ, потому что даже самое точное наблюденіе допускаетъ разныя толкованія. Изъ такихъ наблюденій всякій дѣлаетъ что̀ *хочетъ*; что онъ *долженъ* дѣлать съ ними — это ужъ зависитъ отъ пріобрѣтенной физіологической опытности.» Точно также и о психологическихъ наблюденіяхъ можно сказать, что съ ними всякій дѣлаетъ что́ хочетъ, а что *нужно* дѣлать—это зависитъ отъ его знаній и вѣрности взгляда на природу души.

Съ другой стороны множество психологическихъ школъ дѣла-

ютъ неизбѣжною установку общихъ понятій о душѣ, и часто заставляютъ затрогивать вопросы именно въ метафизическомъ духѣ. Конечно было бы чрезвычайно странно, еслибы кто-нибудь изъ физіологовъ теперь сталъ много распространяться противъ понятія жизненной силы. Однако годовъ двадцать тому назадъ каждый учебникъ физіологіи говорилъ что-нибудь за, или противъ этого понятія. Доколѣ были школы виталистовъ (она и до сихъ поръ еще сохранилась между французскими врачами), былъ интересъ и разсчетъ обращаться въ томъ или другомъ смыслѣ къ понятію жизненной силы. И если теперь подобныя разсужденія показались бы намъ только схоластикой, словоупражненіемъ, напрасно стали бы мы считать схоластическими пренія о немъ 40-хъ годовъ. Нѣчто подобное есть и теперь въ психологіи. Именно потому, что въ ней каждый дѣлаетъ съ наблюденіями что хочетъ, психологъ долженъ поднимать весьма часто борьбу началъ, чтобъ найти путь къ дѣланію изъ наблюденій того, *что* должно. Тогда какъ одни изъ души дѣлаютъ какой-то складъ внѣшнихъ впечатлѣній, сортируемыхъ неизвѣстно кѣмъ, по закону подобія и несходства, другіе предписываютъ ей творческую силу, при которой она способна воздать весь міръ мысли и ощущенія, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Очевидно различіе между взглядами не маловажное, и рѣшиться однимъ обращеніемъ къ опыту не можетъ: потому что одни признаютъ опытъ, какъ нѣчто внѣ насъ находящееся, другіе самый опытъ считаютъ произведеніемъ психической дѣятельности. Поэтому полемика между обоими направленіями неизбѣжно приводитъ обоихъ къ вопросу о природѣ души, о существѣ вообще, о взаимодѣйствіи и возможности его, — однимъ словомъ приводитъ къ той области вопросовъ, которую обыкновенно презрительно называютъ эмпиристы метафизикой. Обыкновенно, она считается порожденіемъ праздной фантазіи, но если кто когда-нибудь имѣлъ споры о началахъ и восходилъ къ самымъ общимъ вопросамъ, тотъ

знаетъ, что онъ иногда невѣдомо для себя становится метафизикомъ.

О д-рѣ Вундтѣ нужно сказать, что онъ на словахъ не хочетъ быть метафизикомъ, на дѣлѣ жь онъ такой же метафизикъ какъ и его противники. Онъ убѣжденъ, что психическія и физическія явленія въ сущности тожественны, что они суть только разныя формы одного и того же процеса, что логическая и механическая необходимость различны не по существу своему, — а только по методамъ, по способамъ ихъ изслѣдованія [1]). Впрочемъ д-ръ Вундтъ самъ сознается, что подобная мысль есть не болѣе какъ метафизическое предположеніе; но для того, чтобъ дать цѣну своему представленію, онъ выдаетъ его за нѣчто совершенно доказанное опытомъ.

По этой своей метафизической мысли д-ръ Вундтъ очень сближается съ метафизикой матеріализма, потому что и матеріалисты утверждаютъ тожество физическаго и психическаго процесовъ. Нельзя конечно не видѣть и различія между метафизикой Вундта и матеріалистовъ: у послѣднихъ, какъ напр. у Фохта, считается уже доказанной истиной, что въ основѣ обоихъ процесовъ находится матерія, что самая мысль есть продуктъ матеріальнаго мозга, какъ жолчь есть продуктъ печени, а моча— почекъ, тогда какъ у Вундта еще неизвѣстно, что такое лежитъ въ основѣ тѣхъ и другихъ явленій. Методическое различіе между д-ромъ Вундтомъ и матеріалистами заключается въ томъ, что первый, по крайней мѣрѣ для методическихъ цѣлей, допускаетъ дуализмъ явленій психическихъ и физическихъ; въ концѣ концовъ, конечно и Вундтъ приходитъ къ одному выводу съ матеріалистами. Но мы должны уже цѣнить и методическое его разногласіе съ ними, потому что настоящій матеріалистъ начи-

[1]) Vorlesungen über die Menschen und Thierseele von D-r Wundt. 1 B. 199—201.

наетъ, кончаетъ, и ведетъ свои изслѣдованія, всегда напоминая, что мысль и матерія, душевныя и физическія явленія—одно и тоже. Мысль о различіи ихъ только по формѣ, а не по содержанію, нельзя конечно назвать оригинальной мыслью д-ра Вундта. Въ прошлыя времена она являлась въ разныхъ формахъ, а въ новѣйшее время она представляется и защищается отцомъ науки психофизики Фехнеромъ. Еще въ давнемъ, задолго до появленія имени д-ра Вундта въ учономъ мірѣ, изданномъ имъ сочиненіи «Зендавеста» Фехнеръ проводитъ именно ту же мысль, какую сообщаетъ намъ и д-ръ Вундтъ: что въ основѣ духовнаго и матеріальнаго міровъ находится одно и тоже содержаніе, что они различаются только по формѣ *явленія*, смотря по тому, съ какой стороны мы смотримъ на нихъ. Явленія кажутся намъ духовными или душевными, если наше вниманіе устремлено къ намъ самимъ, внутрь насъ,—тутъ наблюдаемъ мы внутренній міръ; они кажутся намъ физическими, когда происходятъ внѣ насъ,—когда мы наблюдаемъ внѣшній міръ. Въ приложеніи къ психологіи мы наблюдаемъ міръ физіологическихъ явленій, когда разсматриваемъ себя съ внѣшней стороны, какъ объектъ, предметъ, тѣло, и мы же являемся себѣ, какъ душа, духовное существо, когда наблюдаемъ себя какъ лицо, субъектъ, какъ міръ внутреннихъ явленій. Въ такой формѣ выраженная мысль имѣетъ еще нѣкоторую вѣроятность, хотя и не трудно представить противъ нея уважительныя возраженія. Д-ръ Вундтъ вѣроятно впервые познакомившись съ ней въ «Элементахъ Психофизики» Фехнера, гдѣ онъ выражаетъ ее поверхностно и почти мимоходомъ, усвоилъ себѣ только слабыя ея стороны и ни одной сильной. Въ самомъ дѣлѣ разница между формами мысли у Фехнера и Вундта весьма значительна. Фехнеръ считаетъ двойство міровъ—только формами *явленія*. По мысли его, чтобъ являлось что-нибудь, необходимъ наблюдатель, которому оно являлось бы; такимъ образомъ онъ выводитъ двойство явленій изъ разныхъ точекъ зрѣнія наблюдателя. Въ противоположность Фехнеру, который выводитъ его изъ способовъ воззрѣнія на

міръ наблюдателя, Вундтъ утверждаетъ предметное значеніе дуализма явленій, и прямое соотвѣтствіе, доходящее даже до тожества въ формахъ, душевнаго и физическаго процесовъ.

Конечно, въ такомъ видѣ мысль Вундта не выдерживаетъ критики. Во первыхъ, между психическими и физическими явленіями различіе вовсе не въ формѣ, а въ содержаніи ощущенія: цвѣта вовсе не похоже на билліоны сотрясеній, о которыхъ говоритъ физика, какъ причинѣ свѣта, и разсматривая одно ощущеніе напр. синяго цвѣта, мы не видимъ въ немъ никакого даже намека на то, что его производитъ извѣстное количество сотрясеній свѣтоваго эѳира; наоборотъ, разсматривая одни только сотрясенія эѳира, мы не видимъ въ нихъ ничего подобнаго тому ощущенію, какое они производятъ въ зрителѣ. О тонахъ мы должны сказать тоже самое. Каждый тонъ есть такое качественное ощущеніе, въ которомъ совершенно нѣтъ напоминанія о количествѣ сотрясеній воздуха, возбуждающихъ ощущеніе тона. Удовольствіе и неудовольствіе, представленіе и понятіе очевидно чисто психическія состоянія, которымъ мы не видимъ ничего подобнаго во внѣшней природѣ, и которыхъ вывести изъ извѣстныхъ законовъ, причинъ и свойствъ внѣшняго міра мы не можемъ. Этотъ-то чисто качественный характеръ душевныхъ состояній въ противоположность количественнымъ причинамъ, производящимъ ихъ, и служитъ основаніемъ, почему говорятъ, что психическія явленія несоизмѣримы съ физическими. Въ самомъ дѣлѣ, ощущеніе краснаго цвѣта не есть само красно, ощущеніе тона не есть самый звучащій тонъ и т. д. Разница тутъ именно въ содержаніи, а не въ формѣ, потому что именно чисто спеціальное, такъ знакомое намъ, качество въ ощущеніи краснаго цвѣта отличаетъ его отъ билліоновъ сотрясеній эѳира. И если разница между сотрясеніями свѣта, возбуждающими въ зрителѣ ощущеніе краснаго, и между сотрясеніями, возбуждающими въ немъ ощущеніе фіолетоваго цвѣта, состоитъ въ нѣсколь-

кихъ билліонахъ, то едва ли кто станетъ утверждать, что между самыми ощущеніями различіе состоитъ только въ количествѣ, а не въ качествѣ. Во вторыхъ, въ мнѣніи Вундта вовсе нѣтъ разрѣшенія того вопроса, который со временъ Аристотеля занималъ и занимаетъ философскіе умы. Онъ только переноситъ его съ одного пункта на другой, оставляя не тронутой самую *суть* его. Если по содержанію оба рода явленій тожественны, то откуда же взялось двойство въ ихъ формахъ? Самое содержаніе какъ тожественное въ обоихъ случаяхъ, не могло, конечно, само себя раздвоить по формѣ; иначе уже въ содержаніи мы должны допустить первоначальное раздвоеніе, которое вызвало и двойство формъ? Не предположить же намъ и въ этомъ случаѣ самозарожденіе раздвоившихся формъ? И почему продолжаетъ держаться это двойство формъ явленій, когда содержаніе остается однимъ и тѣмъ же? Гдѣ причины, поддерживающія такія странныя явленія во всеобщей жизни?

Предположеніе свое о тожествѣ логическаго и физическаго процесовъ д–ръ Вундтъ думаетъ основать на понятіи безсознательной жизни [1]). Оно служитъ у него средствомъ къ достиженію двухъ цѣлей: во-первыхъ, указать общій источникъ происхожденія душевныхъ явленій, повидимому, весьма разнородныхъ, распадающихся на разные ряды: во–вторыхъ, указавъ логическій механизмъ, производящій ихъ, онъ хотѣлъ съ тѣмъ большею легкостью вывести нужное для него заключеніе о тожествѣ логическаго и физическаго, психическаго и физическаго механизмовъ.

Конечно, нельзя отрицать факта безсознательной жизни души. Когда намъ даны два впечатлѣнія, разность которыхъ меньше той, какая должна быть между ними, чтобъ соотвѣтствующія

---

[1]) Vorlesungen über die Menschen und Thierseele von Dr Wundt. 2. B. 439.

ніяхъ ощущенія воспринимались нами какъ различныя, мы считаемъ оба ощущенія совершенно равными. Если на поверхность кожи въ одномъ мѣстѣ положена тяжесть въ 10 лотовъ, и въ другомъ въ 11, то намъ кажется, что ощущенія отъ давленія обоихъ тяжестей совершенно равны. Но равными очевидно они быть не могутъ. Конечно и 11-й лотъ производитъ давленіе на кожу и вызываетъ ощущеніе; только оно пропадаетъ даромъ для нашего сознанія, и поступаетъ въ разрядъ безсознательныхъ ощущеній. И кто не знаетъ, какъ незамѣтно для насъ самихъ мѣняются въ насъ представленія, какъ они осѣдаютъ на дно души, дѣлаясь безсознательными, другія выплываютъ на поверхность, часто изумляя насъ самихъ своей неожиданностью. Извѣстно, какъ изъ мелкихъ, въ одиночку непримѣтныхъ чувствъ образуется общее настроеніе, часто весьма напряженное по своему тону, но замѣтное и сознательное для насъ какъ цѣлое только. Чѣмъ спрашивается руководится душа при этомъ своемъ сознаваніи однихъ состояній, и полномъ иногда невѣдѣніи другихъ? Но главный вопросъ, какимъ процесомъ вызываются въ ней состоянія? Въ ощущеніи нашему сознанію представляется только фактъ, что мы ощущаемъ тотъ или другой цвѣтъ, тонъ, вкусъ и т. д. Но какимъ образомъ *раждается* въ насъ ясное интенсивное ощущеніе, отъ 0 интенсивности возрастаетъ до единицы? Тайна этого сокрыта отъ насъ безсознательностію приготовляющихъ ощущеніе процесовъ. Какимъ образомъ представленіе возбуждаетъ въ насъ пріятное, или непріятное чувство? Какія событія, или движенія въ существѣ души происходятъ до появленія въ ней сознательно-непріятнаго чувства? Что̀ предшествуетъ образованію въ душѣ вообще стремленій? Изъ какихъ нѣдръ своихъ, *и какъ* производитъ она всѣ эти качественно различныя состоянія ощущенія, чувства и стремленій?

Желая заглянуть и въ эту непроходимую тьму, которая называется безсознательной жизнью, и подсмотрѣть, какіе процесы предшествуютъ появленію въ душѣ сознательныхъ состоя-

ній, д-ръ Вундтъ, къ сожалѣнію, не вооружился достаточною осторожностію въ выводахъ и умѣренностію въ своихъ ипотезахъ. О безсознательной жизни души разсуждать весьма трудно, и дѣлать рѣшительные выводы не всегда безопасно. Искать опытныхъ истинъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого опыта, едвали полезно. Мы можемъ дѣлать разныя предположенія о безсознательной жизни, пріискивать такъ-сказать посылки къ готовымъ уже заключеніямъ. Но и при этомъ слѣдуетъ помнить, что одни и тѣ же заключенія допускаютъ множество различныхъ посылокъ, много возможностей, между которыми безъ руководящихъ началъ труденъ бываетъ выборъ. Д-ръ Вундтъ полагаетъ напримѣръ, что всѣ душевныя состоянія и дѣятельности суть слѣдствіе способности души умозаключать, что душа есть по преимуществу логическое существо, или лучше сказать умозаключающее существо, по старому схоластическому выраженію — ens ratiocinans. Д-ръ Вундтъ пришелъ къ такому предположенію, чтобъ объяснить производящую причину душевныхъ явленій. Но можно ли согласиться съ подобной ипотезой д-ра Вундта? Онъ категорически говоритъ, что дѣятельность умозаключенія предшествуетъ всѣмъ другимъ логическимъ дѣятельностямъ, что мы умозаключаемъ прежде, нежели составляемъ сужденія, и что всякая логическая дѣятельность въ сущности есть силогистическая способность. И въ этомъ отношеніи мы чувствуемъ себя очутившимися въ заколдованномъ кругу, изъ котораго выйти невозможно. Ибо, если по словамъ д-ра Вундта, сужденія предполагаютъ умозаключенія, то по не менѣе основательнымъ соображеніямъ можно сказать, что и послѣднія предполагаютъ первыя, особенно, если умозаключеніе предполагаетъ какія нибудь логическія посылки, т. е. сужденія, изъ которыхъ выводится что-нибудь. Далѣе, объясняетъ ли вся логическая mashinerie д-ра Вундта то, для чего она подведена? Мы можемъ представить себѣ существо логическое по преимуществу безъ страданій

и горя, безъ стремленій; изъ одного логическаго содержанія своего оно никогда не нашло бы въ себѣ ни мотивовъ, ни способности страдать, или наслаждаться, или стремиться къ чему-нибудь. Если наша душа имѣетъ еще содержаніе, кромѣ логическаго, то оно вовсе не производное, а такое же первоначальное, какъ и логическое: въ томъ и дѣло, что душа есть многостороннее существо и способна къ разнообразнымъ состояніямъ. Притомъ, что это за безсознательная логическая жизнь? Логическая дѣятельность есть сознательная по преимуществу. Она предполагаетъ сознательное соединеніе логическихъ элементовъ по ихъ внутреннему сродству, она всегда предполагаетъ извѣстную сознательную цѣль; мыслитель есть полный хозяинъ своихъ представленій, онъ пользуется ими какъ средствами, сознательно руководясь извѣстными началами. Д-ръ Вундтъ склоненъ кажется принимать игру представленій, механическія соединенія понятій за мышленіе, за логическую дѣятельность. Но если одно представленіе вызываетъ другое, и посредствомъ его третье, если образуется соединеніе между первымъ и третьимъ, изъ этого не слѣдуетъ, что процесъ этотъ совпадаетъ съ логическимъ процесомъ умозаключенія. Если за животными и признаемъ мы способность соединять и сцѣплять такимъ образомъ представленія, то отъ этой способности имъ далеко еще до силогической способности: потому что едвали они могутъ сознательно, по степени внутренняго сродства, соединять и разъединять элементы мысли. Если мы сами иногда не можемъ отдать себѣ отчота, какимъ образомъ мы пришли къ какому-нибудь заключенію, какъ явилось въ насъ то или другое понятіе, то вопросъ еще, логическимъ ли путемъ мы шли при этомъ, и въ собственномъ ли смыслѣ мы сдѣлались обладателями при этомъ новыхъ логическихъ элементовъ мысли. Мышленіе потому и есть въ высшей степени сознательная дѣятеляность, что тамъ, гдѣ оно начинается, отступаетъ на задній планъ безсознательный механизмъ представленій; онъ превращается только въ вспо-

могательное средство. Между тѣмъ д–ръ Вундтъ говоритъ о безсознательной индукціи, — какъ вещи совершенно понятной и извѣстной. По значенію ея въ душевной жизни, она есть какъ бы чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, изъ сухихъ камней изводящій воду. Д–ръ Вундтъ завѣряетъ, что индукція по существу своему безсознательна [1]), мало того, онъ усвояетъ безсознательный характеръ преемственной работѣ людей, двигавшихъ впередъ, такъ-называемыя, индуктивныя науки [2]). Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ великіе дѣятели науки были ничѣмъ инымъ, какъ безсознательными орудіями для индукціи: она инстинктивно шла впередъ, избирая нѣкоторыхъ людей своимъ орудіемъ. Но что же послѣ этого правильный ходъ и отвѣтственность за себя науки, какъ не пустая фразеологія? Если индукція безсознательно дѣлаетъ порядочное дѣло, то гдѣ гарантія, что она не сдѣлаетъ и не наплодитъ глупыхъ обобщеній? И откуда этотъ фатальный мотивъ въ насъ дѣлать обобщенія и выводы безъ собственнаго вѣдома нашего?

Придавъ такое значеніе безсознательной жизни, д–ръ Вундтъ хотѣлъ ею доказать тожество логическаго и физическаго, психическаго и физіологическаго механизмовъ. [3]) Но не слишкомъ ли поторопился д–ръ Вундтъ сдѣлать выводъ. Онъ усиливался вездѣ, гдѣ только есть связь явленій, доказывать присутствіе логическаго процеса умозаключенія. Гдѣ преемство, хотя бы временное только, тамъ ужъ, по его мнѣнію, непремѣнно дѣйствуетъ скрытый силлогизмъ. Изъ того, что электрическій токъ возбуждаетъ ощущеніе, онъ заключаетъ, что ощущеніе есть заключеніе силлогизма, посылками котораго служатъ логическія

---

[1]) Vorlesungen ueber die Menschen und Thierseele von Dr Wundt 2 B. 210—211.
[2]) Тамъ же 2 B. 207.
[3]) Тамъ же 2 B. 439.

примитивныя сужденія. Можно быть увѣреннымъ, что еслибъ д-ръ Вундтъ сталъ писать философію природы, въ процесѣ удара онъ непремѣнно доказалъ бы присутствіе умозаключенія: ибо въ немъ есть всѣ признаки силлогизмовъ д-ра Вундта. Ударяющее тѣло представляетъ первую логическую посылку, движущееся отъ удара вторую, пунктъ, гдѣ оно останавливается, есть какъ бы заключеніе изъ первыхъ двухъ посылокъ: д-ръ Вундтъ назвалъ бы его «заключительнымъ актомъ скрытаго процеса мышленія». Если говорить просто и прямо, то мы должны сказать о подобныхъ выводахъ, что они обнаруживаютъ непониманіе дѣла и совершенное незнаніе вещей, о которыхъ разсуждается въ данномъ случаѣ. Что въ силлогизмѣ за однимъ понятіемъ слѣдуетъ другое, не даетъ еще права думать, что и всѣ роды преемственныхъ событій суть силлогизмы. Но еслибы и удалось д-ру Вундту доказать связь физическаго и логическаго механизмовъ, изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, тѣмъ менѣе то, что оба рода явленій физіологическихъ и психическихъ совершенно тожественны. Положимъ, что психическая жизнь слагается изъ процесовъ, необходимо слѣдующихъ одинъ за другимъ, процессы въ свою очередь состоятъ изъ ряда необходимо вызывающихъ одно другое явленій, равно какъ и физическая жизнь міра основывается на такой же необходимой связи процесовъ и явленій—что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что оба механизма тожественны? Во-первыхъ, спрашивается, тожественны ли явленія, связанныя между собою необходимо въ обоихъ механизмахъ? На этотъ пунктъ мы должны отвѣчать отрицательно. Если впечатлѣніе въ сущности можетъ быть сведено на движеніе, то въ ощущеніи, вызываемомъ имъ въ душѣ, мы не имѣемъ уже никакого слѣда движенія, и потому справедливо говорятъ, что ощущеніе есть новое, несоизмѣримое съ причиной, послужившей для него поводомъ, событіе чисто уже психическаго характера. Способность сохранять въ себѣ прошедшія состоянія опять новая черта психическаго существа, не встрѣчающаяся намъ въ физи-

ческомъ мірѣ. Ибо память и воспоминаніе суть совершенно своеобразныя свойства души, сравнительно съ свойствомъ простыхъ физическихъ тѣлъ: послѣ всевозможныхъ перемѣнъ и измѣненій въ разныхъ химическихъ соединеніяхъ, все-таки оставаться чистыми и неизмѣнными въ своихъ свойствахъ, какъ и до соединеній. Способность чувствовать и стремиться опять совсѣмъ неизвѣстныя явленія въ чисто-физическомъ мірѣ. А соединеніе представленій въ понятія, въ одно цѣлое, развѣ повторяется въ химическомъ мірѣ? Слѣдовательно, если психическій міръ есть механизмъ, такъ ужъ своеобразный механизмъ, части котораго не похожи на части физическаго механизма. Есть серьезныя основанія сомнѣваться, чтобъ душевныя качества и явленія имѣли вѣсъ, цвѣтъ, вкусъ, запахъ, чтобъ для душевныхъ движеній имѣлъ значеніе законъ уменьшенія силы, сообразно квадратамъ разстоянія, чтобъ химическіе законы были похожи на психическіе. Слѣдовательно, изъ понятія о психическомъ механизмѣ слѣдуетъ одно только: что и въ психическихъ явленіяхъ есть извѣстная связь, порядокъ, необходимость. Но тутъ можно сомнѣваться, та ли необходимость дѣйствуетъ въ психическомъ мірѣ, когда представленіе вызываетъ въ насъ извѣстное чувство, чувство-стремленія, а стремленія опять вызываютъ представленія и понятія, — та ли необходимость, какая въ физическомъ мірѣ вызываетъ за ударомъ движеніе ударяемаго тѣла.

Мы видимъ, что промахи Вундта велики, когда онъ принимается объяснять намъ душевную жизнь. Но, конечно, несправедливо было бы ставить это въ вину личности самого автора. Главная причина всѣхъ его ошибокъ заключается въ томъ, что онъ хотѣлъ примѣнить физіологическіе пріемы въ изслѣдованіи душевныхъ явленій. Онъ можетъ быть въ этомъ отношеніи представителемъ цѣлой школы. Оттого онъ или приходитъ къ выводамъ, которые недостаточно рѣшаютъ всѣ трудности вопроса, или считаетъ нѣкоторые опыты имѣющими слишкомъ обширное значеніе въ объясненіи душевной жизни. Для примѣра намъ бу-

детъ достаточно изложить его отношеніе къ ученію о пространствѣ и измѣренію скорости смѣны душевныхъ явленій.

Какъ физіологъ-эмпиристъ, Вундтъ считаетъ пространство вовсе не формой a priori, а понятіемъ, получаемымъ нами изъ опыта, т. е. посредствомъ зрѣнія изъ внѣшняго міра. Что вещи намъ кажутся протяженными—это зависитъ оттого, что, нарочно приспособленный къ познанію пространственныхъ отношеній, глазъ нашъ замѣчаетъ протяженныя вещи [1].

Вопросъ о пространствѣ издавна занималъ философскіе умы. Ни на одинъ философскій вопросъ не существуетъ столько разнообразныхъ отвѣтовъ, какъ на этотъ вопросъ. Исторія философіи представляетъ намъ множество мнѣній о немъ, начиная съ того мнѣнія, что пространство есть одно изъ свойствъ Божіихъ и кончая полнымъ отрицаніемъ его реальности. Въ ученіи объ этомъ пунктѣ философская мысль должна была пройти между своего рода Сциллой и Харибдой. Если допустить реальность пространства, то въ какой формѣ можетъ быть представлено его существованіе?—въ формѣ ли существа, на философскомъ языкѣ, субстанціи, какъ напр., какой-нибудь матеріи и т. п.? Но тогда нельзя помѣстить его съ матеріей вмѣстѣ, потому что два тѣла занимать одинъ и тотъ же пунктъ не могутъ. Въ формѣ ли свойства матеріи напр.? Но тогда, при болѣе глубокомъ анализѣ, оказывается, что во-первыхъ трудно указать отношеніе протяженности къ другимъ качествамъ матеріи, да и въ самой протяженности мы не находимъ никакого признака, который выражалъ бы дѣятельность, или пассивность матеріи,—чего не можетъ быть съ какимъ-нибудь свойствомъ вообще. Отрицать же пространство трудно уже потому, что съ такою настойчивостію навязывается намъ непосредственное убѣжденіе въ про-

[1]) Vorlesungen über die Menschen und Thierseele von Dr. Wundt, 237—239. 1 B.

тяженности міра. Колеблясь между этими крайностями, желая по возможности сохранить себя отъ нихъ, философская мысль наплодила много весьма разнообразныхъ мнѣній. Для психолога, конечно, важно знать теоретическую постановку вопроса о пространствѣ, хотя на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ поставить себя въ сторонѣ отъ всѣхъ теоретическихъ преній. Будь міръ протяженъ, или не протяженъ, психологическій вопросъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаково ставится. Если міръ дѣйствительно существуетъ въ пространствѣ и протяженъ, то какъ образуется представленіе его пространственныхъ отношеній? Не можетъ, конечно, быть, чтобъ протяженныя формы внѣшнихъ вещей переносились прямо въ душу?—въ душѣ, какъ мы привели выше слова Лейбница, нѣтъ оконъ, чрезъ которыя могло бы въ нее что-нибудь входить. Съ другой стороны одно только существованіе пространственныхъ формъ въ мірѣ нельзя считать достаточнымъ основаніемъ для того, чтобъ душа ихъ замѣчала и наблюдала. Онѣ должны еще какимъ бы то ни было образомъ подѣйствовать на нее, произвесть какое бы то ни было впечатлѣніе. Но какъ бы они ни дѣйствовали на душу, они способны возбуждать въ ней только интенсивныя, чисто качественныя состоянія. Какъ мы уже сказали, нельзя думать, чтобъ представленіе версты пространства въ душѣ было бы само верстой, или шара—шаромъ и цилиндра—цилиндромъ. Для психолога и представляется вопросъ, какимъ образомъ въ такомъ простомъ существѣ, какова душа, воспроизводятся представленія пространственныхъ отношеній. Порядокъ, законосообразная правильность въ нашихъ пространственныхъ представленіяхъ ясно указываютъ, что развитіе ихъ подчинено извѣстнымъ условіямъ. Гдѣ же тѣ физіологическія, или психологическія средства, посредствомъ которыхъ душа способна дать своимъ пространственнымъ представленіямъ правильность и вѣрность съ дѣйствительнымъ міромъ? Или, если психологъ по теоретическимъ соображеніямъ, склоненъ къ убѣжденію, что пространство ни само по

себѣ какъ нѣчто цѣлое, ни какъ свойство матеріи, или матеріальныхъ атомовъ, существовать не можетъ, то во всякомъ случаѣ и для него ставится психологическій вопросъ о происхожденіи пространственныхъ представленій въ той же формѣ, въ какой и для перваго психолога. И ему нужно объяснить, какимъ образомъ возникаютъ въ насъ правильныя пространственныя представленія? Вслѣдствіе какихъ физіологическихъ и психологическихъ условій система внѣшнихъ безпространственныхъ качественныхъ отношеній на психологическомъ языкѣ превращается въ міръ пространственныхъ представленій? Такимъ образомъ, какихъ бы мы ни были теоретическихъ взглядовъ на пространство, въ психологіи намъ приходится во всякомъ случаѣ отправляться отъ одного общаго пункта.

Д-ръ Вундтъ теоретически, конечно, убѣжденъ, что пространство существуетъ такъ, какъ мы его видимъ, или представляемъ себѣ. Но для психологіи—это обстоятельство совершенно не важно и касаться этой стороны убѣжденій Вундта мы вовсе не намѣрены. Но относительно психологической его теоріи пространства мы позволимъ сдѣлать себѣ нѣкоторыя замѣчанія. Собственно говоря, теорія эта не принадлежитъ д-ру Вундту лично. Она усвоена современной физіологіей со времени знаменитаго физіолога Іоганна Миллера. Она указала то важное участіе глазныхъ мышцъ, какое принимаютъ онѣ въ образованіи въ насъ правильности пространственныхъ представленій. Прежняя физіологическая теорія принимала отраженіе образа предметовъ на ретинѣ, или свѣтовой оболочкѣ, за достаточное основаніе того, что мы должны видѣть при этомъ самый протяженный предметъ. Но тотъ фактъ, что мы видимъ ясно только однимъ мѣстомъ ретины—когда впечатлѣніе попадаетъ на такъ-называемое желтое пятно, и что ясность свѣтоваго впечатлѣнія необходимо требуетъ, чтобъ всѣ части предмета отразились именно на этомъ желтомъ пятнѣ, указывалъ, что едвали зрительный процесъ и образованіе пространственныхъ представленій совершает-

ся такъ просто. какъ предполагала эта теорія. Къ физіологическимъ затрудненіямъ присоединились еще и логическія: именно невозможно представить себѣ, чтобъ этотъ пространственный образъ на ретинѣ былъ уже достаточнымъ основаніемъ для того, чтобъ душа замѣчала и наблюдала его пространственнымъ. Онъ долженъ какимъ бы то ни было образомъ дѣйствовать на нервъ, но это дѣйствіе, предполагая самостоятельность жизни нерва, очевидно не можетъ состоять просто въ механическомъ прохожденіи образа чрезъ нервъ къ мозгу. Если же дѣйствіе должно состоять въ возбужденіи какихъ-нибудь особенныхъ состояній въ частицахъ нерва, то нѣтъ сомнѣнія, что пространственная форма образа должна потеряться при этомъ, и въ результатѣ получатся только тѣ или другія состоянія нерва и мозга. Съ другой стороны было неясно, почему дѣйствіе свѣта на ретину не сопровождается такимъ же неопредѣленнымъ ощущеніемъ той или другой степени свѣта, какъ дѣйствіе холода на кожу не сопровождается представленіемъ пространственности холодящей причины. Тогда какъ при дѣйствіи свѣта на глазъ впечатлѣнія располагаются въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ, дѣйствія холода на кожу сливаются въ одно общее неопредѣленное чувство. Очевидно, есть нѣкоторыя условія въ устройствѣ глазъ, которыя помогаютъ ему дѣлать ту работу, какая невозможна для уха, вкуса и т. п. Іоганнъ Миллеръ первый обратилъ вниманіе на участіе въ процессѣ зрѣнія глазныхъ мышцъ. Каждое движеніе глаза производится извѣстной комбинаціей глазныхъ мускуловъ и такъ какъ каждая такая комбинація сопровождается извѣстнымъ чувствомъ напряженія мускульнаго чувства, то, очевидно, къ специфическому ощущенію цвѣта, при каждомъ поворотѣ и движеніи глаза, присоединяется сверхъ того еще особый видъ мускульнаго чувства. Послѣднее можетъ быть по своимъ формамъ такъ же разнообразно, какъ различны глазныя движенія. Такимъ образомъ каждому внѣшнему видимому пункту соотвѣтствуетъ извѣстное напряженіе мускуловъ глазъ, и, безъ

сомнѣнія, въ немъ-то нужно искать главнымъ образомъ тѣхъ физіологическихъ средствъ, какія помогаютъ намъ чисто качественныя впечатлѣнія свѣта и цвѣтовъ располагать въ пространственномъ порядкѣ: ими гарантирована законность и правильность этого порядка. Физіологическій фактъ имѣетъ за себя и всѣ теоретическія соображенія. Теоретическая часть теоріи весьма остроумно и глубоко разработана проф. Лотце [1]), и ея содержаніе мы передадимъ очень коротко. Если вѣрно, что внѣшнія количественныя вліянія на душу въ ея сферѣ переходятъ въ чисто качественныя состоянія, то вѣрно и то, что пособій для возстановленія въ мірѣ представленія внѣшнихъ пространственныхъ отношеній мы должны искать въ какихъ-нибудь чисто качественныхъ безпространственныхъ признакахъ, которые вмѣстѣ съ специфическими ощущеніями свѣта и цвѣтовъ, такъ сказать, переходятъ въ душу. Если какая-нибудь благоустроенная библіотека переносится съ одного мѣста на другое, то нѣтъ нужды переносить ее цѣликомъ въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ она стояла въ старомъ помѣщеніи. При этомъ просто заботятся о томъ, чтобъ на книгахъ остались цѣлы ярлыки, чтобъ потомъ возстановить ее въ прежнемъ порядкѣ, а дорогой онѣ могутъ находиться въ какомъ угодно безпорядкѣ. Такіе чисто символическіе знаки,—Лотце назвалъ ихъ мѣстными знаками,—должна имѣть и душа при ощущеніи свѣта и цвѣтовъ, чтобъ посредствомъ ихъ она могла, такъ сказать, расположить чисто качественныя свои состоянія въ системѣ, соотвѣтственно системѣ внѣшнихъ пространственныхъ отношеній. Такими знаками могутъ быть разныя чувства напряженія мускуловъ, соотвѣтственно каждой ихъ комбинаціи. Ассоціируясь съ ощущеніями цвѣтовъ, они дѣлаютъ ощущеніе каждаго внѣшняго пункта непохожимъ на

[1]) Medicinische Psychologie, oder Physiologie der Seele. Von H. Lotze. 325—337. Сравн. Streitschriften von H. Lotze. I Heft. 140—145.

ощущеніе сосѣдняго. Безъ нихъ всѣ ощущенія свѣта могли бы слиться въ одно интенсивное ощущеніе; при нихъ каждое, соединясь еще съ мускульнымъ чувствомъ, сообразно комбинаціи мускуловъ, такъ сказать, дифференцируется отъ другаго.

Д-ръ Вундтъ раздѣляетъ вполнѣ физіологическую теорію Миллера. Какъ и бо́льшая часть физіологовъ, онъ считаетъ мускульное чувство совершенно достаточнымъ основаніемъ, чтобъ мы представляли себѣ пространство и протяженный міръ. Предварительно сдѣлаемъ впрочемъ одно физіологическое замѣчаніе относительно участія мускульнаго чувства въ зрѣніи. Что оно имѣетъ большое участіе при образованіи пространственныхъ представленій—въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся. Но есть ли это участіе единственное и исключительное — противъ этого можно по крайней мѣрѣ представить слѣдующіе три физіологическихъ факта. Во-первыхъ, въ темнотѣ мы весьма затрудняемся судить по направленію глазъ и, слѣдовательно, по одному напряженію глазныхъ мускуловъ о пространственности мѣста, въ которомъ находимся. Даже въ хорошо знакомой комнатѣ движенія глазъ мало помогаютъ намъ возбуждать въ себѣ какія-либо пространственныя представленія, и мы ни мало не соединяемъ съ этими движеніями какихъ-либо пространственныхъ представленій. Такой фактъ былъ бы невозможенъ, еслибъ одни движенія глазъ всегда вызывали въ насъ представленіе мѣста, куда направлены они. Во-вторыхъ, когда мы поемъ какую-нибудь мелодію, или лучше дѣлаемъ цѣлую скалу тоновъ, то, хотя каждому тону соотвѣтствуетъ въ насъ чувство напряженія голосовыхъ мускуловъ, мы вовсе не располагаемъ тоновъ въ пространственномъ порядкѣ. Ощущенія тоновъ ассоціируются съ чувствомъ голосовыхъ мышцъ, и этой ассоціаціей и прочностью ея можно объяснять, почему представленіе тона вызываетъ физіологическимъ путемъ извѣстное сокращеніе голосовыхъ мускуловъ и затѣмъ самый тонъ. Ясно, что и тутъ мы имѣемъ почти тѣ же условія, какія при устройствѣ глазныхъ мускуловъ—однакожъ того резуль-

тата у насъ нѣтъ. Наконецъ, операціи надъ слѣпорожденными доказываютъ, что они видятъ плоскости *сразу*, что́ невозможно было бы, еслибъ отъ однихъ мускуловъ зависѣло ощущеніе пространственныхъ плоскостей. По меньшей мѣрѣ, нужно было бы ожидать, что, доколѣ не научатся они управлять движеніями глаза, и не образуется въ нихъ прочныхъ ассоціацій между видами мускульнаго чувства и свѣтовыми ощущеніями, они будутъ неясно и въ безпорядкѣ вообще воспринимать свѣтовыя впечатлѣнія. Къ этому можно было бы присоединить еще тотъ фактъ, что при спокойномъ, неподвижномъ положеніи глаза, мы видимъ не одинъ только пространственный пунктъ, а цѣлую плоскость. Послѣдній фактъ, впрочемъ, можетъ отчасти объясняться или чрезвычайно малыми и незамѣтными движеніями глаза даже тогда, когда мы считаемъ его неподвижно покоющимся,—или же прочностью ассоціаціи между нашими представленіями вообще, такъ что, собственно говоря, видимъ мы спокойнымъ глазомъ одинъ какой-либо пунктъ, и только вслѣдствіе психическаго механизма объединяемъ и дополняемъ этотъ пунктъ представленіемъ, уже знакомыхъ намъ, окружностей его, и такимъ образомъ думаемъ, что мы на самомъ дѣлѣ видимъ плоскость. Намъ кажется поэтому, что не нужно ли еще поискать гдѣ-нибудь дополнительныхъ, или лучше вспомогательныхъ мѣстныхъ знаковъ при процесѣ зрѣнія. Можетъ быть, слишкомъ мало цѣнится нами неравномѣрное распредѣленіе на ретинѣ зрительной воспріимчивости. Конечно, впечатлѣніе на боковой части ретины въ сторону отъ желтаго пятна должно отличаться отъ впечатлѣнія на самомъ желтомъ пятнѣ не одной только меньшей интенсивностью свѣтоваго ощущенія. Все равно, какъ различныя впечатлѣнія на поверхности кожи локализируются нами, по тѣмъ особеннымъ характеристичнымъ признакамъ, какими, по разности органическаго устройства, каждый пунктъ тѣла отличается отъ другаго, точно также можно предполагать, что такія специфическія отличія возможны и для разныхъ впечатлѣній свѣта, вос-

принимаемыхъ двумя различными пунктами ретины. Очень можетъ быть, что, при главномъ пособіи глазныхъ мускуловъ, и мѣстные знаки ретины могутъ имѣть вліяніе на образованіе правильныхъ пространственныхъ представленій. Эти замѣчанія касаются впрочемъ только физіологической стороны теоріи.

Какъ мы уже сказали, д-ръ Вундтъ считаетъ физіологическое устройство глаза совершенно достаточнымъ къ тому основаніемъ, чтобъ душа уже имѣла представленіе пространства и пространственнаго міра. Онъ категорически говоритъ, что образованіе въ насъ пространства зависитъ столько же отъ зрѣнія, сколько же и отъ самыхъ пространственныхъ предметовъ. Подъ зрѣніемъ же онъ разумѣетъ не болѣе какъ физіологическій процесъ. Кантовское воззрѣніе на пространство онъ положительно отвергаетъ. Оно дѣйствительно старое воззрѣніе и для реформатора науки, можетъ быть, не годится. Но если глубже вникнуть въ мотивы его, въ немъ пожалуй отыщутся болѣе глубокія основанія. Мы можемъ оставить въ сторонѣ метафизическую сторону его ученія о пространствѣ и обратиться только къ психологической. Въ послѣднемъ отношеніи онъ считаетъ пространство за одну изъ прирожденныхъ формъ, въ которой душа представляетъ себѣ предметы видимаго міра. Понятно, что очень странно теперь звучитъ въ ушахъ слово «прирожденныхъ»;—воспитанные въ новѣйшихъ понятіяхъ, иные скорѣй склонны думать за одно съ д-ромъ Вундтомъ, что ничего нѣтъ прирожденнаго душѣ, слѣдовательно и формы пространства: только старая психологія можетъ дѣлать подобные промахи. И однако, при нѣкоторомъ соображеніи, можно все-таки найти смыслъ въ ученіи Канта. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ душа, неспособная къ пространственнымъ представленіямъ, могла бы возбуждать ихъ въ себѣ? Что міръ пространственъ, это одно еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобъ мы и представляли его себѣ пространственнымъ. И еслибы душа, способная только къ качественнымъ состояніямъ, неспособна была отвѣчать на внѣш-

нія впечатлѣнія пространственными представленіями, — какимъ образомъ могъ бы образоваться въ насъ міръ такихъ представленій? Вѣдь ничего изъ внѣшняго пространства не привносится въ душу и не засѣдаетъ въ мозгѣ? Можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ душа рождалась съ готовой формой пространства, какъ бы съ нѣкоторымъ пустымъ сосудомъ, который долженъ потомъ быть наполненъ пространственными образами. Но что она является въ міръ съ способностью на извѣстныя будущія впечатлѣнія производить изъ нѣдръ своихъ пространственныя представленія — это всего вѣроятнѣй. Мы можемъ представить себѣ душу, способную чувствовать горе и страданіе и принимать неясныя и неопредѣленныя впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ. Можетъ быть, душа черепахи, улитки и въ самомъ дѣлѣ не далеко будетъ разниться отъ этой предполагаемой души. Если такая душа неспособна къ пространственнымъ представленіямъ, то весь окружающій протяженный міръ не въ состояніи возбудить въ ней эти представленія: можетъ быть, для нихъ ничего не существуетъ, кромѣ чувства общихъ, то хорошихъ, то худыхъ состояній. Практически, конечно, они нисколько не страдаютъ отъ незнанія пространственныхъ формъ міра, потому что двигаться они могутъ безъ этихъ знаній, да и вся ихъ жизнь не выходитъ изъ тѣснаго круга неопредѣленныхъ ощущеній, чувствъ и рефлективныхъ движеній. — Очевидно, должны быть въ самой душѣ еще извѣстныя условія, которыя дѣлали бы ее способною воспроизводить внѣшнія пространственныя формы.

Какое преувеличенное значеніе склоненъ д-ръ Вундтъ давать своимъ физіологическимъ опытамъ, видно изъ его знаменитаго опыта надъ скоростію мысли [1]). Теоретически разсуждая, можно вообще согласиться съ д-ромъ Вундтомъ, что должна

---

[1]) Vorlesungen ueber die Menschen und Thierseele von Dr Wundt. 37—39, 1 B.

быть извѣстная скорость въ смѣнѣ однѣхъ душевныхъ состояній другими. Даже при строгомъ дуалистическомъ воззрѣніи на человѣка невозможно отрицать, что душа, какъ существо, дѣйствующее въ мірѣ, тоже подлежитъ условіямъ и законамъ дѣятельности, обязательнымъ для всякаго существа въ мірѣ. Какъ скоро мы допускаемъ возможность душевныхъ перемѣнъ, смѣну однихъ представленій другими, мы должны допустить, что есть порядокъ въ переходѣ души изъ одного состоянія въ другое, есть скорость, слѣдовательно, съ какою исчезаетъ въ ней одна дѣятельность и наступаетъ другая. Каждый знаетъ изъ опыта, какъ иногда въ возбужденныхъ состояніяхъ одна мысль быстро слѣдуетъ за другою, одно состояніе чрезвычайно скоро смѣняется другимъ, а иногда для самыхъ субъектовъ даже становится замѣтной какая-то душевная неподвижность. Читавшіе много знаютъ, что не всегда одинаково скоро читается, и что иногда одинаково знакомыя вещи въ разныя времена читаются съ различными скоростями. Пишущіе много также знаютъ изъ опыта, что въ разныя времена различна раздражительность мысли и въ счастливыя минуты живость смѣны представленій бываетъ втрое больше, чѣмъ въ другія менѣе счастливыя времена. Относительно чувства и воли факты различныхъ скоростей тоже не подлежатъ сомнѣнію. Разсуждая теоретически только, можно даже расширить эту измѣряемость мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ разныхъ народахъ весьма неодинакова скорость психической жизни. Подъ тропиками скорѣй смѣняются душевныя состоянія, чѣмъ подъ полюсами. Французъ, нѣмецъ и англичанинъ каждый имѣетъ совершенно разную поворотливость мысли и чувствъ.

Слѣдовательно, въ теоретическомъ отношеніи, нѣтъ и не можетъ быть разногласія съ д-ромъ Вундтомъ. Но вопросъ въ томъ, какъ практически приступить къ какому-нибудь, хотя и приблизительно точному, пріему для измѣренія скоростей въ смѣнахъ душевныхъ дѣятельностей. Д-ръ Вундтъ увѣряетъ, что онъ уже измѣрилъ самую скорую мысль. Точкой отправленія

къ этимъ измѣреніямъ онъ избираетъ извѣстныя работы Гельмгольца по измѣренію скорости нервныхъ токовъ отъ разныхъ пунктовъ тѣла къ центрамъ. Работы эти весьма любопытны, и весьма важны для нервной физіологіи. По тому самому, что Гельмгольцъ нашелъ средство опредѣлить скорость, съ какою рефлексы слѣдуютъ за впечатлѣніями, д-ръ Вундтъ считаетъ совершенно возможнымъ опредѣлить скорость самой скорой мысли. Опытъ его весьма простъ и не требуетъ большихъ приготовленій. Онъ взялъ большой маятникъ, къ концу котораго придѣлано остріе, какъ показатель, двигающійся въ случаѣ качанія маятника пополукругу, раздѣленному на градусы. Въ срединѣ маятника находится точка привѣса его, и въ этомъ же мѣстѣ накрестъ придѣлана продолговатая линейка. Немного ниже одного конца этой линейки утверждается маленькій рычажокъ, свободно вращающійся около точки своего привѣса. Когда остріе маятника при его качаніи достигаетъ извѣстной высоты на полукругѣ, положимъ 70°, конецъ линейки бьетъ въ мѣдный рычажокъ, который поворачивается отъ удара кругомъ своей точки опоры и при этомъ издаетъ довольно внятный тонъ. Хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что одновременно съ тѣмъ, какъ мы видимъ остріе на 70°, дѣлается ударъ и въ рычажокъ, мы не слышимъ однакожъ въ тотъ же самый моментъ звука, а замѣчаемъ его, когда остріе указываетъ уже на другой градусъ. Случается иногда, что мы ранѣе слышимъ звукъ, чѣмъ видимъ остріе на указанномъ градусѣ,—особенно, если мы напряженно прислушиваемся при этомъ, но никогда не слышимъ и не видимъ совершенно одновременно. Точно также иногда случается съ хирургами, что они замѣчаютъ кровь, прежде нежели впустили ланцетъ въ кожу, хотя безъ сомнѣнія появленіе крови слѣдуетъ за порѣзомъ; и такъ какъ возможно вычислить скорость качанія маятника, и слѣдовательно найти ту скорость времени, съ какою въ этомъ случаѣ слышаніе слѣдуетъ за видѣніемъ, то найдено изъ многихъ опытовъ, *что* $^1/_8$ *секунды можетъ*

быть разсматриваема какъ средняя скорость самой скорой мысли. Таковъ результатъ, выводимый изъ описаннаго эксперимента д—ромъ Вундтомъ.

Но очевидно Вундтъ увлекается въ выводахъ, и дѣлаетъ неточное толкованіе фактовъ. Его опытъ въ сущности даетъ права заключать только къ скорости смѣны между впечатлѣніями зрѣнія и слуха. Притомъ, въ этомъ опытѣ есть еще необдѣланныя вещи, которыя заставляютъ сомнѣваться въ точности выводовъ. Напр., изъ разсказа д—ра Вундта вовсе не видно, вычислена ли и исключена ли разность между скоростями свѣта и звука хотя бы и на такомъ небольшомъ разстояніи между наблюдаемою вещью и самимъ наблюдателемъ. Она весьма незначительна въ этомъ случаѣ, но можетъ вообще имѣть вліяніе на то, что наблюдающій субъектъ неодновременно воспринимаетъ впечатлѣнія свѣта и тона. При такихъ скоростяхъ, каковы $^1/_8$ секунды, вліяніе разностей въ скоростяхъ звука и свѣта на ощущеніе можетъ быть довольно значительно. Если на двадцати саженяхъ мы можемъ видѣть скорѣй огонь при выстрѣлѣ, чѣмъ слышать самый звукъ, то едвали кто подумаетъ, что въ этомъ случаѣ временная разность между впечатлѣніями свѣта и звука зависитъ отъ нашей неспособности одновременно воспринимать ихъ, а не отъ разности физическихъ скоростей ихъ распространенія. Оттого въ подобныхъ случаяхъ не видно, чтó нужно положить на физическія условія и чтò на физіологическія, или психическія. Однако, если и принять за фактъ, что мы не можемъ одновременно замѣтить ощущенія свѣта и звука, то не видно, на какомъ основаніи д—ръ Вундтъ считаетъ *скорости ихъ смѣны за скорость самой быстрой мысли*, на какомъ основаніи онъ обобщаетъ этотъ фактъ и выводъ распространяетъ на всѣ душевныя дѣятельности. Прежде всего надобно замѣтить, что намъ извѣстны примѣры болѣе быстраго преемства между впечатлѣніями слуха и зрѣнія, чѣмъ на $^1/_8$ секунды. На фортепіано въ 7-мь октавъ 86 тоновъ съ полутонами; хорошо владѣющій

механизмомъ игры артистъ можетъ взять всѣ тоны въ 6 секундъ и брать при этомъ каждую ноту отдѣльно. Слушая тонъ, въ то же время вы можете слѣдить за движеніемъ пальцевъ и замѣчать удары. Тогда въ 6 секундъ вы получаете до 86 слуховыхъ и столько же свѣтовыхъ впечатлѣній. Если соглашаться съ д-ромъ Вундтомъ въ невозможности одновременнаго слушанія и видѣнія, то мы должны будемъ 172 впечатлѣній распредѣлить такъ, что за каждымъ свѣтовымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ слуховое. Но тогда мы имѣемъ 28 впечатлѣній въ секунду, и слѣдовательно скорость каждаго впечатлѣнія или, по выраженію автора, скорость мысли, равняется $^1/_{28}$ части секунды. Очевидно, самая скорая мысль д-ра Вундта втрое медленнѣе мѣняется сравнительно съ указанною быстротою. Указанный нами опытъ можетъ каждый сдѣлать, кто только имѣетъ фортепіано. Далѣе: опытъ д-ра Вундта касается *только* смѣны впечатлѣній зрѣнія и слуха, но онъ не даетъ намъ никакихъ выводовъ относительно другихъ чувствъ. Съ какою быстротой мѣняются впечатлѣнія зрѣнія съ впечатлѣніями осязанія, вкуса, обонянія,—слуха съ впечатлѣніями прочихъ внѣшнихъ чувствъ, осязанія съ вкусомъ и обоняніемъ, и послѣднихъ двухъ между собою—объ этомъ д-ръ Вундтъ умалчиваетъ, какъ будто это нисколько его не касается. Онъ ничего не говоритъ и о скорости смѣны между ощущеніями одного и того же чувства, хотя въ этомъ пунктѣ онъ опять нашелъ бы новыя данныя, несогласныя съ своимъ экспериментомъ. Сколько мы можемъ различать тоновъ въ секунду—это число можно легко найти, и всякій знаетъ, что не 8 только, какъ выходило бы по Вундту. Не говоримъ уже объ ощущеніяхъ зрѣнія, гдѣ смѣна гораздо быстрѣй, чѣмъ въ ощущеніяхъ слуха. А между тѣмъ только тогда, когда существовали бы точныя наблюденія надъ смѣной дѣятельностей этихъ чувствъ, можно было бы дѣлать заключенія къ общимъ законамъ смѣны впечатлѣній. Но и тутъ все еще не было бы поводовъ къ заключенію о скорости мысли; ощущеніе не есть еще пред-

ставленіе, понятіе и т. д.—что обыкновенно мы называемъ мыслію. Никто конечно не скажетъ, что когда я ощущаю красный цвѣтъ, то у меня выходитъ тоже самое, когда я представляю только его себѣ, а тѣмъ болѣе, когда я мыслю его понятіе. Очевидно, приступая къ измѣренію мысли, мы имѣемъ дѣло совсѣмъ съ другими условіями, чѣмъ при измѣреніи скорости ощущеній.

На этомъ пунктѣ мы нѣсколько остановимся, потому что вопросъ объ измѣреніи скорости мысли, правильно поставленный, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ психологическихъ вопросовъ. Еслибъ возможно было рѣшеніе его, онъ далъ бы весьма много самыхъ интересныхъ результатовъ относительно дѣятельностей души и множества весьма любопытныхъ психологическихъ вопросовъ. Но вопросъ не такъ легокъ, какъ полагаетъ докторъ Вундтъ. Во-первыхъ, нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что еслибъ намъ удалось высчитать скорость смѣны представленій, то и въ этомъ случаѣ мы еще не могли бы заключать къ скорости мысли. Смѣна представленій не есть еще работа мысли. Когда мы вспоминаемъ свои старыя пережитыя событія, отъ происшествій переходимъ къ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ нихъ, отъ нихъ къ другимъ и т. д. подымаемъ со дна души весь запасъ накопившихся воспоминаній, то, очевидно, въ этомъ случаѣ нѣтъ еще въ собственномъ смыслѣ работы мысли; при смѣнѣ представленій мы отдаемся на произволъ случайныхъ ассоціацій, переходимъ отъ одного представленія къ другому безъ всякихъ особыхъ намѣреній, увлекаемся такъ сказать душевнымъ токомъ, Другое дѣло, когда мы обдумываемъ извѣстный вопросъ. Случайныя ассоціаціи представленій отходятъ уже на задній планъ, весь механизмъ ихъ берется въ руки и уже съ извѣстною цѣлью отдѣляется сродное отъ несроднаго, случайное отъ необходимаго. Мысль сознательной дорогой идетъ къ результатамъ, то пользуясь механизмомъ представленій, какъ готовымъ средствомъ, то рефлектируя надъ нимъ, и создавая при этомъ новые продукты. Всякій сознается, что

измѣрить скорость послѣдней—дѣло почти невозможное, потому что если въ физическомъ мірѣ скорости при одинаковой силѣ пропорціональны массамъ, то едвали имѣетъ приложеніе этотъ законъ въ психологическомъ мірѣ. Масса объема въ понятіи напр. нисколько не имѣетъ вліянія на скорость и медленность движенія его въ душѣ: небольшой классъ мелкихъ животныхъ представляетъ для мысли болѣе затрудненія и слѣдовательно понятіе о нихъ не такъ удобоподвижно, какъ самыя громадныя по объему понятія напр. млекопитающіе, позвоночное животное, существо. Гораздо вѣроятнѣй кажется мысль, что скорости движенія понятій должны быть пропорціональны содержанію. Но и тутъ, при нѣкоторомъ вниманіи, вы замѣчаете, что на скорость движенія ихъ имѣютъ вліяніе совсѣмъ другія обстоятельства, чѣмъ содержаніе понятій. Изъ опыта извѣстно, какъ трудно поворачивается иногда понятіе въ головѣ, которое неясно, мало понятно, худо усвоено, и какъ иногда слишкомъ незнакомое понятіе съ быстротой пролетаетъ, точно оно самое знакомое, надъ которымъ не слѣдуетъ долго останавливаться. Если же брать во вниманіе чисто субъективное количество содержанія понятія — самое обширное по содержанію понятіе въ бѣдной мыслію и знаніями головѣ может быть очень бѣдно,—то и въ этомъ случаѣ нельзя придти къ рѣшительнымъ выводамъ. Иногда и бѣдныя содержаніемъ понятія слишкомъ долго удерживаются въ сознаніи, и богатыя — слишкомъ скоро мелькаютъ. Главная сила тутъ въ томъ, какой интересъ мы находимъ въ понятіяхъ и въ этомъ случаѣ замѣчательно, что тѣмъ быстрѣе смѣна понятій, тѣмъ меньше мы останавливаемся на нихъ, чѣмъ меньше мы находимъ въ нихъ интереса.

Съ другой стороны, привыкши постоянно мыслить словами, намъ кажется, что мышленіе посредствомъ словъ есть единственная его форма. Еслибы на дѣлѣ было дѣйствительно такъ, легко было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить быстроту смѣны понятій. Напр., приблизительно можно опредѣлить при чтеніи,

съ какой быстротой мы переходимъ отъ одного понятія или представленія къ другому. Читавшіе много знаютъ, что количество прочитываемаго въ часъ такого шрифта, какимъ напечатана эта книга, можетъ варіироваться отъ $^2/_3$ печатнаго листа до $2^1/_2$ листовъ, или отъ 6 до 20 листиковъ. Конечно, на быстроту чтенія имѣетъ вліяніе во-первыхъ интересъ, какой мы надѣемся найти, или дѣйствительно находимъ въ чтеніи, мѣра подготовленности къ нему и т. п. Если полагать среднимъ числомъ количество словъ на страницѣ въ 300, то общее количество словъ, прочитываемыхъ въ часъ будетъ варіироваться отъ 3,600 до 12,000. Слѣдовательно, въ секунду мы можемъ прочитывать отъ 10 до 33, или средняя скорость каждаго слова будетъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{33}$ секунды. Очевидно, все это такія соображенія, которыя не даютъ никакого права дѣлать изъ нихъ какіе-либо серьозные выводы: здѣсь взяты вмѣстѣ всѣ слова, слѣдственно, существительныя и глаголы считаются вмѣстѣ съ нарѣчіями и предлогами. Или напр. можно вычислить, какое количество тоновъ можемъ мы представить себѣ въ секунду, дѣйствительно переходя въ представленіи отъ каждаго тона къ другому. Но еслибы и получили мы при этомъ какіе-либо выводы, то могли бы говорить только о скорости представленій, или если и мысли, то не болѣе, какъ въ формѣ слова, потому что если мы большею частію мыслимъ словами, то не слѣдуетъ отсюда, что мышленіе на языкѣ есть единственная форма его. Что мы постоянно думаемъ словами, этимъ мы обязаны прочной ассоціаціи между мыслію и словомъ, но что есть мышленіе безъ словъ, это всякій знаетъ, кто работывалъ много и долго, и часто сознавалъ, что не всегда дается мысли то выраженіе, какое нужно было бы для нея; что не всегда языкъ слѣдуетъ за поворотами и изгибами ея. Какъ же опредѣлить скорость движенія этой неуловимой, безтѣлесной и чрезвычайно подвижной силы?

Не забудемъ еще, что отсутствіе твердой единицы можетъ

навсегда сдѣлать безуспѣшными всякія попытки измѣрять скорость мысли. Еслибы всѣ понятія были одинаковыя единицы, то еще можно было бы высчитать среднюю скорость движенія мысли, или еслибъ возможно сравнивать въ количественномъ отношеніи одно понятіе съ другимъ, дѣло еще не было бъ потеряно. Зная, насколько одно понятіе больше или меньше другаго, можно было бы распредѣлить на каждое, соотвѣтственно его массѣ, величину силы и скорость движенія. Но вѣдь ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ, вступая въ область мысли. На этомъ пунктѣ психологъ ясно видитъ, что онъ имѣетъ дѣло съ совершенно особымъ родомъ условій и дѣйствующихъ силъ, которыя не поддаются обыкновеннымъ методамъ и пріемамъ, употребляемымъ въ естественныхъ наукахъ. Необыкновенная сложность психическихъ условій и чрезвычайная гибкость и податливость на разныя вліянія психическихъ дѣятельностей до невозможности затрудняютъ изобрѣтеніе такой математической функціи, которая могла бы приблизительно выражать дѣйствительные факты душевной жизни. Можно сказать о психическихъ явленіяхъ, что каждое изъ нихъ есть своего рода нравственный хамелеонъ; оно никогда не остается въ одной формѣ, въ однихъ отношеніяхъ къ прочимъ душевнымъ явленіямъ. Одно и тоже понятіе въ разныя времена то яснѣетъ, то тускнѣетъ, то кажется богатымъ по содержанію, то бѣднымъ, то въ связи съ одними понятіями, то съ другими и т. д. Извѣстно, какъ въ разныхъ настроеніяхъ духа бываютъ разныя по скоростямъ движенія мысли: тогда какъ въ меланхолическомъ настроеніи духа чуть почти движется мысль, или лучше она сосредоточивается на одномъ пунктѣ, въ экстазѣ она бываетъ необыкновенно раздражительна, съ легкостью перебѣгаетъ съ одного пункта на другой, дѣлаетъ удивительныя комбинаціи. Физіологическія условія организма, времена года и дня, образъ жизни, общественныя событія, климатъ и мѣсто жительства, личныя предрасположенія, общество, родъ умственныхъ занятій—все это оказываетъ могущественное

вліяніе на скорость, или медленность мысли, и гдѣ тотъ психологъ, который, честно понимая дѣло, сдѣлалъ бы, или почелъ бы возможнымъ трудъ—опредѣлить скорость мысли? Какъ бы онъ уединилъ эту силу, чтобъ посмотрѣть, какъ она дѣйствуетъ, предоставленная единственно самой себѣ? Какъ онъ съумѣетъ выдѣлить вліянія случайныя отъ нормальныхъ и, при безконечной сложности послѣднихъ, опредѣлить, что падаетъ на долю самой дѣйствующей силы, которая дѣятельна сообразно законамъ своей природы, и что приходится приписать дѣйствію необходимыхъ вліяній? Есть конечно свой maximum скорости мысли и есть minimum, меньшій предѣлъ котораго невозможенъ для здороваго человѣка,—но какъ и въ комъ искать данныхъ для такихъ наблюденій?

Свой опытъ относительно скорости мысли д—ръ Вундтъ положилъ въ основу своихъ дальнѣйшихъ заключеній о душѣ. Изъ того, что мы не можемъ одновременно слушать и видѣть, онъ заключилъ, что не можетъ быть въ сознаніи болѣе одного душевнагѳ состоянія, или факта. Возможность многихъ душевныхъ состояній онъ допускаетъ только въ области безсознательной жизни. Два представленія, или понятія, понятіе и чувствованіе — не могутъ быть одновременно сознаваемы. «Очевидно говоритъ д-ръ Вундтъ, невозможность многихъ одновременныхъ актовъ мышленія можетъ имѣть одинъ только смыслъ, когда они относятся къ одному и тому же мыслящему субъекту. Конечно, онъ не можетъ вмѣстѣ слышать и видѣть, образовывать понятіе, и обращать вниманіе на представленіе; напротивъ, всѣ эти акты у него должны слѣдовать одинъ за другимъ. И на какомъ основаніи? Только потому, что всякій актъ относится къ одному и тому же мыслящему лицу, потому что онъ когда слышитъ тонъ, полагаетъ его въ опредѣленное отношеніе къ себѣ, а если видитъ свѣтъ, локализируетъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ внѣшняго пространства, если представляетъ себѣ, то мыслитъ представленіе, какъ нѣчто внѣ его, или въ немъ самомъ существу-

ющее, короче потому, что всякой такой актъ, такъ какъ онъ есть сознательный актъ мышленія, направляется къ Я какъ средоточію, около котораго вращается все другое» [1]) Такимъ образомъ одновременность психическихъ актовъ по Вундту невозможна потому, что душѣ свойственно единство сознанія. Сознательная жизнь души, слѣдовательно, навсегда осуждена быть бѣдною безсодержательною жизнью: если не болѣе одного душевнаго акта можетъ быть въ каждый моментъ въ сознаніи, то ничего нѣтъ одностороннѣй нашей сознательной душевной жизни. И еслибъ д-ръ Вундтъ былъ правъ, мышленіе положительно было бы невозможною вещью для души. Ибо, если систематическое мышленіе можно назвать вполнѣ сознательнымъ душевнымъ актомъ, то какимъ образомъ возможно что-нибудь сравнивать, ставить въ зависимость одно отъ другаго, выводить, умозаключать и вводить связь и порядокъ между элементами мышленія? По воззрѣнію Вундта на сознательную жизнь, кажется, возможно только преемственное выплываніе состояній на поверхность сознанія, связь же ихъ между собой должна быть предоставлена игрѣ случая, связавшаго вмѣстѣ два душевныхъ акта. Если умъ сравниваетъ что-нибудь, очевидно, онъ сопоставляетъ въ сознаніи какихъ-нибудь два или болѣе представленій и анализируетъ ихъ, отдѣляя разнородное и удерживая вмѣстѣ однородное. Если изъ представленій образуется понятіе, то, очевидно, дѣло происходитъ такимъ образомъ, что многія представленія, *сознанныя вмѣстѣ*, даютъ уму возможность подмѣтить законъ въ соединеніи ихъ элементовъ и такимъ образомъ составить понятія о родѣ предметовъ, обозначаемыхъ самими представленіями. Въ противномъ случаѣ мышленіе походило бы на дѣятельность человѣка, который захотѣлъ бы въ одномъ стаканѣ воды соединить два стакана: онъ занялся бы тогда работой Данаидъ, потому что у него

---

[1]) Vorlesungen ueber die Menschen und Thier seele von Dr. Wundt, I. B. 313.

вѣчно выливалось бы столько же воды, сколько онъ зачерпалъ бы новой. Если мы дѣлаемъ заключенія, благодаря той особенности нашего ума, что онъ способенъ изъ одного понятія выводить другое, изъ одного сужденія новое, то при узкости сознанія—по Вундту, такія дѣйствія были бы рѣшительно невозможны. Въ то время какъ въ сознаніи выплылъ бы terminus major, изъ него уплылъ бы terminus medius и, думая о заключеніи, мы забывали бы съ трудомъ добытыя большія, или меньшія посылки силлогизмовъ. Говорятъ, что мышленіе потому и отличается отъ обыкновенной ассоціаціи и игры представленій, что въ немъ на мѣсто случайнаго механическаго сцѣпленія ихъ вводится внутренняя связь и соотношеніе между элементами. Но такая операція необходимо предполагаетъ возможность для души одновременно сознавать по крайней мѣрѣ двѣ связываемыя вещи.

И такъ какъ фактъ мышленія не подлежитъ никакому сомнѣнію, то можно и сомнѣваться въ этомъ единствѣ сознанія. Въ самомъ дѣлѣ сознаніе вовсе не такъ бѣдно, какъ кажется Вундту. За хорошимъ обѣдомъ въ порядочномъ обществѣ одновременно мыслитъ умъ, наслаждается вкусъ и обоняніе, слышится разговоръ, зрѣніе и осязаніе одинаково заняты. Въ тоже время дѣлаются движенія и чувствуется то или другое настроеніе духа. Неужели человѣкъ, который сознательно наслаждался всѣми впечатлѣніями, принималъ большую часть ихъ безсознательно, т. е. невѣдомо для себя, или въ противномъ случаѣ опустилъ тысячи впечатлѣній, имѣвшихъ несчастіе одновременно представиться его сознанію? Еслибы человѣкъ не могъ слушать, потому что онъ во время разговора пилъ съ сознательнымъ наслажденіемъ хорошее вино, или смотрѣлъ на вазу, или слушалъ музыку, или почувствовалъ движеніе радости, то едвали не выходило бы на всѣхъ такихъ обѣдахъ столпотворенія Вавилонскаго. Особенно мы имѣемъ всѣ причины не согласиться съ д-ромъ Вундтомъ, что для сознанія невозможны одновременно акты чувства и мышленія. Если онъ признаетъ общее чувство, или на-

строеніе за дѣятельность чувствительной способности души, (какъ, дѣйствительно, и есть на самомъ дѣлѣ), то онъ долженъ признаться, что никакіе психологическіе акты такъ легко не мирятся въ сознаніи другъ съ другомъ, какъ упомянутые два; одновременно съ сознаніемъ своего настроенія можно въ тоже время сознательно представлять себѣ что-нибудь; рисуя себѣ мрачныя картины, можно одновременно сознавать и мрачность самыхъ картинъ и мрачность своего настроенія. Съ другой стороны, можно ли назвать психическіе акты какими-нибудь простыми актами? еслибъ они были сами въ себѣ законченныя, несложныя единицы, ученіе д-ра Вундта объ единствѣ сознанія имѣло бы еще смыслъ. А то возмите какое угодно представленіе, есть ли оно простой несложный актъ души? какъ извѣстно, каждое представленіе имѣетъ разные признаки, иногда въ свою очередь тоже сложные, общія представленія составляются изъ множества частныхъ представленій, понятія обнимаютъ множество представленій. Держась точки зрѣнія Вундта, приходится думать, что и представленіе, какъ сложный актъ, не можетъ быть предметомъ сознанія. Тогда придется допустить, что только простые признаки предметовъ, данные намъ въ ощущеніи, могутъ быть предметомъ сознанія, потому что только послѣдніе можемъ мы назвать простыми психическими актами.

Справляясь съ логическими возможностями, мы также не видимъ основанія, почему нельзя было бы допустить возможность одновременнаго сознанія нѣсколькихъ душевныхъ состояній, или актовъ. Если мы можемъ одновременно испытывать разныя состоянія, что допускаетъ и д-ръ Вундтъ, усвояя эту возможность впрочемъ одной только безсознательной жизни, то почему же не можемъ и сознавать въ одно время свои разныя состоянія. Если самосознаніе означаетъ тотъ актъ души, въ которомъ она *къ себѣ самой* относитъ свои состоянія и свою дѣятельность, то не видно логическаго основанія, по которому такое существо не могло бы къ себѣ самому относить одновременно многія разныя

состоянія. Впрочемъ, мнѣніе д-ра Вундта въ основѣ своей имѣетъ извѣстный фактъ психической жизни; только онъ истолковалъ его, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильно, и преувеличилъ его значеніе для душевной жизни. Фактъ—тотъ, что намъ трудно одновременно удѣлять свое вниманіе многимъ, особенно разнороднымъ душевнымъ актамъ и даже невозможно. Трудно, напримѣръ, съ полнымъ безраздѣльнымъ вниманіемъ слушать какой нибудь разговоръ и въ тоже время слѣдить за развитіемъ звуковъ въ какомъ—нибудь музыкальномъ произведеніи. Въ этомъ случаѣ, чѣмъ серьезнѣе содержаніе усвояемаго нами, тѣмъ менѣе удѣляется вниманія какимъ—нибудь другимъ впечатлѣніямъ, другимъ душевнымъ актамъ. Извѣстна разсѣянность ученыхъ: и она объясняется именно той безраздѣльностію вниманія, какое нужно для ученыхъ работъ. Глубокія соображенія и выкладки, требующія глубокаго напряженія ума, чрезвычайно живой интересъ въ передаваемомъ содержаніи дѣлаютъ человѣка глухимъ и нѣмымъ на всѣ другіе вопросы, невнимательнымъ къ одеждѣ и пищѣ, берутъ полнаго человѣка во власть свою. Извѣстно напр., какъ глубокія математическія соображенія дѣлаютъ человѣка разсѣяннымъ ко всему его окружающему. Сознаніе кажется поэтому какимъ-то маленькимъ сосудцемъ, который если наполнить совершенно, уже не даетъ мѣста въ себѣ ничему другому,—силой, которыя, если занята чѣмъ-нибудь, неспособна ни къ какой другой услугѣ. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что богатство душевной жизни вообще далеко шире того содержанія, какое обыкновенно бываетъ въ сознаніи, Если анализировать его, то окажется, что сравнительно чрезвычайно мало можемъ мы сознавать изъ всей разнообразной и широкой психической жизни. Сознаніе кажется какъ бы не большимъ свѣтильникомъ, которое освѣщаетъ только то, что вблизи его, а чѣмъ далѣе отъ него, тѣмъ слабѣй становится сила освѣщенія. Все это дѣйствительно факты, и противъ нихъ едвали рѣшится кто возражать. Ихъ конечно и имѣлъ въ виду д-ръ

Я, какъ именно «я» другимъ вещамъ, оно должно предварительно сдѣлать умозаключеніе, что оно такое же существо *для себя самаго*, какъ отецъ, мать и другіе люди, *оно должно сдѣлать умозаключеніе, что его собственная рѣчь, если она относится къ его собственному существу, находится въ точно такомъ же къ нему отношеніи, какъ рѣчь всякаго другаго человѣка, когда онъ говоритъ о своемъ существѣ*. [1]) Поэтому образованіе нашего «Я» идетъ постепенно, оно требуетъ множества предшествовавшихъ психическихъ процесовъ, и когда произошло довольное число ихъ, тогда «Я» готово уже какъ бы вдругъ, за одинъ разъ: потому что одинъ актъ служитъ заключеніемъ ко всѣмъ приготовительнымъ процесамъ. Этотъ послѣдній актъ, когда мгновенно является въ духѣ «Я», есть умозаключеніе,—послѣднее умозаключеніе, которое связывается съ множествомъ предшествовавшихъ сужденій и умозаключеній, и которымъ заключается весь рядъ умозаключеній. [2]) Очевидно разсказы д-ра Вундта о развитіи въ душѣ самосознанія, по видимому, не лишены правдоподобности; однако во всей этой, какъ говорятъ нѣмцы, Maschinerie самосознанія мы вовсе ненаходимъ необходимой причины, почему бы существо, съ одной стороны ощущающее и воспринимающее впечатлѣнія предметовъ, съ другой двигающееся, непремѣнно должно было бы такъ интенсивно сознавать себя, противополагать всѣмъ внѣшнимъ предметамъ и выдѣлять себя изъ нихъ, еслибъ не было чего-нибудь еще въ устройствѣ такого существа, что лежало бы въ основаніи всего развитія самосознанія. Какъ ни хочется д-ру Вундту заглянуть дальше въ глубину души и подсмотрѣть развитіе въ ней самосознанія, все таки онъ начинаетъ

---

[1]) Vorlesungen über die Menschen und Thierseele von Dr Wundt. I B. 289.

[2]) Тамъ же, 1 В. 293—294.

исторію его съ готоваго уже сознанія. Ибо, если по чувству собственныхъ движеній, мы различаемъ свои движенія отъ движеній другихъ посторонникъ предметовъ, то не позволительно ли думать, что чувство собственныхъ движеній предполагаетъ уже способность въ имѣющемъ его существѣ относить ихъ къ себѣ какъ центру, и чувствовать, чтó своё и чтó не своё. Если это непосредственное чувство служитъ потомъ главнымъ средствомъ къ различенію движеній собственнаго тѣла отъ движеній внѣшнихъ предметовъ, то уже въ немъ намъ данъ самый главный признакъ самосознанія, такъ сказать, зерно его,—именно признаніе своей дѣятельности и выдѣленіе ея отъ чужой. Конечно, и ощущеніе внѣшнихъ впечатлѣній, развитіе представленій о внѣшнихъ предметахъ помогаетъ развитію въ насъ представленія о самихъ себѣ, какъ отдѣльныхъ существахъ. Но и тутъ невидно необходимости, почему съ одной стороны мы считаемъ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ,—вѣдь первыя ни что иное, какъ состоянія, возбужденныя въ нашей душѣ послѣдними,—не субъективнымъ чѣмъ-либо, а объективными, и почему въ нашемъ собственномъ сознаніи мы съ такою интенсивностію противополагаемъ себя всѣмъ внѣшнимъ предметамъ. Еслибъ самосознаніе было дѣломъ представленія и ощущенія только, тогда мы также различали бы себя отъ внѣшнихъ предметовъ, какъ Ивана отъ Петра, дерево отъ камня, т. е. по теоретическимъ и внѣшнимъ только признакамъ отдѣляли бы себя отъ всего другаго. Но потому ли мы такъ интенсивно сознаемъ себя, что убѣждены, что мы имѣемъ такой то носъ и ротъ, извѣстный цвѣтъ волосъ, глазъ и кожи, извѣстную толщину, фигуру и пластику формъ?

Д-ръ Вундтъ, очевидно, не различаетъ въ своей исторіи развитія самознанія вспомогательныхъ средствъ этого развитія и главнаго психологическаго средства, которое лежитъ въ основѣ его, и безъ котораго оно было бы рѣшительно не возможно въ той формѣ, въ какой мы его находимъ въ себѣ самихъ. Ничѣмъ мы не научились бы сознавать себя, отдѣлять отъ всѣхъ внѣшнихъ пред-

метовъ, еслибъ мы были совершенно безучастны къ собственнымъ состояніямъ, еслибъ каждое наше душевное событіе не возбуждало въ насъ живаго интереса тѣмъ, что оно производитъ въ насъ пріятное, или непріятное чувство. Ребенокъ можетъ ошибаться въ употребленіи «я», «ты» и «онъ», но въ одномъ онъ никогда не ошибается, хотя никогда тому и не учится. Для него никогда не существуетъ сомнѣнія, если ему больно, признать чувство боли за свое состояніе, то или другое представленіе своимъ представленіемъ. Вообще, какъ кажется, слишкомъ много резонируется по поводу того факта, что малыя дѣти часто говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; онъ часто приводится какъ доказательство того, что въ дѣтствѣ мы не имѣемъ никакого самосознанія, и что въ этотъ возрастъ мы относимся къ себѣ самимъ, какъ и всякому другому внѣшнему предмету, о которомъ говоримъ мы въ третьемъ лицѣ. Намъ кажется, что такое толкованіе указаннаго факта не есть единственно возможное. Выраженія: «я» или «ты» и «онъ» въ сущности условные знаки: если ребенокъ сбивается въ выраженіяхъ, то слѣдуетъ ли изъ того, что онъ смѣшиваетъ понятія и сбивается въ самой сущности дѣла. Едва ли съ вѣроятностію можно сказать, что, когда ребенокъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, на самомъ дѣлѣ онъ смѣшиваетъ себя съ отцемъ или братомъ, о которомъ онъ также говоритъ въ третьемъ лицѣ, и что еслибы съ нимъ случилось радостное событіе, онъ могъ бы хотя на минуту затрудниться, кому приписать эту радость. И если дитя потомъ съ лѣтами выучивается правильно употреблять выраженія «я» и «онъ», то этотъ фактъ скорѣй означаетъ, что у него съ теченіемъ времени образуется твердая ассоціація между словомъ и обозначаемымъ имъ содержаніемъ, чѣмъ то, что онъ современемъ научается выдѣлять себя отъ окружающихъ предметовъ. Конечно, нельзя думать, чтобъ съ разу же, съ рожденіемъ нашимъ на свѣтъ, являлось у насъ то самое самосознаніе, какое мы имѣемъ въ возмужалыхъ лѣтахъ. Безъ сомнѣнія, жизнь и

развитіе придаютъ сознанію человѣка во-первыхъ большую напряженность, во-вторыхъ, широту и теоретическую ясность и законченность. Нуженъ опять опытъ, чтобъ изучить свое тѣло и составить о немъ понятіе, нужно пережить уже много состояній, чтобъ знать широту своей душевной жизни; нужно нѣкоторое развитіе ума, чтобъ составить о себѣ понятіе, какъ извѣстной личности. Но, конечно, всѣ эти знанія, доставшіяся путемъ опыта, только вспомогательныя средства нашего самосознанія: они только расширяютъ и теоретически уясняютъ его. За главную же причину самосознанія мы должны признать способность души чувствовать свое бытіе и глубоко интересоваться имъ въ тѣхъ пріятныхъ, или непріятныхъ чувствованіяхъ, какія возбуждаются въ ней внѣшними вліяніями и внутренними событіями.

Намъ нѣтъ нужды еще болѣе входить въ подробности ученія Вундта. Изъ того, что мы сказали о немъ, видно его отношеніе къ душевнымъ явленіямъ. Его нельзя назвать матеріалистомъ, но мы ошиблись бы, еслибъ стали отрицать всякую связь его съ матеріалистическимъ направленіемъ. Онъ порицаетъ матеріалистовъ, но его пріемы въ изслѣдованіи душевныхъ явленій, его нѣкоторыя предположенія, напр. о тожествѣ логическаго и физическаго механизмовъ, ясно изобличаютъ намъ его духовное сродство съ порицаемыми имъ противниками. Всего лучше его назвать физіологомъ-психологомъ: ибо изъ физіологіи заимствуетъ онъ нѣкоторыя методы и пріемы. Именно потому, что онъ не освободился еще отъ физіологическихъ предразсудковъ, онъ склоненъ относиться къ душевнымъ явленіямъ, какъ физіологическимъ продуктамъ. Ясно, что, по его мнѣнію, какъ всѣ тѣлесныя отправленія производятся тѣлеснымъ, или физическимъ организмомъ, точно также и психическія явленія суть слѣдствія одного только психическаго механизма: въ сущности же оба механизма тожественны.

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать полезныя слѣдствія и этого

физіологическаго направленія въ психологіи. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что оно вноситъ въ психологическія изслѣдованія точность и вѣрность физіологическихъ, а тѣмъ болѣе весьма точно старается опредѣлить связь между душевными и тѣлесными явленіями и указать зависимость дѣятельности души отъ физическихъ средствъ, имѣющихся въ обитаемомъ ею тѣлѣ. Какія ошибки и преувеличеніе ни допускаетъ физіологическое направленіе теперь, современемъ, когда физіологи болѣе станутъ углубляться въ качество и смыслъ душевныхъ явленій, оно принесетъ богатые плоды для психологовъ. Но и при теперешнихъ ошибкахъ труды физіологической школы нельзя и сравнивать по научной пользѣ съ матеріалистами. Фразы послѣднихъ мы легко можемъ уподобить фразамъ по поводу idées fixes, изъ заколдованнаго круга которыхъ они никуда не двигаются. А труды первыхъ обогащаютъ психологію точно и вѣрно подмѣченными наблюденіями, предположеніями, которыя практически остаются на минуту безплодными, но можетъ-быть когда-нибудь оправдаются и осуществятся.

ГЛАВА III.

ВЛІЯНІЕ ФИЗИКИ НА ПСИХОЛОГІЮ.

Психофизика Фехнера.

Вундтъ главнымъ образомъ — физіологъ, который старается, по возможности, удержать физіологическіе пріемы въ изслѣдованіи душевныхъ явленій. Главный недостатокъ направленія, представляемаго имъ, заключается въ томъ, что оно устанавливаетъ о душевныхъ явленіяхъ не совсѣмъ твердыя понятія, и въ нихъ нерѣдко замѣчается несообразность и противорѣчіе съ отличительными качествами этихъ явленій. Въ направленіи Фехнера, которымъ теперь и займемся, нѣтъ этихъ недостатковъ въ рѣзкой формѣ, хотя тѣмъ не менѣе они все-таки есть. Фехнеръ—физико-математикъ и его работы имѣютъ главнымъ образомъ физическій характеръ. Онъ беретъ въ ощущеніяхъ, напримѣръ, сторону дѣятельности, отъискиваетъ законъ ея возрастанія и уменьшенія, сообразно извѣстнымъ условіямъ, и старается выра-

зить ихъ въ формулахъ. Его усилія такимъ образомъ направлены къ тому, чтобъ приложить къ душевнымъ явленіямъ нѣкоторыя плодотворныя начала физики, подвергнуть первыя точному математическому вычисленію. Примѣнивъ къ душевной дѣятельности физическое понятіе живой силы и сохраненія ея, онъ старается, съ одной стороны, измѣрить сравнительную силу разныхъ ея проявленій, съ другой же—доказать присутствіе логариѳмическаго закона во всѣхъ отношеніяхъ между ощущеніемъ и раздраженіемъ, его возбуждающимъ. Конечно, было бъ невѣрно сказать, что Фехнеръ первый возбудилъ вопросъ объ измѣряемости душевныхъ состояній и математической ихъ опредѣляемости. Что касается перваго, то, какъ онъ самъ сознается, честь того открытія, что увеличеніе ощущеній слѣдуетъ въ строгомъ соотвѣтствіи за возбуждающими ихъ раздраженіями, принадлежитъ Веберу, котораго онъ и называетъ отцомъ науки психофизики [1]). Чтóже касается до математической опредѣляемости душевныхъ состояній, то и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ уже предшественника въ Гербартѣ. Гербартъ первый пытался приложить математику къ психологіи. Но что̀ у одного оставалось въ формѣ частныхъ наблюденій, не во всѣхъ отношеніяхъ достаточныхъ, а у другаго не повело къ значительнымъ практическимъ результатамъ, то самое было развито Фехнеромъ до такой научной формы, что составило дѣйствительное открытіе и въ точномъ смыслѣ научное пріобрѣтеніе. Наблюденія Вебера ограничивались преимущественно чувствомъ осязанія, и къ нему особенно онъ приложилъ до нѣкоторыхъ предѣловъ начала измѣренія. Фехнеръ распространилъ его на всю область душевныхъ ощущеній и пытался расширить его на всѣ вообще душевныя явленія. Онъ установилъ точныя методы для измѣреній, такъ-что со-

---

[1]) Elemente der Psychophysik von Gustav Theodor Fechner. I Th. Leipzig. 1860. Vorwort VIII.

здалъ настоящую науку измѣрять душевное состояніе, которую и назвалъ «Психофизикой». Затѣмъ къ результатамъ своихъ изслѣдованій онъ счастливо приложилъ математику, такъ-что его наука въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣетъ точный и непреложный характеръ, подобный современной физикѣ. Это не совсѣмъ удалось Гербарту, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Фехнеръ убѣжденъ, что физическое понятіе сохраненія силы вполнѣ приложимо въ психологіи. Мы не станемъ развивать сущность этого понятія. Въ чемъ оно состоитъ и какіе факты осмысливаетъ—все это мы предполагаемъ извѣстнымъ изъ физики. Желающіе близко познакомиться съ нимъ могутъ найти полныя о немъ свѣдѣнія въ брошюрѣ Гельмгольца [1]), или даже въ интересующемъ насъ трудѣ Фехнера: Элементы психофизики [2]). Насъ прежде всего занимаетъ вопросъ: имѣетъ ли этотъ физическій законъ мѣсто въ душевной дѣятельности, и если имѣетъ, то въ какой мѣрѣ простирается дѣйствіе его на психическую область? Какъ извѣстно, этотъ законъ предполагаетъ слѣдующихъ два необходимыхъ вывода: вопервыхъ, по нему количество живой силы, способной производить извѣстныя работы, возстановляется снова во всякомъ работавшемъ механизмѣ, лишь только въ немъ, или въ его частяхъ возстановляется прежняя система взаимодѣйствій; вовторыхъ, въ обширныхъ сложныхъ механизмахъ абсолютное количество силы не уменьшается и не увеличивается: въ разныхъ частяхъ организмовъ одна и та же сила дѣйствуетъ различнымъ образомъ, она претерпѣваетъ измѣненія и превращенія при переходахъ въ различныя условія, но при всѣхъ видоизмѣненіяхъ существуетъ точное эквивалетное или равносильное соотношеніе между одной и другой ея формой. Послѣдній

[1]) Ueber die Erhaltung der Kraft, eine physikalische Abhandlung. Von Dr. H. Helmholtz. Berlin. 1847.

[2]) Elemente der Psychophysik von T. G. Fechner. I Th. Cap. V. 20—44. Lebendige Kraft.

выводъ предполагаетъ, что одна и таже сила можетъ быть превращаема въ другую, какъ, напримѣръ, количество теплоты возможной отъ фунта угля можетъ быть превращено въ извѣстное количество механической работы [1]); извѣстно, какіе широкіе размѣры хочетъ дать этой мысли Грове [2]) и даже Гельмгольцъ. Но, очевидно, эта мысль не можетъ быть принята безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Нельзя, конечно, допустить, чтобъ одна какая-нибудь сила, могла превращаться во многія другія силы. Сила безъ тѣла, въ которомъ она находится, не можетъ быть мыслима; она не есть что-нибудь само по себѣ существующее: ею обозначается степень напряженія дѣятельности, или состоянія какого-нибудь предмета. И какъ дѣятельность, или состояніе немыслимы безъ того, что́ дѣятельно, или что́ находится въ извѣстномъ состояніи, такъ точно и сила немыслима безъ того, что́ имѣетъ ее. Очевидно поэтому, какъ слѣдуетъ относиться къ вопросу, можетъ ли сила переходить въ другое тѣло и тутъ превращаться въ какую-нибудь другую форму силы: это было бы похоже на то, какъ еслибъ мы предположили, что состояніе одного человѣка можетъ переходить на другаго и превращаться въ послѣднемъ въ какую-нибудь новую силу. Поэтому невозможно предполагать, чтобъ та же самая теплота, какая возможна отъ фунта угля, могла именно своимъ существомъ превращаться въ свѣтъ, который дается горѣніемъ,—въ механическое движеніе, которое слѣдуетъ напримѣръ за нагрѣваніемъ котла въ машинѣ. Какъ ученое предположеніе, или вспомогательное научное средство, понятіе о превращеніяхъ одной силы въ другую, конечно, можетъ имѣть мѣсто въ наукѣ.

---

[1]) Grunert's Arch. f. Mathem. 1858. 261. Статья Баумгартена «Das mechanische aequivalent der Wärme und seine Bedeutung in den Naturwissenschaften».

[2]) Die Wechselwirkung der physischen Kräfte von W. R. Grove. Uebersetzt von Russdorf. Berlin 1863.

Такихъ предположеній много въ наукѣ и они часто употребляются въ ней то какъ полезныя сокращенныя формулы фактовъ, то какъ болѣе ясное и наглядное resumé ихъ, то какъ болѣе удобное объясненіе ихъ. Противъ ихъ употребленія вообще было бы странно возставать, но еще страннѣе было бы придавать такимъ ипотезамъ значеніе, какого онѣ не могутъ имѣть, и принимать за дѣйствительное объясненіе фактовъ то, что должно служить только полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ при научныхъ изслѣдованіяхъ. Когда физикъ говоритъ намъ, что количество теплоты, нагрѣвающее фунтъ воды въ 0° на 1°, можетъ быть превращено въ такое количество механической работы, какая нужна на поднятіе 1367 фунтовъ на одинъ футъ, то, конечно, не о чемъ спорить, если при этомъ имѣется въ виду только сообщить одинъ фактъ. Но споръ неизбѣженъ, еслибъ физикъ сталъ представлять намъ превращеніе одной силы въ другую, какъ нѣчто логически возможное и даже необходимое. Поэтому мы скорѣе соглашаемся съ другою формою толкованія этого закона, именно—что одна форма силы можетъ вызвать въ тѣлахъ, смотря по условіямъ, другія формы силъ, т. е. эквивалентъ одной силы въ одномъ тѣлѣ можетъ вызывать эквивалентъ другой силы въ другомъ, такъ что ни одна часть силы въ сущности не исчезаетъ даромъ, а всегда своею дѣятельностію вызываетъ соотвѣтствующій эквивалентъ другой силы.

Мы сочли нужнымъ остановиться на понятіи превращенія одной силы въ другую потому, что и самъ Фехнеръ въ нѣкоторой степени раздѣляетъ ту форму его пониманія, какую мы нашли неудовлетворительною [1]). Для насъ этотъ фактъ очевиденъ потому, что онъ прилагаетъ этотъ законъ во всей широтѣ къ душевной жизни [2]). Что касается до той формы закона сохраненія силы,

---

[1]) Elemente der Psychophysik von Fechner. I Th. 27—29.
[2]) Тамъ же. I Th. 36 и далѣе.

по которой количество живой силы возобновляется во всякомъ механизмѣ, лишь только, послѣ произведенной имъ работы, возстановляется въ немъ прежнее соотношеніе частей, то значеніе этой формы въ психической области едва ли не сомнительно, и во всякомъ случаѣ можетъ быть допущено съ большими ограниченіями. Можно ли представлять себѣ душу сложнымъ организмомъ, состоящимъ изъ частей? Мы видѣли при разборѣ ученія матеріалистовъ, какія трудности представляются намъ въ объясненіи сознанія, лишь только мы допустимъ сложность души изъ частей. Сознаніе одного и нераздѣльнаго существа души было бы положительно невозможно, еслибъ душа была системою какихъ нибудь частей. Если же она не сложна, а проста, то спрашивается, какой же смыслъ будетъ имѣть по отношенію къ ней законъ, имѣющій приложеніе только къ какимъ-нибудь сложнымъ организмамъ? Съ другой стороны, самый фактъ развитія души вполнѣ опровергаетъ приложеніе этого закона къ душевной дѣятельности. Допустивъ даже сложность души на подобіе какого-нибудь организма, имѣемъ ли мы право думать, что въ душѣ когда-нибудь и какъ-нибудь возможно полное возстановленіе, нарушеннаго впечатлѣніями, равновѣсія частей. Еслибъ впечатлѣнія сглаживались временемъ и душа не претерпѣвала бы никакихъ измѣненій отъ нихъ, то она должна была бъ вѣчно оставаться на одной точкѣ своего развитія. Но въ томъ—то и дѣло, что ни одно вліяніе на душу не проходитъ для нея безплоднымъ, и всякое впечатлѣніе оставляетъ въ ней слѣдъ, производитъ нѣкоторое измѣненіе въ ея существѣ, чѣмъ собственно и объяснимъ фактъ человѣческаго развитія. Положимъ, измѣненія эти небезграничны: иначе мы пришли бы къ отвергнутому уже нами понятію превращенія силъ, или существъ одно въ другое. Въ самомъ существѣ души долженъ быть извѣстный законъ, опредѣляющій, въ какой мѣрѣ возможны для нея измѣненія безъ того, чтобъ ими уничтожалась ея особенная сущность. Но уже и тотъ одинъ фактъ, что въ душѣ возможны вообще

измѣненія, хотя бы до нѣкоторыхъ предѣловъ, указываетъ, что въ психической области нѣтъ тѣхъ условій, какія предполагаются указанной формой закона сохраненія силы, и что, слѣдовательно, она не можетъ имѣть приложенія въ этой области.

Тѣмъ менѣе можно согласиться съ Фехнеромъ, чтобъ превращеніе силъ имѣло мѣсто между душевными и тѣлесными силами, особенно въ той рѣзкой формѣ, какая принята имъ: «Живыя силы, потребныя къ рубкѣ дровъ и употребляемыя на мышленіе, т. е. на психофизическія работы, нетолько могутъ быть сравниваемы, но даже и превращаемы одна въ другую, слѣдовательно, обѣ работы могутъ измѣряться со стороны тѣла одною и тою же мѣрою. Какъ потребно извѣстное количество живой силы, чтобъ расколоть сажень дровъ, поднять какую-нибудь тяжесть на извѣстную высоту, точно также нужно извѣстное количество ея, чтобъ какую-нибудь мысль мыслить съ извѣстною интенсивностію...» [1]). Фехнеръ старается дать фактическую основательность своимъ предположеніямъ. Живая сила мозга, употребляется нами на психофизическія и непсихофизическія дѣятельности, то есть, на душевныя и тѣлесныя, совмѣстно только при обыкновенномъ ходѣ жизни, Мы обыкновенно работаемъ умомъ, мыслимъ и при этомъ можемъ работать еще какимъ-нибудь тѣлеснымъ органомъ. Но лишь только увеличивается напряженіе мысли, для тѣлесныхъ дѣятельностей уже не остается никакой свободной силы и они должны прекращаться: фактъ, конечно, несомнѣнный, что сосредоточенное и напряженное мышленіе приводитъ тѣло въ совершенный покой [2]). Точно также, съ другой стороны, сильныя тѣлесныя движенія, напримѣръ, прыжокъ тотчасъ прерываетъ ходъ мышленія. Живая сила, потребная для прыжка, отнимается въ этомъ случаѣ отъ мышле-

---

[1]) Elemente der Psychophysik. 43—44. I Theil.
[2]) Тамъ же I Th. 37—38.

нія, для котораго уже не остается свободной живой силы, и оно должно поэтому прекратиться [1]). Тоже самое замѣчается нами и въ движеніяхъ, управляемыхъ волею. Чтобъ развить полную силу въ одной рукѣ, мы заставляемъ другую покоиться, или, по возможности, приводимъ въ покой всѣ части тѣла, чтобъ можно было напряженно работать головой. Напряженныя чувства, страсти точно также дѣйствуютъ на тѣлесныя дѣятельности, какъ и мышленіе [2]). И между самыми психофизическими дѣятельностями мы замѣчаемъ тоже самое отношеніе. Нельзя въ одно и тоже время быть погруженнымъ во внѣшнее созерцаніе и глубоко мыслить, въ одну и ту же минуту внимательно слушать и смотрѣть. Чтобъ внимательно обсудить что-нибудь, мы должны, по возможности, отвлечься отъ всего посторонняго и сосредоточиться на чемъ-либо одномъ [3]). Ясно, что Фехнеръ уподобляетъ человѣка своего рода машинѣ, въ которой количество живой силы распредѣлено такъ, что когда она идетъ на работу въ одной части, то этимъ самымъ лишаются ея другія части. Онъ могъ поэтому сказать, что живая сила, идущая на рубку дровъ, отнимается отъ мышленія.

Нельзя, конечно, отказать этой мысли въ оригинальности и нѣкоторой основательности, потому что она основана, повидимому, на мѣтко подмѣченныхъ фактахъ. Извѣстно каждому изъ собственнаго опыта, что въ минуту великихъ тѣлесныхъ усилій, напряженной физической работы, намъ не до серьезнаго мышленія, и наоборотъ. Какъ будто въ насъ одинъ запасъ силъ для физическихъ и душевныхъ дѣятельностей; въ какой мѣрѣ мы тратимъ его на одни, въ такой намъ недостаетъ его для другихъ. Однако, нельзя безусловно принять мысль Фехнера. Во-

---

[1]) Тамъ же. I Th. 38.
[2]) Тамъ же. I Th. 39.
[3]) Тамъ же. I Th, 39.

первыхъ, есть факты, говорящіе противъ. Извѣстно, какъ въ нѣкоторыхъ видахъ бѣшенства больные одновременно развиваютъ поразительную мускульную и душевную силу. Это было бы невозможно, еслибъ вѣрна была мысль, что живая сила, идущая на тѣлесныя дѣятельности, отнимается у душевныхъ. Съ другой стороны—фактъ общеизвѣстный, что не всегда физически одаренные организмы способны къ напряженной умственной работѣ; можно сказать, напротивъ, тѣлесная болѣзненность весьма часто соединяется съ величайшими душевными силами, даже чаще, чѣмъ цвѣтущее тѣлесное здоровье. Какимъ образомъ это возможно, если запасъ живой силы въ болѣзненномъ организмѣ всегда бываетъ менѣе, чѣмъ въ весьма здоровомъ? Существуютъ также многія умственныя работы, которыя одновременно требуютъ и великихъ тѣлесныхъ усилій. Очевидно, предположенію Фехнера недостаетъ характера всеобщности: ибо вмѣстѣ съ фактами, говорящими за, существуютъ и такіе, которые говорятъ противъ. Вовторыхъ, факты, приводимые Фехнеромъ въ доказательство своей мысли, вовсе не таковы, чтобъ не допускали другаго толкованія. Несомнѣнно, что прыжокъ необходимо прерываетъ ходъ мысли—но потому ли, что имъ отвлекается на сокращеніе мускуловъ ноги живая сила, потребная для мышленія, или почему-нибудь другому? Извѣстно, какія сильныя ощущенія доставляютъ душѣ всякаго рода напряженныя тѣлесныя усилія. Прыжокъ тоже требуетъ очень большихъ мускульныхъ усилій, и что́ же удивительнаго, если возбужденныя имъ ощущенія прерываютъ ходъ мысли. Замѣтимъ, что эти ощущенія являются вдругъ какъ нѣчто новое среди однообразнаго рода состояній, характеризующихъ сосредоточенное послѣдовательное мышленіе. Такимъ же образомъ можно объяснять вообще всѣ явленія, относящіяся къ роду тѣхъ, какія приведены Фехнеромъ. Можно думать, что мы неспособны одновременно съ развитіемъ тѣлесной дѣятельности развивать и напряженную душевную дѣятельность только потому, что тѣлесныя усилія развиваютъ въ душѣ,

смотря по напряженности ихъ, особый родъ ощущеній, который парализируетъ всякую другую непринужденную душевную дѣятельность. Тогда же, когда эти ощущенія не весьма сильны по своей напряженности, сравнительно съ другими психическими дѣятельностями, то они вовсе не препятствуютъ послѣднимъ. Такимъ образомъ въ обыкновенное время тѣ и другія физическія и душевныя дѣятельности идутъ рядомъ, мало препятствуя одна другой, а въ минуты болѣзни, напримѣръ бѣшенства, или въ минуты напряженнѣйшаго мышленія, душевное напряженіе такъ велико, что величайшія тѣлесныя усилія, или тѣлесныя ощущенія нисколько не нарушаютъ его хода.

Съ другой стороны, необходимо различать случаи, когда вообще нѣтъ въ душѣ извѣстныхъ состояній и когда ихъ нѣтъ только въ сознаніи. Это особенно важно для точнаго уясненія, почему мы, по словамъ Фехнера, не можемъ одновременно слышать и видѣть, мыслить и сильно чувствовать. Фактъ этотъ, приводимый Фехнеромъ, несовсѣмъ, впрочемъ, вѣренъ: можно одновременно весьма напряженно мыслить и весьма напряженно чувствовать качество того, что̀ мы обдумываемъ въ данную минуту. Извѣстно, какъ постоянно почти желаніе и мышленіе, ощущеніе и чувство идутъ рука объ руку, повидимому нисколько не препятствуя другъ другу. Можно сказать поэтому утвердительно, что душа способна одновременно испытывать многія состоянія, если разность въ напряженности этихъ состояній не очень велика. При недостаткѣ послѣдняго условія, она не можетъ, *по крайней-мѣрѣ*, сознавать вдругъ многія свои состоянія. Сознавать—говоримъ мы, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, и неясно сознаваемыя состоянія могутъ тѣмъ не менѣе существовать въ душѣ. Ослѣпленные блескомъ, мы можемъ не слышать довольно сильныхъ звуковъ. При двухъ весьма сильныхъ звукахъ мы не слышимъ слабѣйшаго. Въ обоихъ случаяхъ тѣмъ не менѣе звукъ доходитъ до нашего уха, безъ всякаго сомнѣнія раздражаетъ слуховой нервъ и возбуждаетъ въ душѣ ощущеніе,

только оно но сознается нами, такъ какъ наиболѣе напряженное состояніе совершенно поглощаетъ собой все наше вниманіе. Такимъ же образомъ легко можно объяснить, почему въ минуту напряженнаго мышленія мы глухи къ вопросамъ, почему больные бѣшенствомъ ничего не слышатъ и не видятъ, кромѣ предметовъ своей ярости, почему въ минуту сильнаго гнѣва мы глухи къ голосу разсудка и неспособны трезво-практически обсуждать дѣла и т. д. Искать основаній всего этого въ распредѣленіи живой силы между разными состояніями, кикъ это дѣлаетъ Фехнеръ, кажется, дѣло совершенно лишнее. Мы не можемъ указать ника кого логическаго основанія, почему бы душевныя состоянія, чтобъ быть именно душевными состояніями, нуждались еще въ третьемъ, совершенно постороннемъ условіи? Чего недостаетъ имъ, что́ они должны искать въ живой силѣ и что можетъ имъ дать послѣдняя?

Разсматривая ближе понятіе живой силы, мы не можемъ не замѣтить, что оно не безъ неудобствъ можетъ быть приложено въ психологіи. Конечно, нельзя думать, чтобъ эта живая сила сама по себѣ была какимъ-нибудь существомъ. которое способно быть носителемъ тѣлесныхъ и душевныхъ дѣятельностей: въ такомъ случаѣ, ставилось бы новое звено, необходимости и цѣли котораго невозможно понять. Нельзя также думать, чтобъ она была силой только, свойствомъ и качествомъ безъ существа, котораго свойствомъ, или качествомъ она была бы. Притомъ, какимъ образомъ возможна ея помощь или содѣйствіе для произведенія чисто-душевныхъ состояній? Чѣмъ связываются съ нею послѣднія, и какимъ образомъ она составляетъ необходимое условіе для ихъ существованія? Тѣмъ не менѣе, нѣтъ нужды совершенно отвергать это понятіе. Весьма вѣроятно, что всякое психическое состояніе находитъ себѣ помощь, или противодѣйствіе, получаетъ отчасти направленіе отъ какихъ-нибудь дѣятельностей тѣлесныхъ органовъ, особенно мозга. Конечно, силы организма всегда ограниченны: количество помощи, или противодѣйствія, какое онъ мо-

жетъ развивать вообще и въ данную минуту въ частности, небезгранично. Вотъ это-то количество работы, къ какой способенъ тѣлесный организмъ, и можно назвать живой силой, и къ ней тогда идутъ тѣ самые законы сохраненія силы, о которыхъ мы говорили выше. Но при этомъ мы строго должны удерживать понятіе о самостоятельности и, такъ-сказать, самодовольности душевныхъ состояній. Каково бы ни было участіе живой силы въ душевныхъ процессахъ, ни въ какомъ случаѣ мы не должны думать, чтобъ она привносила съ своей стороны что-нибудь въ самое существо ихъ, чтобъ она какъ, нибудь помогала образованію *душевнаго* ихъ характера. Понятіе живой силы получаетъ для насъ значеніе только какъ вспомогательнаго научнаго средства психологіи.

Если живая сила составляетъ необходимое условіе для тѣлесныхъ и душевныхъ дѣятельностей, и притомъ въ разныя времена неодинаково развивается организмомъ, то должны быть, слѣдовательно, разныя степени ея напряженности. Сверхъ того, живая сила каждаго органа, посредствующаго какъ—нибудь въ произведеніи душевныхъ состояній, должна имѣть границы своего minimum'а и maximum'а, въ которыхъ она способна помогать психическимъ процесамъ; должны быть, значитъ, и законы ея возрастанія соразмѣрно дѣйствію внѣшнихъ возбуждающихъ причинъ. Вообще, отношеніе между чисто-физическими и душевными дѣятельностями должно имѣть свои законы и, слѣдовательно, должно подлежать измѣренію. Въ томъ и состоитъ заслуга Фехнера, что онъ первый открылъ научныя средства измѣренія душевныхъ состояній.

Цѣли, какія ставитъ себѣ Фехнеръ въ своей «Психофизикѣ», весьма обширны и заслуживаютъ полнаго вниманія. Онъ выходитъ изъ того понятія, что душевная жизнь должна подлежать количественнымъ опредѣленіямъ: [1]) «ибо нетолько можно гово-

[1]) Elemente der Psychophysik. I Th. 55.

рить о большей или меньшей силѣ ощущеній, но и о различной силѣ стремленій, большей или меньшей степени вниманія, живости воспоминаемыхъ образовъ и фантазій, ясности сознанія вообще, равно какъ и о напряженности отдѣльныхъ мыслей». Слѣдовательно, должны существовать, вопервыхъ, предѣлы самой большой и самой малой чувствительности, разумѣя подъ нею вообще способность души въ разныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ, весьма различно отзываться на одинаковыя внѣшнія впечатлѣнія [1]); вовторыхъ должны существовать разныя степени самыхъ ощущеній соотвѣтственно величинѣ дѣйствующихъ на душу впечатлѣній. [2]) Но, психическія состоянія вовсе не таковы, чтобъ допускали прямыя измѣренія. Хотя изъ двухъ членовъ функціи: ощущенія и, возбуждающаго его, въ душѣ впечатлѣнія, одинъ извѣстенъ намъ и можетъ быть предметомъ самыхъ точныхъ измѣреній—(внѣшнее впечатлѣніе именно) однако, невозможно въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить, какое количественное измѣненіе потерпѣло ощущеніе вслѣдъ за количественнымъ измѣненіемъ впечатлѣнія. Еслибъ отношеніе между ними было прямое, то можно было бъ съ величайшею точностью слѣдить за соотвѣтственными измѣненіями обоихъ членовъ функціи. Но въ томъ-то и дѣло, что этого нѣтъ, и въ случаѣ, напримѣръ, увеличенія впечатлѣнія вдвое, невозможно сказать, чтобъ и соотвѣтствующее ему ощущеніе увеличилось также вдвое. Поэтому, принципомъ изслѣдованія ощущеній не можетъ быть обыкновенный пріемъ, употребляемый нами при измѣреніи физическихъ предметовъ и силъ. Съ другой стороны, здѣсь встрѣчается и то немаловажное обстоятельство, что душевныя явленія

---

[1]) Весьма важное изслѣдованіе о *принципѣ* измѣренія чувствительности см. VI гл. Elemente der Psychophysik. I Th 45.

[2]) Не менѣе важное изслѣдованіе о началахъ измѣренія ощущенія см. въ VII гл. 54 тамъ же.

могутъ измѣряться только сами собою, по самой ихъ несоизмѣримости съ физическими явленіями. Нельзя, конечно, и думать, чтобъ когда-нибудь возможно стало приложить къ нимъ мѣры длины и вѣса, вообще найдти мѣру, которая одинаково шла бы и къ физическимъ и душевнымъ явленіямъ. Замѣтимъ еще постоянную измѣняемость въ общемъ состояніи души: въ разныя времена однѣ и тѣ же причины неодинаково дѣйствуютъ на душу. Что̀ возбуждало въ ней сегодня самыя сильныя состоянія, то̀ завтра, быть можетъ, не будетъ вовсе ее тревожить. Слѣдовательно, при измѣреніи душевныхъ состояній, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь абсолютномъ измѣреніи ихъ: значитъ, мѣра тутъ возможна только относительная.

Такимъ образомъ, Фехнеръ весьма осмотрительно и послѣдовательно ставитъ для себя слѣдующія задачи въ своихъ изслѣдованіяхъ:

Вопервыхъ — говоритъ онъ — [1]) нужно разобрать методы, какими вообще возможно опредѣлить сравнительное отношеніе между возрастаніемъ ощущеній и возбуждающихъ ихъ впечатлѣній.

Вовторыхъ, нужно показать, въ какой мѣрѣ этими методами оправдывается Веберовъ законъ, и разобрать самый законъ.

Втретьихъ, нужно обратить вниманіе на фактъ предѣла ощущеній и паралельный законъ, который, не слѣдуя непосредственно изъ Веберова закона, находится однакожь въ фактической связи съ нимъ.

Вчетвертыхъ, нужно показать, какимъ образомъ на этихъ основаніяхъ можно основать общую математическую функцію, которая выражала бы отношеніе между величинами ощущенія и впечатлѣнія.

Впятыхъ, дальнѣйшее приложеніе и развитіе этой математической формулы.

---

[1]) Elemente der Psychophysik. I Th. 68—69.

Вшестыхъ, показать, какимъ образомъ возможно измѣреніе даже тамъ, гдѣ уже невозможно приложеніе Веберова закона.

Вседьмыхъ, искать перехода съ найденною мѣрою изъ внѣшней во внутреннюю психофизику.

Мы, конечно, не можемъ заняться разборомъ того, въ какой мѣрѣ удовлетворительно рѣшены всѣ указанныя задачи. Это значило бъ повторить содержаніе цѣлыхъ двухъ томовъ его труда. Мы обратимъ поэтому вниманіе только на рѣшеніе нѣкоторыхъ задачъ, замѣчательныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи своею новостію и оригинальностію.

Итакъ, если могутъ существовать методы измѣренія ощущеній — то вовсе не какія нибудь абсолютныя, а только сравнительныя. Если мы намѣрены измѣрять ощущенія, то и мѣру мы должны искать въ самыхъ же ощущеніяхъ: мы можемъ сравнивать ихъ по напряженности и можемъ слѣдить за возрастаніемъ величины ощущеній. Веберъ, профессоръ физіологіи въ Лейпцигѣ, первый показалъ, особенно на чувствѣ осязанія, что вопервыхъ возрастаніе напряженности ощущенія весьма правильно слѣдуетъ за количественнымъ увеличеніемъ внѣшняго впечатлѣнія; вовторыхъ, что если величина одного впечатлѣнія находится въ такомъ же отношеніи къ величинѣ другаго, какъ величина третьяго — къ четвертому, разность между ощущеніями первой пары впечатлѣній равна разности между ощущеніями второй [1]). Развитіе и полное приложеніе къ нѣкоторымъ душевнымъ явленіямъ этихъ начатковъ Вебера и составляютъ заслугу Фехнера. Отрывочныя наблюденія Вебера онъ обогатилъ и оригинальными методами, основанными на точномъ пониманіи характера душевныхъ явленій. Какимъ образомъ можно слѣдить за возрастаніемъ ощущеній? Мы видѣли уже, что нельзя указывать прямо, въ

[1]) См. его статьи «Ueber den Tastsinn und Gemeingefühl въ Handwörterbuch der Physiologie von R. Wagner.

какой мѣрѣ ощущеніе увеличилось сравнительно съ увеличеніемъ впечатлѣнія. Слѣдовательно, нужно оставить всякую надежду найти методы, которыя могли бы помогать намъ въ указанномъ случаѣ; онѣ невозможны, немыслимы. Но можно слѣдить за сравнительнымъ возрастаніемъ ощущеній: при двухъ данныхъ ощущеніяхъ мы легко можемъ опредѣлить, равны ли они между собою, или одно различно отъ другаго по своей величинѣ. На этомъ началѣ основывается первый его *методъ едва замѣтныхъ различій* [1]). При опытѣ одно впечатлѣніе увеличивается до той степени, пока экспериментируемое лицо не замѣтитъ его различія отъ другаго, бывшаго до увеличенія совершенно равнымъ первому. И такъ-какъ мы съ величайшею точностію можемъ опредѣлить величину раздражающаго впечатлѣнія, то такъ же точно можно опредѣлить и величину той прибавки впечатлѣнія, какая нужна для того, чтобъ соотвѣтствующее ему ощущеніе было различаемо отъ другаго какъ разное, болѣе напряженное. Такимъ образомъ найдено, что для ощущенія разности между двумя тяжестями нужна $^1/_4$ сравнительной разницы между ними; напримѣръ, при 10 лотахъ нужно $12^1/_2$ лотовъ, чтобъ ощутить разность ихъ давленія на кожу, потому что 10 и 11 лотовъ по величинѣ своего давленія кажутся совершенно одинаковыми. Для зрѣнія нужны $^1/_{100}$ разница въ освѣщеніяхъ, чтобъ можно было замѣтить между ними различіе. Но методъ едва замѣтныхъ различій довольно грубъ еще, потому что онъ даетъ намъ выводы только о весьма замѣтномъ различіи, и, ограничившись имъ однимъ, мы ничего не могли бы знать о весьма малыхъ количественныхъ разницахъ въ ощущеніяхъ. Напримѣръ, если мы можемъ различать разности давленія только 10 и $12^1/_2$ лотовъ, то не видно, какимъ законамъ должно слѣдовать возра-

---

[1]) О методѣ едва замѣтныхъ различій см. Elemente der Psychophysik. I Th. 72 и 73.

станіе ощущенія при разницахъ впечатлѣній еще меньшихъ, чѣмъ $^1/_4$, напримѣръ, когда, при 10 лотахъ величины одной тяжести, другая будетъ только $10^1/_2$ или 11. Абсолютно, конечно, ощущеніе отъ 11 лотовъ должно быть больше, чѣмъ отъ 10, хотя мы вовсе неспособны чувствовать это различіе. Въ этой нуждѣ намъ помогаютъ два другихъ метода: методъ правильныхъ и ложныхъ случаевъ и методъ среднихъ ошибокъ. При нихъ берутся два впечатлѣнія, разница которыхъ меньше, чѣмъ какая нужна для того, чтобъ безошибочно дѣлать заключенія къ различію, производимыхъ ими, ощущеній. Поэтому экспериментируемое лицо ошибается, и меньшее по напряженности ощущеніе иногда признаетъ за большее. Найдено однакожъ, что если взять много такихъ случаевъ, то пропорція между вѣрными и ложными сужденіями всегда слѣдуетъ за величиной разности между впечатлѣніями. Чѣмъ больше эта разность, тѣмъ менѣе ложныхъ сужденій, а болѣе вѣрныхъ, и наоборотъ. Смотря потому, какая точность нужна въ изслѣдованіяхъ, и высчитывается потомъ, когда накопилось достаточное количество опытовъ: или средняя величина ошибокъ, особенно при измѣреніи зрѣнія, или пропорція правильныхъ и ложныхъ случаевъ [1]). Эти методы требуютъ множество опытовъ весьма трудныхъ, и хлопотливыхъ. Но за то ими достигается гораздо точнѣйшій результатъ, чѣмъ методомъ едва замѣтныхъ различій, и притомъ въ той области ощущеній, гдѣ послѣдній методъ совершенно безсиленъ.

Посредствомъ указанныхъ методовъ Фехнеръ нашелъ, что между возрастаніемъ ощущеній и, возбуждающихъ ихъ, впечатлѣній существуетъ законное соотношеніе, что впечатлѣніе должно имѣть извѣстнаго рода величину, для разныхъ внѣшнихъ чувствъ раз-

---

[1]) Elemente der Psychophysik. I Th. 74—76. Стоитъ обратить вниманіе на спеціальныя замѣчанія Фехнера о методѣ правильныхъ и ложныхъ случаевъ въ отношеніи опытовъ съ тяжестями 93—94, относительно метода средней ошибки—тамъ же 120—128.

ную, чтобъ оно могло возбуждать какое-нибудь ощущеніе [1]), что точно такимъ же образомъ существуетъ и maximum возра стаnія впечатлѣній, выше котораго они неспособны возбуждать въ душѣ въ прежней пропорціональности ощущенія [2]), что, несмотря на разныя личныя особенности и разныя настроенія соотвѣтственно внѣшнимъ вліяніямъ, возрастанію впечатлѣній внутри упомянутыхъ maximum и minimum соотвѣтствуетъ возрастаніе и самыхъ ощущеній. Фехнеръ нашелъ, что отношеніе это всего лучше выражается отношеніемъ логариѳмовъ къ простымъ числамъ, ими выражаемымъ. Главное основаніе для этого онъ нашелъ въ очевидномъ сходствѣ возрастанія логариѳмовъ и ощущеній сравнительно съ возрастаніемъ простыхъ чиселъ и впечатлѣній. Возрастаніе это вовсе не прямо пропорціонально: ибо логариѳмъ не увеличивается въ такой мѣрѣ, въ какой увеличивается число, имъ выражаемое, точно также, какъ и ощущеніе терпитъ измѣненія далеко не въ той мѣрѣ, въ какой возбуждающее его впечатлѣніе. Можно только указать въ этомъ случаѣ на соотвѣтственную правильность возрастанія тѣхъ и другихъ, хотя прямаго пропорціональнаго отношенія и нѣтъ тутъ [3]). Затѣмъ Фехнеръ предпринялъ вывести разнообразныя математическія формулы для самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, относящихся къ ощущенію [4]), и приложилъ ихъ спеціально къ отдѣльнымъ ощущеніямъ каждаго внѣшняго чувства [5]).

Мы не станемъ входить въ подробный разборъ всего сдѣланнаго въ послѣднемъ отношеніи Фехнеромъ. Важность его заслугъ тутъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что его методы для измѣренія ощущеній

---

[1]) Elemente der Psychophysik. I Th. 238 и слѣд.
[2]) Elemente der Psychophysik. II Th. 564.
[3]) Elemente der Psychophysik. II Th. 1—6.
[4]) Elemente der Psychophysik. 9—237. II Th.
[5]) Elemente der Psychophysik. II Th. 298—376.

составляютъ дѣйствительное пріобрѣтеніе для психологіи: они основаны на точномъ пониманіи качества душевныхъ явленій и вполнѣ достигаютъ тѣхъ цѣлей, для какихъ изобрѣтены; что его логариѳмическій законъ возрастанія ощущеній также составляетъ блистательное открытіе, которое дѣлаетъ доступнымъ математикѣ новую область явленій. Еслибъ мы и хотѣли сдѣлать кое-какія замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ приложеній этого закона Фехнеромъ, то они во всякомъ случаѣ относились бы только къ нѣкоторымъ частностямъ, оставляя нетронутой самую сущность дѣла. Нѣкоторыхъ понятій, устанавливаемыхъ имъ, безъ сомнѣнія, нельзя принимать за окончательныя, выражающія самую сущность дѣла. Таково, напримѣръ, понятіе отрицательныхъ ощущеній [1]. Оно основывается на фактѣ предѣла — minimum (Thatsache der Schwelle), то есть впечатлѣніе должно имѣть извѣстнаго рода величину, чтобъ возбуждать въ душѣ какое-нибудь ощущеніе. Для разныхъ внѣшнихъ чувствъ найдены такого рода предѣлы [2]: напримѣръ, для чувства осязанія на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла найдено, что самая меньшая величина тяжести, способной возбуждать ощущеніе, равняется 0,002 грамма [3]. Какъ же мы должны относиться въ случаѣ, когда на кожу положено только 0,0015 грамма? Отчего нѣтъ замѣтнаго ощущенія? Конечно, и эти 0,0015 грамма производятъ нѣкоторое давленіе на кожу, не на воздухѣ же висятъ они. Фехнеръ думаетъ, что ощущеніе въ этомъ случаѣ все-таки производится, только оно такое малое, что не замѣчается, и назвалъ такія ощущенія отрицательными ощущеніями. Но нельзя думать, чтобъ такія отрицательныя ощущенія дѣйствительно существовали. Въ понятіи ощущенія уже предполагаются понятіе сознанія: ощуще-

---

[1] Elemente der Psychophysik. II Th. 39—46.
[2] Elemente der Psychophysik. I Th. 254—295.
[3] Elemente der Psychophysik. I Th. 264.

нія, которыхъ мы не сознаемъ, уже по тому самому не могутъ быть названы ощущеніями; безсознательныя ощущенія то же, что́ неощущенныя ощущенія, слѣдовательно — ничто. Съ другой стороны, понятіемъ ихъ дается слишкомъ обширное примѣненіе понятію безсознательной жизни души. Едва ли было бы согласно съ истиной допустить въ ней существованіе такой части существа, въ которой происходятъ безчисленные процесы безъ ея вѣдома. Тогда мы должны будемъ допустить, что главная жизнь души состоитъ въ безсознательныхъ состояніяхъ, а сознательныя состоянія будутъ имѣть характеръ своего рода маріонетокъ, то выплывающихъ наружу, то опять изчезающихъ. Кромѣ того вовсе не видно необходимости, почему всякое состояніе души должно достигнуть извѣстной степени напряженности, чтобъ быть сознаннымъ. Какъ скоро душа приходитъ въ какое-нибудь состояніе, она должна уже по тому самому и сознавать его, какъ бы слабо оно ни было. Нельзя же представлять себѣ душу какъ нѣкотораго́ рода систему частей, изъ которыхъ не каждая знаетъ, что́ дѣлается въ другихъ нѣсколько отдаленныхъ пунктахъ. Причинъ, почему довольно слабыя впечатлѣнія не возбуждаютъ въ душѣ ощущеній, можно искать въ слабомъ возбужденіи физическихъ дѣятельностей тѣла. Если, по установленному взаимодѣйствію между тѣломъ и душой, состояніе одного возбуждаетъ извѣстныя состоянія другой, то весьма вѣроятно, что каждое состояніе должно достигать извѣстной степени напряженности, чтобъ быть способнымъ возбуждать въ другомъ существѣ какое-нибудь состояніе. По крайней мѣрѣ, въ отношеніяхъ души къ тѣлу мы видимъ сильныя доказательства упомянутой мысли. Чтобъ дѣлать произвольныя движенія тѣла, мы должны придти въ извѣстное напряженное состояніе. Что не всякое состояніе души способно сокращать мускулы сообразно съ цѣлію, извѣстно каждому изъ насъ по собственному опыту. Кто не испыталъ, какъ въ минуту лѣни желанія бываютъ на столько безсильны, что намъ не хочется встать, или двинуть рукой, несмотря на то, что желаніе

все-таки есть. При усиленіи желанія, является и рѣшимость сдѣлать усилія для предположенной цѣли, мускулы сокращаются. Очевидно, состоянія души въ минуту апатіи такъ слабы, что не дѣйствуютъ на нервы, или дѣйствуютъ такъ мало, что слабое возбужденіе ихъ не оказываетъ никакого вліянія на мускулы. Точно также мы должны представлять себѣ и отношенія тѣла къ душѣ. Нервъ каждаго внѣшняго чувства долженъ быть возбужденъ *до извѣстной степени*, чтобъ за этимъ возбужденіемъ послѣдовало ощущеніе. Если требуемая степень раздраженія есть, ощущеніе необходимо слѣдуетъ, и притомъ сознательное, такъ какъ сознаніе уже предполагается въ каждомъ фактѣ ощущенія. Если же раздраженіе нерва не достигаетъ извѣстной степени, то результатомъ его едвали можно предполагать то же ощущеніе, только безсознательное. Еслибы впечатлѣнія прямо дѣйствовали на мозгъ, можно бы было подумать, что всякое впечатлѣніе, какъ бы оно слабо ни было, должно разрѣшаться ощущеніемъ. Но вѣдь центры ощущеній удалены отъ пунктовъ, гдѣ воспринимаются впечатлѣнія; каждое впечатлѣніе должно привести въ раздраженіе посредствующій нервъ на всемъ его протяженіи. Какъ бы ни значительно было количество силы, способной раздражить его, все-таки необходимо для того *извѣстное* количество ея. Чтó же должно происходить, когда впечатлѣніе сдѣлано, но не въ такой степени, въ какой необходимо для нерва? Въ этомъ случаѣ—или цѣлый нервъ раздражается, но дотого слабо, что душа вовсе не раздражается въ свою очередь, или же раздражается только часть нерва, извѣстное количество его частицъ, но не весь нервъ во всю длину. Нѣчто подобное мы замѣчаемъ на электрическихъ телеграфахъ, когда батарея слишкомъ слабо дѣйствуетъ: электрическій токъ не доходитъ до другаго конца проволоки, такъ какъ сила его меньше силы противодѣйствія частицъ проволоки. Предположеніе это подтверждается и разными патологическими явленіями. Извѣстно, что нѣкоторыя вещества до того притупляютъ дѣятельность нервовъ, что потребно очень

сильное впечатлѣніе, чтобъ произвести въ нихъ слабое ощущеніе. Если при этомъ обыкновенныя впечатлѣнія не производятъ никакихъ ощущеній, то не отъ того же, что они разрѣшаются только безсознательными ощущеніями, а скорѣе оттого, что сила ихъ вовсе недостаточна для раздраженія нерва, и потому не происходитъ никакихъ ощущеній.

Но подобныя замѣчанія касаются только частностей. Въ цѣломъ заслуга Фехнера не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому вообще можно съ нимъ соглашаться, хотя нельзя слѣдовать за нимъ всюду, куда онъ хочетъ распространить свои изслѣдованія. Именно, Фехнеръ думаетъ, что главные результаты, добытые имъ при измѣреніи ощущеній, могутъ быть приложены и ко всей психической жизни [1]. Онъ убѣжденъ, что Веберовъ законъ [2] относительно ощущеній и фактъ предѣла, до котораго должно достигнуть напряженіе каждаго душевнаго состоянія, чтобъ быть сознаннымъ [3], имѣютъ полное приложеніе къ душевной жизни. Что касается до перваго, то вообще самъ Фехнеръ мало приводитъ фактовъ, которые говорили бъ въ пользу его мнѣнія, да и вообще очень трудно доказать это предположеніе. О второмъ должно сказать, что оно едва ли приноситъ ту пользу, какую мы должны были бъ ожидать отъ всякаго научнаго предположенія. Оно передаетъ вещи, извѣстныя каждому психологу, но изъ нихъ ничего практически полезнаго для науки не слѣдуетъ. Сознаніе имѣетъ своего рода узкость, которая не позволяетъ ему сознавать многія и разнообразныя по степени напряженности состоянія души. Гдѣ же заключается причина, почему одно состояніе сознается, другое нѣтъ? Конечно, въ томъ, что одно состояніе болѣе напряженно, чѣмъ другое—имѣетъ болѣе силы отъ собственной напряженности, или оттого, что получаетъ вре-

---

[1] Elemente der Psychophysik. II Th. 377—381.
[2] Elemente der Psychophysik. 428—436. II Th.
[3] Elemente der Psychophysik II Th. 437—439.

менную силу отъ другихъ состояній, съ которыми находится въ связи. Мы можемъ сказать, что такъ по крайней мѣрѣ бываетъ въ душевной жизни большею частію, хотя и не всегда. Въ логическомъ, напримѣръ, мышленіи не всегда сильныя состоянія вытѣсняютъ, повидимому, слабѣйшія. Въ немъ сознаніе какъ будто руководится нѣсколько другими началами. Не говоримъ уже о томъ, какъ спокойный и систематическій ходъ мышленія, или даже одно намѣреніе заняться имъ устраняетъ изъ сознанія самыя сильныя движенія чувства и волненія страсти. Это извѣстно каждому изъ опыта. Между тѣмъ можно ли и сравнивать по напряженности движенія страсти, напримѣръ, съ логическимъ ходомъ представленій о какомъ-нибудь отвлеченномъ вопросѣ? Извѣстно, какъ часто въ этомъ случаѣ вторгаются въ сознаніе непрошенные гости — представленія и понятія, для удаленія которыхъ изъ сознанія требуется сильное напряженіе воли, и какъ часто живое и ясное сознаніе ихъ уступаетъ мѣсто гораздо менѣе живому сознанію какого-нибудь незначительнаго въ логическомъ отношеніи представленія.

Точно также и въ цѣлой жизни души. Въ ней повторяются періодическія состоянія сознанія и безсознательности — бодрствованіе и сонъ. Затѣмъ, во время бодрствованія то мысль, то чувство, то желаніе, то извѣстные ряды мыслей берутъ верхъ надъ другими. Можно поэтому согласиться съ Фехнеромъ, что вообще жизнь души можно изобразить подъ образомъ волнообразной линіи [1]). Можно прилагать этотъ образъ даже къ каждому душевному состоянію: каждое душевное явленіе то является на поверхности сознанія, то изчезаетъ съ него, въ разныя времена имѣетъ разныя степени сознательности и безсознательности. Конечно, подниманіе и опусканіе каждаго состоянія въ сознаніи дѣлается не вдругъ, а постепенно, сообразно съ тѣмъ, какъ сильно

---

[1]) Elemente de Psychophysik. II Th. 452—464.

сильное впечатлѣніе, чтобъ произве[illegible] другими душевными
ніе. Если при этомъ обыкновен[illegible] процессъ этотъ подходитъ
никакихъ ощущеній, то не от[illegible] воды при волненіи, ил
только безсознательными ощ[illegible]о и нисхожденію точекъ въ
ихъ вовсе недостаточна д[illegible] матикѣ доступно опредѣленіе
исходитъ никакихъ ощ[illegible]ленія линіи отъ прямаго направ-

Но подобныя зам[illegible], математическимъ формуламъ дол-
ломъ заслуга Фе[illegible]дѣленіе движенія въ сознаніи каждаго
этому вообще н[illegible]
вать за ним[illegible]оительна теорія, практика не представляетъ
слѣдованія [illegible] возможности осуществить ее. Уже то одно обсто-
добытые [illegible], что мы не можемъ наблюдать состояній души, когда
и ко[illegible]ятся безсознательными, лишаетъ насъ права говорить
зак[illegible]тельномъ нисхожденіи и восхожденіи, а тѣмъ болѣе
[illegible] этотъ процессъ какимъ-нибудь математическимъ ис-
[illegible]ніемъ. Съ другой стороны, весьма трудно, если вообще не невозможно, наблюдать поднятіе и опусканіе душевныхъ состояній въ сознаніи. Извѣстно, какъ мало, и еще менѣе удачно, мы можемъ наблюдать за душевными состояніями, когда останавливаемъ на нихъ свое вниманіе съ цѣлію наблюденія. Въ этомъ случаѣ мы начинаемъ сами стѣсняться самихъ же себя, и наблюдаемое состояніе дѣлается вялымъ, во всякомъ случаѣ, неестественнымъ, если только совсѣмъ не исчезаетъ изъ сознанія. Чтоже, спрашивается, пользы отъ Фехнеровскаго предположенія о волнообразномъ движеніи состояній въ душѣ? Какихъ размѣровъ должна быть каждая волна въ каждой личности? Какъ велика она у каждаго душевнаго состоянія вообще и въ частности въ каждомъ данномъ случаѣ? Какія причины имѣютъ вліяніе на увеличеніе, или уменьшеніе искривленія линіи? Если приблизительное, хотя практически безполезное, опредѣленіе можно еще сдѣлать для усиленія и ослабленія внѣшняго ощущенія, то какія же въ указанномъ случаѣ имѣемъ мы извѣстныя величины, по которымъ должно опредѣлять неизвѣстныя? Ихъ не оказывается въ опытѣ,

вся теорія не имѣетъ практическаго при-

чера находится въ связи съ другимъ
возможно переносить на всю психи-
чные имъ при наблюденіи надъ пси-
..., что и душевныя и физическія явле-
..одны, или лучше тожественны. «Что ка-
.утренней точки зрѣнія духомъ, такъ какъ мы
самое съ внѣшней кажется тѣлесной оболочкой его [1]).
образомъ наука объ отношеніяхъ между тѣломъ и ду-
..ъ имѣетъ цѣлію прослѣдить отношенія обоихъ видовъ явленія одного и того же существа [2]). Душевныя явленія отличаются отъ тѣлесныхъ только тѣмъ, что они гораздо проще послѣднихъ; что на внѣшней точкѣ зрѣнія кажется намъ чрезвычайно сложнымъ, тò самое на внутренней—простымъ. Психически простое связывается съ физически сложнымъ и разнообразнымъ, физически-разнообразное переходитъ въ психически-простое, или простѣйшее. Говоря иначе, психически-простое составляетъ результатъ физическаго разнообразія» [3]). Душевныя явленія утрачиваютъ такимъ образомъ свою самостоятельность въ глазахъ Фехнера. Въ концѣ концовъ онъ весьма послѣдовательно называетъ душу «связывающимъ началомъ тѣлесной системы, тѣлесныхъ перемѣнъ и смѣны дѣятельностей тѣла [4]). Ту же самую мысль выражаетъ Фехнеръ и въ другомъ своемъ сочиненіи [5]): подъ душой—говоритъ онъ — я разумѣю существо, являющееся только себѣ самому, только для себя самого ясное, для всякаго

---

[1]) Elemente der Psychophysik. I Th. 4.
[2]) Elemente der Psychophysik. I Th. 6.
[3]) Elemente der Psychophysik. II Th. 526.
[4]) Elemente der Psychophysik. II. Th 388.
[5]) Ueber die Seelenfrage. Ein Gang durch die sichtbare Welt, um die unsichtbare zu finden, von G. T. Fechner. Leipzig. 1861. 9.

другаго глаза темнее....; «подъ тѣломъ, напротивъ—вещественную систему, замѣтную для насъ во внѣшнемъ явленіи.»

Во всѣхъ указанныхъ мнѣніяхъ Фехнера мы должны различать два предположенія, наиболѣе интересныя для насъ. *Первое*, что душа и тѣло составляютъ различныя стороны явленія, а въ сущности составляютъ одно и то же существо. *Второе*, что душа есть простой результатъ тѣлеснаго разнообразія, объединяющій разнообразныя дѣятельности тѣла. Какъ ни далекъ, повидимому, Фехнеръ отъ единомыслія съ матеріалистами, нельзя не согласиться, однакожь, что указанныя положенія сближаютъ его съ ними. И матеріалисты такъ же, какъ и Фехнеръ, отвергаютъ самостоятельность души, какъ особаго существа, и склонны считать ее за какой-нибудь результатъ тѣла. Поэтому, что было сказано нами противъ матеріалистовъ — можетъ быть приложено и въ отношеніи къ Фехнеру. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобъ качественная разница между тѣлесными и душевными явленіями основывалась только на томъ, что лицо, наблюдающее ихъ, смотритъ на эти явленія съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ извѣстномъ смыслѣ, всякая внѣшняя точка зрѣнія есть въ то же время и внутренняя. Всякій внѣшній, наблюдаемый нами, предметъ необходимо долженъ подѣйствовать на наши внѣшнія чувства, возбудить представленія и понятія въ насъ; ничего чисто внѣшняго не привносится въ нашу душу, и ни о чемъ внѣшнемъ душа не имѣетъ никакихъ понятій. Имѣя дѣло, повидимому, съ внѣшнимъ предметомъ, мы имѣемъ дѣло въ сущности съ тѣми состояніями, какія возбудилъ онъ во внутренней сторонѣ души. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло только съ внутреннею точкой зрѣнія, и внѣшній предметъ разсматривается нами съ той стороны его сущности, которая возбудила въ душѣ извѣстныя движенія и состоянія. Точно такимъ же образомъ мы замѣчаемъ и изучаемъ внутреннія собственныя состоянія. Мы сознаемъ ихъ въ нашемъ самовоззрѣніи. Но и для того, чтобъ мы обратили на нихъ внима-

ніе, чтобъ онѣ сдѣлались предметомъ нашихъ наблюденій, чтобъ возбудились въ насъ понятія о нихъ и т. д., необходимо, чтобъ и онѣ въ свою очередь подѣйствовали на душу, на подобіе того, какъ внѣшніе предметы дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства. Едва-ли возможно сомнѣваться въ томъ, что *для души* существуетъ только то, что на нее дѣйствуетъ: все, что на нее не оказываетъ никакого вліянія, для нея ничто, не существуетъ. Эта мысль понятна каждому въ отношеніи внѣшнихъ предметовъ. Но несомнѣнно и то, что она совершенно справедлива и въ отношеніи внутреннихъ состояній. Значитъ, нѣтъ нужды различать слишкомъ строго внѣшнюю и внутреннюю точку зрѣнія; въ сущности, у насъ можетъ быть только одна точка зрѣнія — внутренняя. Еслибы тѣлесныя и душевныя дѣятельности по существу своему были тожественны, то онѣ и являлись бы наблюдателю совершенно тожественными: ибо условія явленія, какъ мы только что сказали, совершенно одни и тѣ же для обѣихъ дѣятельностей. Съ другой стороны, въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же наблюдатель. Отчего же, спрашивается, они являются намъ качественно разными, несоизмѣримыми одна съ другою?— Притомъ, всякое явленіе предполагаетъ лицо, которому что-нибудь является. Кому же являются душевныя и тѣлесныя состоянія въ качествѣ разныхъ дѣятельностей? Кто стоитъ на разныхъ — внутренней и внѣшней точкѣ зрѣнія? Кто этотъ наблюдатель, передъ которымъ разыгрывается вся исторія? Очевидно, лицо, одаренное логическими способностями, или опять душа. Слѣдовательно, вопросъ остается все въ одинаковомъ положеніи, ибо во всякомъ случаѣ предполагается бытіе отдѣльнаго психическаго существа, самостоятельнаго и отличнаго отъ того, что̀ ему является. Различіе здѣсь только то, что при этомъ вводится новое звено въ рядъ взаимодѣйствій, лишнее при обыкновенномъ дуалистическомъ предположеніи, а обыкновенныя душевныя дѣятельности низводятся въ сомнительный разрядъ кажущихся явленій.

Что касается до втораго предположенія, то и съ нимъ нельзя согласиться. По мнѣнію Фехнера, душевныя дѣятельности составляютъ простой результатъ тѣлесныхъ, все равно какъ простое движеніе по діагонали есть результатъ сложныхъ движеній съ двухъ сторонъ. Мы упоминали уже объ этомъ примѣрѣ въ главѣ «Матеріалистическая психологія». Причина, почему онъ негодится въ отношеніи къ дѣятельностямъ души—заключается въ томъ, что, вопервыхъ, онѣ вовсе не какія-нибудь физическія движенія и едва-ли имѣютъ съ ними что-нибудь общее; вовторыхъ, и этотъ примѣръ все-таки предполагаетъ существо, или вещество, на которое дѣйствовали бы съ двухъ разныхъ точекъ физическія силы, необходимо тѣло, которое могло бы двигаться по діагонали. Можно поставить это требованіе и въ отношеніи понятія о душѣ, какъ простомъ результатѣ тѣла. Какой бы ни былъ возможенъ результатъ изъ дѣятельностей тѣла, онъ долженъ выражаться въ дѣятельности непремѣнно *кого-либо*. Если этотъ *кто-либо* опять самое тѣло, то мы опять получимъ въ результатѣ тѣлесную дѣятельность, какъ слѣдствіе и продолженіе предшествовавшихъ дѣятельностей. Новаго, слѣдовательно, у насъ ничего не получится. Не это, конечно, имѣетъ въ виду Фехнеръ. Если же это *кто* — новое существо, то опять приходимъ къ понятію особаго, отличнаго отъ тѣла, но пребывающаго въ немъ существа: все равно, будемъ ли мы называть его душою, или какъ-нибудь иначе, въ сущности, дѣло оттого не измѣнится. Нѣтъ ничего понятнѣе той простой мысли, что одинъ результатъ самъ по себѣ существовать не можетъ и что онъ, *во всякомъ случаѣ*, предполагаетъ существо, носящее въ себѣ этотъ результатъ, или выражающее его въ своей дѣятельности. Притомъ, какъ возможны результаты, совершенно инородные, качественно различные отъ причинъ, ихъ производящихъ? Если простое движеніе бываетъ иногда результатомъ сложныхъ движеній, то это еще понятно, потому что въ этомъ случаѣ движеніе раждаетъ движеніе же. Но какимъ образомъ дви-

женія жидкостей въ тѣлѣ должны разрѣшаться простыми состояніями ощущеній, стремленій, чувствъ—это совершенно непонятно. И положимъ, въ тѣлѣ предполагался какой ни-будь органъ, который совершалъ бы это чудесное преобразованіе физическихъ дѣятельностей въ простыя душевныя. Такъ нѣтъ, они безъ труда получаются, какъ простой результатъ физической сложности и разнообразія. Затѣмъ, при объясненіи дальнѣйшаго развитія души, трудности еще болѣе возрастаютъ. Пожалуй, можно согласиться, что простыя ощущенія, стремленія, и чувства какимъ-то образомъ составляютъ результатъ дѣятельностей тѣла. Но какимъ образомъ эти результаты становятся производящими причинами новыхъ, несравненно сложнѣйшихъ и обширнѣйшихъ явленій, каковы, напримѣръ, логическое систематическое мышленіе, высшія эстетическія и нравственныя чувства и т. д? Ибо въ жизни души то, что̀ развивается вслѣдъ за простыми состояніями, составляетъ гораздо большее и важнѣйшее ея достояніе, чѣмъ эти простыя состоянія. Какимъ же образомъ простые результаты снова начинаютъ свое перерожденіе въ самыя разнообразныя дѣятельности, какъ бы забывъ свое происхожденіе? Какимъ образомъ простой результатъ можетъ стать причиной тысячи другихъ, болѣе сложныхъ и важнѣйшихъ результатовъ, чѣмъ онъ и самыя, производящія его, дѣятельности?

Очевидно, нельзя слѣдовать за Фехнеромъ въ указанныхъ нами случаяхъ. Оставляя путь наблюденія, онъ вдается въ умозрѣнія, которыя и не имѣютъ характера основательности и сближаютъ его съ направленіемъ, съ которымъ у него не должно быть ничего общаго. Но онъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія тамъ, гдѣ его открытія обогатили и расширили психологическую науку. Для вопроса объ ощущеніяхъ и объ отношеніи души къ тѣлу его работы неоцѣнимы. Можно открывать новые методы, устанавливать новые взгляды на вопросы объ ощущеніяхъ, но никто изъ будущихъ серьёзныхъ психологовъ въ ученіи объ ощущеніи не можетъ обойти работъ Фехнера. Точно так-

же и физіологъ не можетъ не быть благодарнымъ ему, ибо въ работахъ его естественнымъ образомъ заканчивается учение о физическихъ и физіологическихъ условіяхъ ощущеній. Благодаря Фехнеру, ученіе объ ощущеніи въ настоящее время, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ внѣшнихъ чувствъ, становится совершенно точной и почти законченной главой.

Въ примѣрѣ Фехнера мы видимъ, что̀ можетъ сдѣлать для психологической науки здравое, естественно-научное направленіе. Его работы оттого, конечно, и плодотворны такъ для нея, что онѣ предприняты и выведены были безъ всякихъ ученыхъ предразсудковъ, съ пониманіемъ качественной стороны ощущеній. И его едва-ли нельзя считать первымъ представителемъ того плодотворнаго вліянія, какое оказываютъ на психологію современныя естественныя науки.

ГЛАВА IV.

ПСИХОЛОГІЯ БЕНЕКЕ.

Значеніе психологіи.—Ея методъ.—Понятіе о душѣ.—Первичныя силы.—Процесы и количественныя отношенія.—Логическая жизнь. — Внутреннее чувство.—Педагогическое значеніе.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ естественнонаучными направленіями психологіи. Мы видѣли, какъ физика и физіологія обнаруживаютъ глубокое вліяніе на психологію и въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей усиливаются прилагать, по возможности, свои понятія и пріемы къ прислѣдованію душевной жизни. Мы видѣли также, къ какимъ несообразностямъ и къ какимъ плодотворнымъ результатамъ для науки привело это стремленіе. Вліяніе естественныхъ наукъ на психологію плодотворно только тогда, когда оно не закрываетъ изслѣдователю глазъ на особенное свойство и качество душевныхъ явленій. Теперь мы переходимъ къ разряду направленій, или вовсе не стоящихъ въ

связи съ естественными науками, или находящихся въ болѣе мнимой связи, чѣмъ въ дѣйствительной.

Самымъ близкимъ къ естественнонаучнымъ направленіямъ можно считать направленіе Бенекіанской психологіи. Въ ея цѣляхъ, пріемахъ и методѣ мы болѣе, чѣмъ въ другихъ, такъ-называемыхъ, идеалистическихъ направленіяхъ видимъ вліяніе естественныхъ наукъ. Какъ физіологи склонны думать, что всякое впечатлѣніе извнѣ вносится внутрь человѣка и воспринимается имъ, какъ нѣчто готовое, такъ и Бенеке полагаетъ, что душа есть своего рода tabula rasa, на которой отпечатлѣвается внѣшній міръ. Какъ натуралисты склонны выводить всякія качества изъ сложенія и сочетанія какихъ-нибудь простыхъ качествъ въ веществахъ, такъ и Бенеке думаетъ, что качества развитой души составляютъ плодъ сочетаній и соединеній весьма простыхъ, первичныхъ качествъ души. Не говоримъ уже о томъ, что методъ естественныхъ наукъ—наведеніе онъ признаетъ главнымъ и исключительнымъ методомъ психологіи. Главное отличіе Бенекіанской психологіи отъ натуралистическихъ направленій заключается въ томъ значеніи, какое даетъ Бенеке внутреннему самонаблюденію. Оно составляетъ, по его мнѣнію, главный источникъ, откуда наука о душѣ заимствуетъ свои свѣдѣнія. Въ философскомъ отношеніи, школа Бенеке можетъ быть отнесена къ разряду сенсуалистическихъ: ибо она, какъ и послѣднія, всѣ дѣятельности души выводитъ изъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ: nihil est in intellectu, quod non fuerat in sensu—общее ихъ теоретическое знамя.

Психологія, по мнѣнію Бенеке, есть основаніе всѣхъ философскихъ наукъ: «Психологія—говоритъ онъ [1])—есть основная

[1]) Die neue Psychologie. Erläuternde Aufsatze zur 2-ten Auflage meines Lehrbuches der Psychologie, als Naturwissenschaft von D-r Ed. Beneke. 1845. 92.

наука для логики, поэзии, философіи права, философіи религіи и проч.». Основаніе для такого мнѣнія заключается въ томъ, что понятія всѣхъ этихъ наукъ образуются въ душѣ, составляютъ психологическія образованія и, слѣдовательно, могутъ быть глубже поняты только по законамъ психическаго развитія. Каждое понятіе—нравственное ли, или религіозное, есть психическій фактъ, долженъ имѣть поэтому извѣстную психическую форму, и такъ какъ нѣтъ прирожденныхъ понятій, то и какое-нибудь психическое происхожденіе [1]). Нѣтъ нужды доказывать всеобщее значеніе извѣстнаго понятія; стоитъ только указать на историческую необходимость его происхожденія. Нужно прослѣживать, по мнѣнію Бенеке [2]), происхожденіе всякаго понятія изъ первичныхъ силъ души и стараться выдѣлять при этомъ всякій личный наростъ. Если намъ удалось это, то уже всякому затѣмъ ясно будетъ, почему извѣстное понятіе имѣетъ необходимое всеобщее значеніе. Это убѣжденіе связывается съ тѣмъ взглядомъ на философскія науки, какой имѣетъ на нихъ Бенеке. По его мнѣнію, всѣ, указанныя нами выше, науки имѣютъ дѣло съ всеобщечеловѣческими нормами понятій, разными для различныхъ наукъ. Слѣдовательно, для нихъ необходимо знаніе процессовъ образованія и формъ организаціи всякихъ психическихъ произведеній. Бенеке идетъ гораздо далѣе, и говоритъ, что даже естественныя науки [3]) могутъ многимъ позаимствоваться отъ психологіи. Только посредствомъ психологіи мы пріобрѣтаемъ знаніе существенныхъ формъ бытія и происхожденія и законовъ, управляющихъ ими [4]). Въ этомъ отношеніи психологія имѣетъ

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie. 3-te Auflage. 1861. § 17—19. Сравн. тамъ же Vorrede zur zweiten Auflage; System der Metaphysik, 23.

[2]) Psychologische Skizzen. Herausgegeb. von Beneke. 1828, 96.

[3]) Lehrbuch der Psychologie. § 298, 214. Сравн. тамъ же § 17, 12.

[4]) Psychologische Skizzen. 587, 588.

неоспоримое, по мнѣнію его, преимущество предъ всѣми естественными науками.

Нельзя сомнѣваться, что такое пониманіе психологіи не можетъ быть плодотворно для философскихъ наукъ. Конечно, вѣрно, что содержаніе всякой философской науки, всякое понятіе, всякая теорія составляютъ душевное образованіе и, слѣдовательно, подлежатъ психологическимъ законамъ. Но если всю философію обратить въ психологію, что станется съ послѣднею? Она должна будетъ изнемочь подъ бременемъ, непрямо относящихся къ ней, задачъ. Едва-ли когда-нибудь она будетъ въ состояніи дать намъ полные и подробнѣйшіе разсказы о томъ, какъ образовывалось и составлялось каждое философское понятіе и какимъ образомъ оно вступило въ извѣстную связь съ другими. Вспомнимъ, что понятія не составляются и не вступаютъ въ связь независимо отъ лицъ, которымъ принадлежатъ они. Трудно сказать, *какъ велико* было личное участіе въ произведеніи извѣстныхъ понятій, но легко понять, что оно весьма значительно. Поэтому напрасно Бенеке говоритъ, что нужно выдѣлять личный элементъ въ философскихъ понятіяхъ, и что легко найти общечеловѣческія нормы ихъ [1]). Всякая исторія понятія, предпринятая психологіей, не будетъ выполнять вполнѣ своей задачи, а слѣдовательно, такая психологія будетъ ставить себѣ цѣли, которыхъ не можетъ когда-либо достигнуть. Притомъ, она должна будетъ всѣ понятія, ложныя и вѣрныя одинаково разсматривать какъ психологическія образованія. Того ли мы ищемъ въ философскихъ наукахъ? Мы ищемъ, напротивъ, однихъ только вѣрныхъ понятій, а съ точки зрѣнія Бенеке они будутъ разсказывать намъ только психологическую исторію образованія всякаго рода понятій. Процесъ образованія одинаковъ для всякаго рода—и вѣрныхъ и ложныхъ—понятій. Судя по нему, мы не могли

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie. 214, § 298.

бы различать разныхъ степеней достоинства и вѣрности ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ признакамъ мы признаемъ вѣрность понятій? Или потому, что они соотвѣтствуютъ фактамъ, или потому, что они находятся въ связи съ другими понятіями, подтверждаемыми фактами, или, наконецъ, потому, что они имѣютъ внутреннюю логическую необходимость существованія. Но съ психологической точки зрѣнія ни одна философская наука не моглабъ входить въ критику понятій и въ разборъ ихъ достовѣрности. Тогда бы невозможно было какое-нибудь дальнѣйшее ихъ движеніе. Все дѣло ограничивалось бы только разсужденіями о томъ, какъ образовались данныя понятія; всякій дальнѣйшій трудъ надъ ихъ разработкою былъ бы въ такомъ случаѣ излишенъ.

Если Бенеке ставитъ такія громадныя цѣли для психологіи, если вся философія должна превратиться въ прикладную психологію, то долженъ же быть у нея и такой совершенный методъ, который могъ бы давать вѣрныя и точныя изслѣдованія. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ не описывается у него какого-либо новаго метода. «Здѣсь дѣло идетъ главнымъ образомъ—говоритъ онъ [1]) — о способахъ основанія и обработки: основаніе должно быть на вѣрныхъ опытахъ, а обработка ихъ должна совершаться посредствомъ индукціи, предположеній и другихъ формъ, которыми, безспорно, блистательно воспользовалась наука, изслѣдующая матеріальный міръ.» Методъ внутренняго опыта, какъ извѣстно, съ весьма давняго времени рекомендуется, какъ главный методъ психологіи; наведенія и предположенія—также не совсѣмъ безъизвѣстныя научныя средства для психологіи. Занимаясь психологіей Вундта, мы видѣли, каково значеніе указанныхъ научныхъ средствъ. Внутренній опытъ, конечно, неизбѣженъ для психолога. Но помимо другихъ соображеній, которыя представятся при изложеніи психологической теоріи Гербарта, можно

---

[1]) Die neue Psychologie. 1845, 6.

теперь же замѣтить, что̀ можетъ сдѣлать для психологіи внутренній опытъ. Онъ даетъ намъ знать о тѣхъ или другихъ душевныхъ состояніяхъ, о случайной связи между ними—и ничего болѣе. Онъ ничего не говоритъ намъ о причинной связи между душевными явленіями, о значеніи ихъ, что́ главнымъ образомъ и должно составлять предметъ и цѣль психологіи. Въ главѣ о Вундтѣ мы достаточно говорили о значеніи наведенія. Сущность замѣчаній, высказанныхъ тамъ, можно коротко выразить въ слѣдующемъ: наведенія, какъ одного общаго метода для всѣхъ естественныхъ наукъ, не существуетъ: имъ обозначается только общій характеръ множества методовъ, употребляемыхъ въ этихъ наукахъ. Въ каждой наукѣ употребляются свои особенные методы, сообразные съ предметами каждой, и для успѣшныхъ изслѣдованій употребляется даже въ каждомъ данномъ случаѣ особый, къ тому приспособленный, методъ. Въ этомъ собственно и состоитъ плодотворность тѣхъ открытій, какія Баконъ сдѣлалъ въ области методики. Слѣдовательно, если Бенеке говоритъ о наведеніи, какъ научномъ средствѣ психологіи, то, въ сущности, у насъ не получается при этомъ яснаго и опредѣленнаго представленія того́ метода, какому должна слѣдовать психологія. Что касается до предположеній (ипотезъ), какъ одного изъ научныхъ средствъ ея, то они, конечно, вещь весьма важная и даже необходимая въ ней. Но что же станется съ наукой, если она главнымъ образомъ будетъ состоять изъ предположеній? Можетъ ли она замѣнить намъ всю философію?

Какъ опасно вообще давать слишкомъ широкій просторъ предположеніямъ, это доказываетъ вся психологія Бенеке. Она вышла у него дѣйствительно своеобразная, но сообразная ли съ сущностію фактовъ — это еще вопросъ. Начнемъ съ понятія о душѣ. Что́ такое душа, по Бенеке? «Сравненіе и анализъ наблюденій привели меня къ заключеніямъ—говоритъ онъ—[1]) что

---

[1]) Die neue Psychologie. 1845, 118.

душа... имѣетъ *многія* первичныя опредѣленія: *качественныя*, такъ какъ эти опредѣленія относятся къ различнымъ основнымъ системамъ, и трoякія *количественныя*, такъ какъ качества ея имѣютъ опредѣленныя степени воспріимчивости, крѣпости и живости.» Такимъ образомъ, душа теряетъ свой основной характеръ, въ которомъ не отказывала ей ни одна психологія новыхъ временъ до Бенеке, именно характеръ простоты. Если прежде простота души предполагалась, какъ нѣчто дотого несомнѣнное, что въ борьбѣ съ матеріалистами психологія указывала на нее, какъ на фактъ, не требующій дальнѣйшихъ доказательствъ, то у Бенеке она отнесена къ числу самыхъ ложныхъ и невѣрныхъ признаковъ души. По его мнѣнію, «ничего нѣтъ невѣрнѣе того положенія, что душа проста. Совершенно напротивъ, между извѣстными намъ существами въ природѣ нѣтъ ни одного, которое по множеству своихъ составныхъ частей могло бы даже отдаленнымъ образомъ быть сравнено съ человѣческою душою [1]). Поэтому, онъ не находитъ ничего страннаго утверждать, что развитая человѣческая душа состоитъ изъ милліоновъ внутреннихъ силъ, которыя коренятся въ разнообразныхъ психическихъ соединеніяхъ [2]); къ сожалѣнію, Бенеке не даетъ намъ полнѣйшихъ опредѣленій того, какъ мы должны представлять себѣ сложную душу. Гдѣ, собственно, заключается связь, которая не позволяетъ душѣ распадаться на составныя части? Чѣмъ сдерживается этотъ громаднѣйшій душевный механизмъ, въ которомъ дѣйствуютъ, по его словамъ, милліоны силъ? Какимъ образомъ возможно сознаніе, при отсутствіи простаго центра? Какимъ образомъ возможно существованіе милліоновъ силъ и качествъ безъ одного простаго существа, котораго они были бы силами и качествами? Все это—вопросы, на которые тщетно ищемъ мы отвѣтовъ у Бенеке.

---

[1]) Die neue Psychologie von Beneke. 1845, 44.

[2]) Тамъ же. 33.

Всѣ эти милліоны душевныхъ силъ — слѣдствіе развитія и вліянія на душу внѣшняго міра. Въ ней нѣтъ какихъ-нибудь прирожденныхъ силъ, съ которыми она могла бы вступать въ міръ. Съ особенною страстностію Бенеке высказывается противъ прирожденныхъ понятій и способностей, которыя предполагались въ душѣ лейбницевскою и Кантовскою психологіей. Главное отличіе своей психологіи и главную заслугу ея онъ въ томъ и поставляетъ, что она не допускаетъ въ душѣ ничего прирожденнаго. «Нужно изслѣдовать, не произошли ли эти формы (разсудокъ, воля) вообще гораздо позже, а первоначально совсѣмъ не существовали, даже какъ способности, или силы [1]). Такимъ образомъ, онъ отрицаетъ существованіе въ душѣ прирожденной способности познанія, или, какъ обыкновенно говорятъ, разсудка. «Прежде образованія понятій — у человѣка нѣтъ разсудка, даже въ формѣ, такъ называемой, дремлющей силы» [2]). Нѣтъ также никакой прирожденной воли. Свойственная волѣ форма ни въ какомъ видѣ не существуетъ въ душѣ въ первое время. Она должна образоваться впослѣдствіи, при помощи длиннаго ряда процесовъ [3]) Такимъ образомъ душа есть нѣкотораго рода tabula rasa. Тѣ формы, которыя существуютъ въ развитой душѣ, ни въ какомъ видѣ не präformirt съ ней, а только prädeterminirt [4]). Какимъ образомъ въ душѣ могутъ быть предопредѣлены какія-нибудь формы, если эти формы не находятся въ ней при ея рожденіи, даже въ зародышѣ—этого Бенеке не объясняетъ.

Но душа же должна имѣть какія-нибудь силы, чтобы быть способной къ развитію. Существо безъ всякихъ силъ немыслимо. По необходимости допустить какія-нибудь силы въ душѣ, онъ

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie von E. Beneke. 3-te Auflage: 1861, 6 § 10. Сравн. Die neue Psychologie. 189—210.

[2]) Die neue Psychologie. 36.

[3]) Тамъ же. 209.

[4]) Lehrbuch der Psychologie von Beneke. 6 § 10. Anmerk.

изобрѣлъ своеобразныя первичныя силы — Urvermögen, которыя можно назвать силами вообще, потому что въ нихъ нѣтъ ни одного опредѣленнаго признака. Понятно, что понятіемъ о такихъ силахъ души вовсе не уничтожается представленіе о ней, какъ tabula rasa. До встрѣчи съ внѣшнимъ міромъ—такая душа должна быть именно стертой доской, на которой можно писать что угодно. Это подтверждается ближайшимъ опредѣленіемъ этихъ силъ, какое даетъ имъ Бенеке. Онъ называетъ ихъ безпредметными стремленіями, которыя стремятся къ какому-нибудь занятію [1]).

Какимъ образомъ такъ скудно одаренная душа можетъ произвести этотъ громадный міръ явленій, который мы называемъ душевнымъ? По мнѣнію Бенеке, это дѣло дѣлается очень просто. Онъ различаетъ четыре основныхъ процеса, которыми совершается развитіе душевной жизни.

Во-первыхъ, вслѣдствіе впечатлѣній, приходящихъ извнѣ, образуются въ душѣ чувственныя ощущенія и воспріятія [2]) Болѣе точнымъ образомъ Бенеке не обозначаетъ, какимъ образомъ приходящія отвнѣ впечатлѣнія образуютъ въ душѣ ощущенія. Какъ будто само собою понятно, что впечатлѣнія отвнѣ возбуждаютъ въ насъ ощущенія. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ Бенеке не упоминаетъ о тѣхъ процесахъ, при посредствѣ которыхъ совершается въ насъ ощущеніе. Между тѣмъ вопросы навязываются сами собою. Что такое эти впечатлѣнія и въ какомъ отношеніи они находятся къ вещамъ, отъ которыхъ исходятъ? Въ «Новой Психологіи» онъ хвалится тѣмъ, что его психологія имѣетъ дѣйствительный реалистическій характеръ, ибо хотя въ ощущенія и не переходятъ вещи, какъ онѣ есть сами въ себѣ, однако все

---

[1]) Die neue Psychologie von Beneke. 213. Сравн. Lehrbuch der Psychologie. 19 § 25.

[2]) Lehrbruch der Psychologie. 16 § 22.

таки *нѣчто* переходитъ отъ нихъ [1]). Но что же это *нѣчто* отъ внѣшнихъ вещей? Можно ли его назвать какою-нибудь частью вещей, или ихъ образомъ, или чѣмъ другимъ? Какой родъ существованія имѣютъ онѣ въ минуту отдѣленія отъ вещей? На это нѣтъ у Бенеке отвѣтовъ. Затѣмъ, какимъ образомъ онѣ напечатлѣваются въ душѣ: такъ, какъ печать отпечатлѣвается на воскѣ, или какъ газы проникаютъ въ пористыя тѣла, или другимъ какимъ образомъ? Отъ понятія простаго отпечатлѣванія Бенеке, впрочемъ, отказывается. Онъ говоритъ, что посредствомъ впечатлѣній душа получаетъ питаніе, и, какъ случается при всякомъ питаніи, воспринятыя вещества теряютъ свои качества, и принимаютъ свойства и природу того, кого питаютъ [2]). Но и это понятіе въ сущности противорѣчитъ цѣли Бенеке. Спрашивается, какимъ образомъ душа можетъ перерàботывать и приспособлять къ своей природѣ инородныя впечатлѣнія? Какимъ образомъ возможенъ этотъ процесъ, когда она сама не имѣетъ никакихъ своеобразныхъ качествъ: ибо Urvermogen суть только силы вообще. Къ чему они станутъ уподоблять впечатлѣнія, когда въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, чему можно было бы уподоблять? Тѣмъ не менѣе Бенеке говоритъ, что впечатлѣнія послѣ усвоенія душою становятся психическими элементами [3]).

Во-вторыхъ, у души постоянно образуются новыя первичныя силы [4]). Этотъ процесъ становится необходимымъ при тѣхъ понятіяхъ объ ощущеніи, какія имѣетъ о нихъ Бенеке. Если первичныя силы постоянно заняты воспринятіемъ впечатлѣній, если онѣ такъ-сказать тратятся на то, чтобъ, посредствомъ соединенія ихъ съ впечатлѣніями, образовывались ощущенія, то запасъ ихъ долженъ постоянно истощаться. Если допустить ихъ

---

[1]) Die neue Psychologie. 95.
[2]) Тамъ же. 96.
[3]) Lehruch der Psychologie. 18 § 24.
[4]) Lehrbuch der Psychologie. 18 § 23.

опредѣленное количество, то современемъ онѣ должны совсѣмъ истощиться и новыя ощущенія стали бы не возможны: опытъ не подтверждаетъ однакожъ такого послѣдствія. Слѣдовательно, необходимо допустить, что этотъ запасъ постоянно возобновляется. Бенеке говоритъ, что этотъ процесъ совершается безсознательно и мы знаемъ о немъ потому только, что бываютъ минуты истощенія [1]). Но, какъ извѣстно, это истощеніе можетъ быть относимо и не къ психической причинѣ—оскудѣнію запаса первичныхъ силъ. Вѣроятно и то, что нервы внѣшнихъ чувствъ имѣютъ опредѣленное количество силъ и, слѣдовательно, могутъ производить только опредѣленное количество работы; если послѣдовалъ maximum ея, то должно наступить истощеніе. Съ другой стороны, какъ мы должны представлять себѣ процесъ нарожденія новыхъ первичныхъ силъ? Есть-ли у души какой-нибудь органъ для того и какой, или онѣ непосредственно наражаются изъ ея нѣдръ? Но въ такомъ случаѣ должно же наконецъ наступить истощеніе самой души. Гдѣ сохраняется подобный запасъ, и почему душа знаетъ о времени, когда она должна начинать и кончать произведеніе первичныхъ силъ?

Втретьихъ, подобныя части психическаго образованія переносятся на другое, и такимъ образомъ образуется связь между психическими состояніями [2]). Связь между впечатлѣніями и силами, ихъ воспринимающими, бываетъ то болѣе тѣсная, то слабая. При менѣе тѣсномъ соединеніи, остается свободная часть психическихъ элементовъ, которые, по своей подвижности, могутъ быть переносимы съ одного психическаго образованія на другое. Очевидно, образъ этотъ заимствовалъ Бенеке изъ физики. Свободные психическіе элементы ведутъ себя точно такъ же, какъ невѣсомыя тѣла—теплородъ, электричество, такъ же, какъ и

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же. 20 § 26.

они, находятся то въ связанномъ, то въ свободномъ состояніи, такъ же, по своей подвижности, стремятся переходить съ одного пункта на другой. По мнѣнію Бенеке, всѣ психическіе элементы стремятся къ уравновѣшенію этихъ подвижныхъ элементовъ. Если въ одномъ пунктѣ ихъ болѣе, чѣмъ въ другомъ, то они стремятся туда, гдѣ ихъ нѣтъ, или гдѣ ихъ малое количество. На сколько такой образъ представленія имѣетъ вѣроятности—понять нетрудно. По Бенеке выходитъ, что въ ощущеніи впечатлѣнія и силы какъ-бы нейтрализуются и, смотря по обстоятельствамъ, связь ихъ бываетъ то полная, то неполная. Ничего подобнаго мы не замѣчаемъ на опытѣ. Ощущеніе есть одно нераздѣльное дѣйствіе, или состояніе души. Никакой микроскопъ и умственный глазъ не въ состояніи открыть въ нихъ ту составность, о которой говоритъ Бенеке. Въ ощущеніи зеленаго цвѣта, напримѣръ, ничто не напоминаетъ намъ о томъ, что въ немъ таинственно присутствуютъ бильоны сотрясеній эѳира и сверхъ того какая-то душевная первичная сила, соединившаяся съ этими бильонами. Тѣмъ невѣроятнѣй мысль, что движенія эти, или состоянія могутъ быть въ какомъ-то свободномъ состояніи, безпримѣрномъ въ физикѣ и физіологіи, и могутъ переноситься въ душѣ съ одного пункта на другой. Въ особенности послѣднее невозможно при разнородныхъ ощущеніяхъ. Чтó произошло бы, еслибъ элементы ощущенія зеленаго цвѣта стали переходить и сливаться съ элементами ощущенія фіолетоваго? Какой невообразимый хаосъ долженъ былъ бы происходить въ душѣ, еслибъ въ ней элементы ощущеній цвѣтовъ стали сливаться съ элементами ощущеній фигуръ, или тоновъ, вкусовъ и т. д.?

Для насъ интересны дальнѣйшіе выводы, какіе связываетъ Бенеке съ указаннымъ процесомъ. Передвиженіе подвижныхъ элементовъ внутри души предполагаетъ существованіе слѣдовъ въ ней отъ бывшихъ ощущеній. Ученіе о слѣдахъ (Spuren) принадлежитъ къ числу характеристичныхъ понятій психологіи Бе-

неке. Каждое впечатлѣніе не проходитъ для души безплодно; оно оставляетъ въ душѣ слѣдъ. Что должно понимать подъ этимъ слѣдомъ, Бенеке опредѣляетъ не совсѣмъ точно. Онъ говоритъ, что каждый такой слѣдъ состоитъ изъ впечатлѣнія и силы, воспринявшей его [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что слѣды мы должны представлять себѣ только въ психической формѣ и что они не пріурочены ни къ какому тѣлесному органу [2]). Неужели и впечатлѣнію въ первомъ случаѣ онъ приписываетъ чисто-психическую форму?

Весьма невѣроятная мысль о сложеніи слѣдовъ изъ впечатлѣнія и силы даетъ, однако, поводъ Бенеке дѣлать изъ нея новые выводы. Такъ какъ сила не можетъ уменьшаться, а впечатлѣнія постоянно испытываютъ отъ времени уменьшеніе въ своей силѣ и живости, то часть силы должна дѣлаться свободною. Такимъ образомъ, всѣ слѣды становятся стремленіями, т. е. свободная часть силы стремится къ усвоенію себѣ потерянной части впечатлѣнія [3]). Но замѣчательно еще и то, что въ душѣ должны оставаться слѣды даже отъ передвиженій подвижныхъ элементовъ, и что на этомъ процесѣ должно основываться существованіе въ душѣ соединенныхъ группъ и рядовъ представленій. Все это, какъ видно, — процесы, которые взяты Бенеке вовсе не изъ опыта: ибо собственное наше сознаніе ничего не говоритъ ни о стремленіи всѣхъ психическихъ образованій къ какому-то уравненію, или равновѣсію, ни о передвиженіи въ душѣ подвижныхъ элементовъ. Самое понятіе слѣда имѣетъ за себя только одно преимущество ясности, но едва-ли основательность. Оно можетъ годиться для обозначенія того факта, что ни одно состояніе души не изчезаетъ въ ней, а сохраняется и

---

1) Lehrbuch der Psychologie von E. Beneke. 21. § 27.
2) Lehrbuch der Psychologie. § 29. 23.
3) Тамъ же. § 30. 24.

по временамъ сознается ею. Недостатокъ же его состоитъ въ томъ, что оно предполагаетъ въ душѣ чисто-страдательный характеръ и отводитъ вниманіе отъ нея, какъ дѣятельнаго существа. Нельзя, конечно, забывать, что занимаясь психическими фактами, ощущеніями и представленіями, напримѣръ, мы имѣемъ дѣло съ чисто психическими состояніями. Какъ уже мы сказали, въ ощущеніи никакой анализъ не можетъ открыть, что мы, сверхъ психическаго качества, имѣемъ дѣло съ какою-нибудь физическою частію его, перешедшею въ него изъ физическаго впечатлѣнія. Понятно, что въ душѣ не можетъ сохраняться что-нибудь инородное, тѣмъ менѣе, инородное можетъ вступать въ тѣсную связь съ психическими силами. Душа можетъ испытывать разныя состоянія, можетъ сохранять ихъ въ себѣ; но можно ли ихъ признать за ту амальгаму силъ и впечатлѣній, о которой разсуждаетъ Бенеке? Почему душа выходитъ какимъ-то недѣятельнымъ складомъ, куда до востребованія складываются впечатлѣнія съ силами, или лучше какой-то вязкой матеріей, гдѣ задерживается всякое, извнѣ попавшее въ нее, тѣло? Вотъ почему наука о душѣ не можетъ усвоить себѣ такого яснаго и общедоступнаго понятія слѣда. Онъ представляетъ въ совершенно неправильномъ свѣтѣ психическіе факты.

Вчетвертыхъ, подобныя и одинаковыя образованія человѣческой души притягиваются одно другимъ, смотря по мѣрѣ своего подобія, или стремятся войдти въ болѣе близкія соединенія другъ съ другомъ [1]). Нельзя, конечно, отвергать того факта, что одно психическое состояніе соединяется съ другимъ; фактъ этотъ извѣстенъ въ психологіяхъ подъ именемъ ассоціаціи представленій. Но позволительно думать, что его существованіе зависитъ отъ другихъ причинъ, чѣмъ какія предполагаетъ для него Бенеке. Едва-ли процесъ уравненія можетъ имѣть здѣсь мѣсто.

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie von E. Beneke. § 26. 20.

Мы сказали выше, сколько вѣроятности имѣетъ за себя этотъ процесъ. Предположивъ даже, что этотъ процесъ дѣйствительно существуетъ, мы не видимъ, почему онъ могъ бы служить причиной соединенія представленій. Какъ Бенеке самъ полагаетъ, процесъ этотъ касается всякаго рода душевныхъ состояній: и конечно, если сила свободна, то для нея рѣшительно все равно, куда переходить: на подобныя, или противныя состоянія. Какимъ же образомъ онъ долженъ служить основаніемъ для связи именно подобныхъ состояній?

Указанные четыре процеса служатъ, по Бенеке, основаніями *происхожденія и связи* душевныхъ *образованій.* Онъ присоединяетъ къ нимъ пять родовъ отношеній силъ къ впечатлѣніямъ, чтобъ на нихъ основать *происхожденіе формъ* психической дѣятельности [1]). Отношенія эти, въ сущности, чисто-количественныя, и они должны служить причинами различія чисто-качественныхъ формъ душевной жизни.

1) Впечатлѣніе весьма мало для воспринимающей его силы: поэтому она бываетъ только отчасти наполнена, такъ что образуется недовольство, стремленіе къ большему наполненію, *чувство неудовольствія.*

2) Впечатлѣніе соразмѣрно съ силою: это отношеніе служитъ основною формою для *внѣшнихъ воспріятій* и *представленій.*

3) Впечатлѣніе бываетъ *вполнѣ* избыточно для силы, но не чрезмѣрно—основаніе для *чувствъ удовольствія.*

4) Впечатлѣніе понемногу возрастаетъ до чрезмѣрности—основная форма *печали.*

5) Впечатлѣніе дается вдругъ въ чрезмѣрной степени, основная форма чувства *боли.*

Вотъ какія простыя отношенія лежатъ въ основной формѣ ду-

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie. § 58. 42.

шевной жизни! На нихъ основываются тѣ формы дѣятельности души, которыя старая психологія находила нужнымъ выводить изъ понятій особыхъ, отдѣльныхъ способностей души: представленія, чувства и стремленій. Но Бенеке—противъ опредѣленныхъ способностей души. Что же оставалось у него подъ рукой, чтобъ вывести, несомнѣнно существующія на опытѣ, способности воли, чувства и представленій? Сами по себѣ его первичныя силы ни въ какихъ случаяхъ, ни при какихъ сочетаніяхъ и расположеніяхъ, неспособны хотя немного походить на указанныя способности. Тѣмъ менѣе можно было обратиться къ помощи впечатлѣній: ибо хотя они и годились бы для выведенія представленій, но совершенно безплодны для обоснованія воли и чувства. Бенеке оставалось поэтому обратиться къ отношеніямъ между ними и на нихъ-то онъ построилъ нехитрую, но зато и невѣроятную теорію происхожденія указанныхъ способностей.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ заключается причина, что недостаточность впечатлѣнія для силы производитъ чувство неудовольствія? Развѣ существуетъ опредѣленная мѣра ея, т. е. каждая сила имѣетъ извѣстную степень напряженности, такъ что впечатлѣніе, приходящее извнѣ, то оказывается малымъ для этой мѣры, то большимъ, чѣмъ слѣдуетъ? И какимъ образомъ остатокъ свободной силы можетъ печалиться, по поводу своей ненаполненности, когда онъ, пользуясь своей свободой, равномѣрно распредѣляется, въ силу процеса уравненія [1]), между прочими психическими образованіями? Никакой, слѣдовательно, ненаполненности не можетъ существовать для Бенекіанскихъ силъ. Но если даже и предположить ее, то не видно причины, почему бы она могла раждать чувство неудовольствія. Бездѣятельность сопровождается всего чаще отупѣніемъ, апатіей, но вовсе не спеціальнымъ чувствомъ неудовольствія. Недостатокъ свѣта для

[1]) Lehrbuch der Psychologie von E. Beneke. § 26. 19, 20.

глаза дѣлаетъ для него невозможнымъ различіе предметовъ, все равно какъ малая сила звука не позволяетъ намъ слышать его. Ничего болѣе при этомъ съ нами не происходитъ. Иное дѣло, когда мы интересуемся извѣстнымъ предметомъ, а впечатлѣніе между тѣмъ весьма мало, чтобъ имѣть отъ него полное ощущеніе. Такъ мы досадуемъ, когда недостаточное освѣщеніе не позволяетъ намъ различить любимый предметъ; нужно быть художникомъ въ душѣ, чтобъ понять, какая сильная овладѣваетъ имъ досада, когда картинѣ, напримѣръ, недостаетъ свѣту, чтобъ она производила полное дѣйствіе. Дурно чувствуемъ мы себя и тогда, когда въ концертѣ, или театрѣ мѣсто такъ неудобно, что мы не слышимъ полныхъ звуковъ, или когда вовсе не слышимъ слабыхъ. Гастрономъ также бываетъ недоволенъ тѣмъ, что любимое вино его не имѣетъ достаточно сильнаго букета, или кушанье довольно сильнаго вкуса. Все это факты, повторяющіеся въ ежедневной жизни и, безъ сомнѣнія, ихъ имѣлъ въ виду Бенеке, когда хотѣлъ изъ нихъ выводить чувство неудовольствія. Но онъ опустилъ при этомъ безъ вниманія одну черту, особенно здѣсь важную: это—нашъ интересъ впечатлѣніемъ. Между тѣмъ она совершенно мѣняетъ взглядъ на дѣло: ибо тогда, указанный имъ, случай низводится въ разрядъ частныхъ фактовъ, зависящихъ притомъ отъ особаго условія; къ основанію формы душевной жизни, слѣдовательно, онъ не можетъ годиться. При этомъ условіи, чувство неудовольствія будетъ зависѣть не отъ недостаточности впечатлѣнія, а ближайшимъ образомъ отъ неудовлетворенности интереса. Еслибъ, подмѣченный Бенеке, случай былъ всеобщимъ, тогда темнота, отсутствіе всякаго рода звуковъ возбуждали бы чувства величайшаго неудовольствія. Не то бываетъ на опытѣ. Непріятно, конечно, среди работы, въ самую важную минуту ея, очутиться въ темнотѣ; но та же темнота весьма пріятна для насъ, когда мы не имѣемъ намѣреній работать, а расположены отдыхать. Впечатлѣніе, какъ видно, въ этихъ случаяхъ имѣетъ совершенно второстепенное

значеніе. Прямыя отношенія его къ силѣ ни къ чему не ведутъ и ничѣмъ особымъ не сопровождаются; они имѣютъ свое дѣйствіе только тогда, когда мы интересуемся силой впечатлѣнія.

Такъ же точно не видно причины, почему соразмѣрное отношеніе впечатлѣнія къ силѣ должно основывать форму представленій. Если сравнительная малость впечатлѣнія съ силою возбуждаетъ чувство неудовольствія, то почему же не слѣдуетъ за выгоднымъ ихъ соотношеніемъ никакого чувства? и почему именно *представленіе* слѣдуетъ за такимъ соотношеніемъ? Очевидно, у Бенеке вездѣ указанныя формы являются какъ Deus ex machina. На количественныхъ отношеніяхъ никакъ не могутъ основываться качественныя различія. Представленіе, чувство и стремленіе— все слишкомъ разныя и совершенно несравнимыя одно съ другимъ качественныя состоянія. Въ однихъ количественныхъ отношеніяхъ впечатлѣній къ ощущенію не можетъ быть никакихъ причинъ къ тому, чтобъ изъ нѣдръ ихъ происходили совершенно, такъ–называемыя, диспаратныя душевныя явленія. Эти отношенія ни къ чему бы не повели, еслибъ не было дѣятеля, *способнаго* отвѣчать на нихъ состояніями въ родѣ чувствъ удовольствія, или неудовольствія, или стремленій..

Какъ неудовлетворительны подобнаго рода отношенія къ душевнымъ явленіямъ — особенно видно на разборѣ дѣятельности мышленія. Бенеке думаетъ, что разнаго рода сложеній и сочетаній ощущеній достаточно, чтобъ изъ нихъ вывести всѣ формы мышленія. Для того, чтобъ допустить особую способность души къ мыслительной дѣятельности, по мнѣнію Бенеке, нѣтъ никакихъ основаній [1]). Какъ сила, какъ способность, разсудокъ образуется современемъ изъ соединенія понятій [2]). Онъ различаетъ четыре рода соединенія представленій,

---

[1]) Die neue Psychologie von Beneke. 38.
[2]) Тамъ же. 189, 210, 36.

изъ которыхъ должны происходить извѣстныя намъ формы мышленія [1]). Во-первыхъ, остроумное соединеніе; во-вторыхъ—уподобляющее; втретьихъ — образованіе понятій; вчетвертыхъ—образованіе сужденій. На чемъ основывается подобное распредѣленіе? На томъ, что, при сравненіи этихъ родовъ соединенія, оказывается постепенное восхожденіе отъ менѣе однороднаго къ болѣе однородному, и что это разпредѣленіе взято изъ исторіи развитія личности и науки [2]). Однако, въ дѣйствительности мы не находимъ ни того, ни другаго основанія вѣрнымъ. Что касается до послѣдняго, то дитя начинаетъ свое развитіе вовсе не остроумными сближеніями; ибо что мы называемъ остроумнымъ? Такое сближеніе двухъ понятій, или представленій, которыя внѣшнимъ образомъ могутъ казаться сходными или тожественными, а въ сущности совершенно разнородны. Таковы, напримѣръ, каламбуры, остроумныя сравненія, насмѣшливыя прозванія. Но чтобъ оцѣнить остроумное сравненіе, чтобъ найти его остроумнымъ, нужно имѣть уже большое развитіе, нужно имѣть истинныя понятія о сравниваемыхъ и сближаемыхъ предметахъ, чтобъ внѣшнее случайное ихъ сопоставленіе возбуждало улыбку. Оттого дѣти такъ мало понимаютъ остроумныя рѣчи; оттого же требуется высшее развитіе, сравнительно съ обыкновеннымъ, чтобъ быть остроумнымъ. Если дѣтямъ удается дѣлать остроумныя сравненія, то они вовсе ненамѣренно и совершенно безъ сознанія бываютъ остроумны. Слѣдовательно, никакъ нельзя думать, чтобъ остроуміе было первой у нихъ эпохой развитія. Точно также и въ наукѣ; неизвѣстно, исторіей какой науки Бенеке думаетъ оправдать свою классификацію. Онъ говоритъ, что она особенно имѣетъ приложеніе къ наукамъ, занимающимся духомъ, и что съ подобій и

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie. 87 § 119.
[2]) Тамъ же. § 120.

поэтическихъ образовъ начиналась всякая наука. Вѣроятнѣе всего, это должно было бы подтвердиться на философіи. Если не будемъ строги къ понятію философіи, то начало исторіи ея мы должны искать въ религіозныхъ міросозерцаніяхъ древнихъ народовъ. Можно ли, однакожъ, древнюю миѳологію, религіозные догматы назвать сборомъ остроумныхъ сравненій и сближеній? Если извѣстныя міровыя силы поэтически олицетворялись въ религіозномъ міросозерцаніи извѣстными образами, миѳами и выражались въ обрядахъ, то не во имя ли понятія этихъ силъ пріискивался для нихъ поэтически-соотвѣтственный образъ? и не въ понятіяхъ ли заключалась вся сила и глубина вліянія религіозныхъ міросозерцаній на народы? Что поэтическому воображенію давался просторъ въ нихъ, это не даетъ права отождествлять ихъ съ остроумными сравненіями и уподобленіями: ибо поэзія состоитъ не въ нихъ однихъ, а въ томъ, что понятіямъ дается образное, весьма мѣткое и вѣрное выраженіе: оттого глубокая поэзія полна глубокихъ понятій. Съ чего же взялъ Бенеке, что поэтическія міросозерцанія народовъ имѣютъ что-нибудь общее съ его первыми двумя степенями соединенія представленій? Такъ же сомнительно, чтобъ и въ философіи собственно можно было различать эпохи сравненій, понятій, или сужденій: ибо іоническія школы философовъ, которыми и начинается собственно философія, вовсе не представляютъ собою эпохи философскихъ сравненій.

Даже и того положенія, что въ классификаціи Бенеке соблюдается постепенное восхожденіе отъ менѣе однороднаго къ болѣе однородному, мы не можемъ оставить безспорнымъ. Думать, что понятіе тѣмъ отличается отъ уподобленій, что въ немъ болѣе соединяется однородныхъ чертъ, чѣмъ въ послѣднихъ, значитъ извращать природу понятій. То же самое должно сказать о сужденіяхъ въ отношеніи къ понятіямъ. Иначе мы пришли бы къ страннымъ выводамъ: представленія собаки и волка, имѣющія

по зоологическимъ чертамъ чрезвычайно много общаго, можно бы было, по методу Бенеке, назвать понятіями одного другаго. Самыя близкія уподобленія были бы понятіями уподобляемыхъ предметовъ. Мы не видимъ у Бенеке никакого напоминанія, что понятія и сужденія составляютъ совершенно новыя формы и пріемы мышленія, чѣмъ какія имѣемъ мы въ представленіяхъ.

Онъ положительно убѣжденъ, что понятія образуются въ насъ путемъ сложенія представленій. [1]) Для образованія понятій необходимо—говоритъ онъ [2])—чтобъ въ нашемъ сознаніи даны были многія представленія, которыя имѣютъ извѣстныя общія составныя части, напримѣръ, представленія золота, серебра, желѣза, свинца и тому подобное, или представленія гнѣва, недовольства, восхищенія, удивленія, отчаянія и тому подобное. Гдѣ это условіе есть, тамъ начинается извѣстный процесъ: подобное взаимно привлекается. Одинаковыя составныя части сливаются въ одно и соединяются въ одинъ актъ, между тѣмъ разнородныя остаются одна внѣ другой и удаляются другъ отъ друга. Къ этому присоединяется еще и то, что сознаніе болѣе притягивается первыми и отвлекается отъ послѣднихъ... Въ заключеніе сознаніе вполнѣ затемняется для разнородныхъ предметовъ и сосредоточивается на соединеніи однородныхъ: въ этомъ соединеніи мы имѣемъ то, что обыкновенно называется понятіемъ». Такимъ образомъ понятія образуются въ насъ самымъ простымъ, механическимъ путемъ. Еслибы дѣйствительный процесъ ихъ образованія былъ дѣйствительно таковъ, ничего не было бъ легче имѣть самыя лучшія понятія. Никакой умственной работы не требовалось бы, все дѣлалось бы въ душѣ безъ насъ, единственно въ силу счастливаго обладанія ею упомянутымъ проце—

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie. 88 § 122.

[2]) System der Logik, als Kunstlehre des Denkens, von E. Beneke. Th. 38. Сравн. Psycholog Skizzen. B. II. 160.

сомъ. Попробуемъ однакожъ дѣйствительно составлять понятія по указанному Бенеке способу. Напримѣръ, беремъ тѣ же представленія золота, серебра и такъ далѣе. Что въ нихъ есть подобнаго. Пока мы имѣемъ дѣло съ представленіями этихъ веществъ, никакого подобія между ними мы не замѣчаемъ. Цвѣтъ они имѣютъ разный, блескъ, тяжесть, изломъ, удѣльный вѣсъ, химическія сродства, проводимость теплоты и электричества, крѣпость, плавкость у всѣхъ металловъ различныя. Въ желѣзѣ нѣтъ ничего напоминающаго намъ о золотѣ, въ серебрѣ ничего похожаго на свинецъ. Какія же подобныя части будутъ соединяться въ одно, когда ихъ нѣтъ въ сущности въ этихъ представленіяхъ, пока они представленія только. Если правда, что разнородныя части представленій удаляются одна отъ другой, то всѣ черты упомянутыхъ представленій должны разойтись, и въ результатѣ ничего не должно оставаться въ сознаніи. Слѣдовательно, процесъ образованія понятій долженъ происходить какъ-нибудь иначе. Прибавимъ ко всему сказанному и то, что, при взглядѣ Бенеке на образованіе понятій, мы не знали бы, какъ объяснить себѣ понятія единичныхъ предметовъ, напримѣръ, извѣстнаго намъ знакомаго, желѣза, извѣстнаго дерева и т. д Тогда можно-бъ было еще кое-какъ понять происхожденіе общихъ понятій; но какимъ образомъ возможно понятіе серебра, напримѣръ, когда многихъ представленій о немъ быть не можетъ, и слѣдовательно, не можетъ быть процеса слитія въ одно многихъ составныхъ частей ихъ?

Неудивительно поэтому, если Бенеке не находитъ существенныхъ различій между представленіемъ и понятіемъ. Понятія *качественно* проще представленій, а количественно сложнѣй ихъ: такъ какъ они многократно содержатъ въ себѣ то, что заключается въ послѣднихъ. Поэтому понятіе есть тонкое, болѣе ясное и болѣе духовное представленіе [1]). Неудивительно, если форму суж-

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie. 89, § 123.

денія Бенеке почти отождествляетъ съ соединеніемъ представленій въ формѣ сужденія [1]). Онъ не смотритъ на нее какъ на новый пріемъ мыслящаго ума для точнѣйшаго опредѣленія и анализа понятій, а какъ на случайную встрѣчу въ сознаніи представленія и понятія, вслѣдствіе котораго представленіе дѣлается свѣжѣй, а понятіе яснѣй. И на силлогизмы Бенеке смотритъ какъ на видъ соединенія представленія—только гораздо совершеннѣйшій, чѣмъ какими были понятія и сужденія [2]).

Такимъ образомъ самый простой процесъ слитія представленій долженъ вести къ образованію такихъ важныхъ формъ дѣятельности души, каковы понятія, сужденія и умозаключенія, и въ заключеніе еще образовать въ насъ способность разсудка. Разсудкомъ и называются, по мнѣнію Бенеке, вообще всѣ, достигшіе сознанія, слѣды отъ впечатлѣній и образовавшихся за тѣмъ представленій [3]), и самый разумъ есть нечто иное, какъ сумма всѣхъ высшихъ, безукоризненно составленныхъ образованій человѣческаго духа во всѣхъ формахъ [4]).

Очевидно, при подобныхъ процесахъ оставалось бы необъяснимымъ, откуда берется въ мышленіи характеръ необходимости. Теорія Бенеке здѣсь оказывается безсильною. Напрасно онъ думаетъ объяснять этотъ фактъ тѣмъ, «что если извѣстныя свойства и дѣйствія воспринимаются нами *всегда* вмѣстѣ, то мы образуемъ представленіе совмѣстнаго бытія и представляемъ ихъ

---

[1]) System der Logik von E. Beneke. I Th. 100, 101. Сравн. Lehrbuch der Psychologie. 90 § 124. Psychol. Skizzen. B. II. § 187. Pragmat. Psychol. B. I. 353.

[2]) Lehrbuch der Psychologie. § 125, 91. Сравн. System der Logik. Th. I. 168.

[3]) Lehrbuch der Psychologie. § 134, 98.

[4]) Тамъ же. § 299, 214. Сравн. Psycholog. Skizzen. B. II. 390. Archiv für die Pragmat. Psychol. von E. Beneke. III B. Berlin. 1853. 354, 361. Pragmat. Psychologie von Beneke. 1850. II B. 276—277.

необходимо составляющими одну вещь, или одинъ рядъ слѣдствій и дѣйствій» [1]). Одновременное воспріятіе одного съ другимъ, или послѣдовательное—одного *за* другимъ никогда не повело бы къ тому, чтобъ мы мыслили связь ихъ необходимою. День всегда слѣдуетъ за ночью, однако никому не приходитъ на умъ считать ночь за причину дня. Если мы слѣдствіе выводимъ изъ причины, какъ нѣчто само-собою понятное и необходимое, то опираемся тутъ вовсе не на то, что первое всегда слѣдуетъ за послѣднею, а на ихъ внутреннее соотношеніе, такъ какъ иначе быть не можетъ. Бенеке, очевидно, смѣшиваетъ связь между представленіями съ тою связью между понятіями, которая вырабатывается мышленіемъ. Тѣмъ они и различаются между собою, что въ первой она бываетъ чисто-внѣшняя, весьма часто на основапіи одновременности двухъ впечатлѣній. Но эти же ассоціаціи служатъ для мышленія матеріаломъ; только оно стремится внѣшнюю связь замѣнить внутреннею, на мѣсто одновременности событій установить ихъ причинную связь и внутреннее соотношеніе. Связь представленій подвергается въ этомъ случаѣ разбору, и нельзя не согласиться съ однимъ недурнымъ выраженіемъ о мышленіи, что оно есть постоянная критика. Плодомъ этой критики бываетъ то, что психологическая связь уступаетъ мѣсто логической, и тогда какъ первая имѣетъ механическій характеръ—ее можно уподобить нѣкотораго рода сцѣпленію, вторая—органическій, въ которой берется во вниманіе внутреннее соотношеніе. Непонятно также, какъ мышленіе по Бенеке можетъ быть намѣреннымъ, свободнымъ. Какимъ образомъ возможно устанавливать себѣ извѣстную цѣль и стремиться къ ней путемъ критики, когда душа не можетъ выходить изъ оковъ механическихъ связей, представленій, когда она невольна въ этой связи. Мышленіе становится тогда игрой представленій, и притомъ совершенно случайной.

---

[1](Lehrbuch der Psychologie von Beneke. 108, § 149.

Какъ разсудокъ, такъ и воля и внутреннее чувство и сознаніе нашего Я должно, по Бенеке, образовываться изъ разныхъ слѣдовъ и образовавшихся связей между представленіями. Сначала образуются только частныя желанія, и только изъ слѣдовъ этихъ частныхъ желаній современемъ возникаетъ то, что мы называемъ способностію воли [1]). Онъ упрекаетъ Канта съ его послѣдователями въ томъ, что они утверждали существованіе какой-то прирожденной способности внутренняго чувства [2]). Какъ сила, или способность, она вовсе не существуетъ, а есть только понятія, касающіяся психическихъ качествъ, формъ и отношеній. Присоединяясь къ психическимъ образованіямъ, эти понятія усиливаютъ сознаніе ихъ въ такой мѣрѣ, что возникаетъ въ душѣ представленіе о нихъ [3]). Трудно, однакожъ, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ возникаютъ означенныя понятія. Хотя Бенеке и говоритъ, что они образуются такъ же, какъ и обыкновенныя понятія [4]), но провести точную паралель между тѣми и другими довольно затруднительно: для нихъ не должно бы оставаться въ душѣ никакого матеріала. Обыкновенныя предметныя понятія образуются изъ соединенія и слитія представленій, представленія же—изъ соединенія ощущеній, ощущенія, въ свою очередь—изъ соединенія впечатлѣній съ первичными силами. Тутъ, по крайней мѣрѣ, возможно прослѣдить генеалогію. Какимъ же образомъ могутъ образоваться понятія внутреннихъ состояній? Гдѣ для нихъ даны представленія, ощущенія и впечатлѣнія? Изъ какихъ-нибудь личныхъ элементовъ они образоваться не могутъ, потому что свободныя силы, незанятыя предметными впечатлѣніями, по теоріи Бенеке, распредѣляются между

---

[1]) Die neue Psychologie. 210—212.

[2]) Тамъ же. 31.

[3]) Lehrbuch der Psychologie. 94 § 129. Сравн. Die neue Psychologie. 192, 31. Pragmat. Psychol. II B. 6—10.

[4]) Die neue Psychologie. 192—193.

психическими образованіями. Поэтому указанныя понятія являются у Бенеке, какъ Deus ex machina, почти изъ ничего, а между тѣмъ имъ приписывается такое важное значеніе.

Нѣтъ нужды далѣе распространяться о психической теоріи Бенеке. Можно уже видѣть и теперь двѣ главныхъ его ошибки, около которыхъ группируются мелкіе промахи. Одна состоитъ въ томъ, что будто бы изъ количественныхъ отношеній между впечатлѣніемъ и силами ихъ воспринимающими, изъ сложенія ощущеній и представленія можетъ возникнуть та многосторонняя дѣятельность души, которая дана намъ въ опытѣ. Другая—во взглядѣ на душу, какъ страдательный пріемникъ разныхъ образованій, которыя слагаются и разлагаются въ ней почти безъ ея вѣдома. Хотя онъ самъ и не признаетъ за своей теоріей сенсуалистическаго характера, въ сущности, однако, онъ сенсуалистъ. Главный признакъ сенсуализма заключается въ томъ, что онъ почти ничего не оставляетъ для самодѣятельности души, а всякое развитіе ея считаетъ плодомъ впечатлѣній извнѣ. То же самое мы видимъ и въ Бенеке. И для него душа есть tabula rasa: его первичныя силы—самыя безхарактерныя силы въ свѣтѣ и совершенно страдательно усвоиваютъ себѣ внѣшнія впечатлѣнія. Самая душа принимаетъ характеръ автомата, въ которомъ, безъ ея участія, совершаются самыя трудныя и многосложныя операціи. Такое мнѣніе о душѣ противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о ней. Если мы признаемъ ее самостоятельнымъ существомъ, имѣющимъ самобытную жизнь, съ чѣмъ согласенъ и Бенеке, тогда нельзя представлять ее дотого безхарактернымъ и бездѣятельнымъ существомъ, что внѣшнія вліянія могутъ входить въ нее и хозяйничать въ ея существѣ. Имѣя дѣло съ психическими фактами, мы имѣемъ дѣло не со смѣсью силъ и впечатлѣній, какъ утверждаетъ Бенеке, а съ состояніями особаго существа. Какъ бы мы ни представляли себѣ механизмъ вліянія на него внѣшнихъ впечатлѣній, во всякомъ случаѣ мы должны будемъ согласиться, что дѣйствіе этихъ впечатлѣній не

въ чемъ иномъ можетъ состоять, какъ только *въ возбужденіи* извѣстныхъ состояній въ этомъ существѣ. Такой взглядъ на душу устраняетъ мысль объ ея страдательномъ характерѣ и выдвигаетъ ея дѣятельную сторону.

Понятіемъ о психическихъ образованіяхъ, какъ *состояніяхъ* души, само собою устраняется пріемъ Бенеке обращаться съ представленіями и ощущеніями и другими психическими произведеніями, какъ самостоятельными существами. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ упомянутые нами процесы возможны при одномъ только предположеніи, что психическія образованія имѣютъ самостоятельное бытіе, и потому свободно вступаютъ въ разныя соединенія и выходятъ изъ нихъ. Такимъ образомъ придается самостоятельное значеніе тому, что можетъ существовать только въ видѣ свойства, качества, или состоянія, но ни въ какомъ случаѣ самобытно, или отдѣльно отъ существа, которому они принадлежатъ. Оттого душевнымъ явленіямъ придается смыслъ, какого они никогда имѣть не могутъ—и имъ усвояются процесы, которые, очевидно, для нихъ невозможны. Процесы эти имѣютъ много общаго съ химическими: какъ въ нихъ химическіе атомы совершенно самостоятельно соединяются и разъединяются, такъ и ощущенія и представленія, по закону сродства, то вступаютъ въ связи, то прежнія соединенія мѣняютъ на новыя. Но въ химіи каждый химическій атомъ имѣетъ самостоятельное бытіе, и съ метафизической точки зрѣнія можетъ быть разсматриваемъ, какъ самобытное существо. Ничего подобнаго, конечно, нѣтъ въ душевныхъ состояніяхъ. Химія душевныхъ фактовъ уже потому невозможна, что она была бы химіей безъ химическихъ единицъ.

Психологія Бенеке не оказала замѣтнаго вліянія на развитіе науки о душѣ. Слабость ея теоретическихъ основаній, невѣроятность многихъ предположеній отбиваютъ отъ нея многихъ последователей [1]). Тѣмъ не менѣе она нашла себѣ замѣтное со-

[1]) Die neue Psychologie. 96.

чувствіе въ педагогахъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что она имѣетъ славу, по преимуществу, педагогической психологіи. Особенно распространена она между педагогами гимназій въ Германіи. Какимъ образомъ это возможно при слабыхъ ея теоретическихъ достоинствахъ и нѣкоторыхъ положительныхъ практическихъ недостаткахъ? На это можно сказать, что, во-первыхъ, она имѣетъ и достоинства. Несомнѣнно, что психологическія сочиненія Бенеке представляютъ собою большой матеріалъ весьма тонкихъ и вѣрныхъ наблюденій надъ жизнью души. Въ отношеніи классификаціи душевныхъ явленій едва-ли можно указать какіе-нибудь другіе труды, которые могли бы съ нимъ равняться по богатству наблюденій и полнотѣ обзора душевныхъ явленій. Конечно, для педагоговъ это очень важно въ отношеніи къ исторіи развитія. Во-вторыхъ, вопросъ о значеніи и заслугахъ современной педагогической школы въ Германіи—еще далеко нерѣшенъ: никакого сомнѣнія нѣтъ, что многія правила педагогической мудрости ея составляютъ теоретическія увлеченія школы, а вовсе не практическіе полезные пріемы. Очень вѣроятно, что многія полезныя послѣдствія возникали не какъ плодъ психологическихъ открытій Бенеке, а несмотря на эти открытія, сила человѣческой натуры беретъ иногда верхъ надъ ухищреніями педагоговъ. Педагогическій методъ, основанный на бенекинской психологіи, всего менѣе способенъ развить личность; онъ слишкомъ стремится къ образованію безцвѣтныхъ и безхарактерныхъ общечеловѣковъ.

Нужно, однако, сказать, что теорія Бенеке имѣетъ много сочувственнаго съ матеріализмомъ. Это—фактъ, отъ котораго всѣми силами стараются отказаться бенекіанцы, и который между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію. Хотя Бенеке, въ противоположность матеріалистамъ, и говоритъ о несоизмѣримости душевныхъ явленій съ физическими [1]), хотя Дреслеръ, одинъ изъ

[1]) Die neue Psychologie. 3—6.

ближайшихъ учениковъ Бенеке, особенно настаиваетъ на той мысли, что Бенеке вовсе не матеріалистъ [1]), тѣмъ не менѣе въ его теоріи много сторонъ, которыя дѣлаютъ ее сочувственною матеріализму. Оттого, понимающіе себя матеріалисты относятся къ ней весьма сочувственно [2]). Въ самомъ дѣлѣ, такая душевная химія, какую даетъ вмѣсто психологіи Бенеке, совершенно во вкусѣ матеріалистовъ. Бенеке одинаково съ ними обращается съ душевными явленіями, точно съ веществами. Предположеніе особой самостоятельной души, собственно говоря, и ненужно для него, потому что вся суть въ первичныхъ силахъ, а такія безхарактерныя и безкачественныя силы легко могутъ быть отдѣляемы мозгомъ. И никакого сомнѣнія нѣтъ, что современемъ матеріализмъ обратитъ серьёзное вниманіе на теорію Бенеке. Онъ найдетъ въ ней много для себя такого, что или цѣликомъ, или въ мало измѣненномъ видѣ можетъ быть принято имъ въ свою систему.

---

[1]) Ist Beneke materialist? von Dressler.
[2]) Noack. Psyche. B. II.

ГЛАВА V.

РЕАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Различіе Гербарта отъ Бенеке. — Значеніе самонаблюденія. — Методъ отношеній.—Значеніе метафизики и метематики для психологіи.—Способности души. — Анализъ нашего «я», какъ средство къ отысканію первыхъ синтетическихъ началъ. — Статика и механика представленій. — Критика общихъ метафизическихъ началъ въ приложеніи ихъ къ психологіи и критика метафизической теоріи представленій.—Аналитическая часть психологіи. — Значеніе Гербарта въ наукѣ о душѣ.

Психологическіе труды Бенеке имѣютъ ту главную заслугу, что они представляютъ намъ весьма полную классификацію душевныхъ явленій. Тамъ, гдѣ онъ пытался *объяснять* душевную жизнь, его преслѣдовали неудачи: его предположенія оказываются весьма неудачными, его обобщенія или мало практичными въ научномъ отношеніи, или логически несостоятельными. Не нужно слишкомъ далеко искать причинъ тому. У Бенеке слишкомъ слабо понятіе о дѣятельной сторонѣ души, и вездѣ онъ пред-

ставляетъ намъ ее слишкомъ страдательно воспринимающею впечатлѣнія извнѣ и слишкомъ безучастной къ совершающейся въ ней игрѣ представленій. Оттого онъ пришелъ къ выводамъ, которыхъ никакъ не можетъ усвоить себѣ наука о душѣ.

Совсѣмъ другое должно сказать объ ученіи его соперника — Гербарта. Оно нашло въ позднѣйшее время довольно многочисленныхъ послѣдователей и безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время Гербартова школа самая дѣятельная въ философскомъ отношеніи вообще и въ психологіи въ частности. Уже поэтому одному мы должны быть къ ней наиболѣе внимательны. Мы назвали Гербарта соперникомъ Бенеке. По крайней мѣрѣ, такъ думалъ о немъ самъ Бенеке, хотя честь нападенія всегда принадлежала Гербарту. Почему-то долго смѣшивались направленія обоихъ несмотря на великое разногласіе ихъ и въ началахъ, и методахъ, и задачахъ. Гербартъ вовсе не думаетъ, напримѣръ, дѣлать психологію основаніемъ всѣхъ философскихъ наукъ. Напротивъ, для него во всякой наукѣ существуютъ свои особыя основныя понятія, изъ которыхъ она выходитъ, и которыя могутъ не имѣть ничего общаго съ понятіями другихъ наукъ. Въ отсутствіи, или хуже, отрицаніи единства философскаго начала часто видѣли весьма важный философскій недостатокъ системы Гербарта. Мы видѣли уже мнѣніе Бенеке о значеніи психологіи для философіи. Далѣе, Гербартъ до такой степени простираетъ значеніе метафизики для психологіи, что послѣдняя даже называется прикладною метафизикой [1]). Бенеке, напротивъ, весьма страстно протестуетъ противъ метафизическихъ вліяній на психологію [2]). Гербартъ считаетъ душу за

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke, V. I. Vorrede. 1850 h. von Hartenstein.

[2]) Die neue Psychologie. 89 — 90. Сравн. Psychol. Skizzen. Bd. II. 694—698.

совершенно простое существо [1]), у Бенеке она состоитъ изъ милліоновъ силъ и считается за самое сложное существо въ мірѣ [2]); по Гербарту никакое внѣшнее вліяніе не можетъ производить никакихъ измѣненій въ простомъ существѣ, оно не подвержено никакимъ дѣйствіямъ другихъ существъ, или вещей [3]), тогда какъ по Бенеке при внѣшнихъ воспріятіяхъ, если не сами внѣшнія вещи переходятъ въ душу, то все—таки нѣчто отъ нихъ [4]). Легко представить себѣ, какъ, при такихъ различіяхъ въ основаніяхъ, они пришли къ весьма разнороднымъ результатамъ; нельзя не удивляться, какъ Бенеке могъ называть его однимъ изъ самыхъ близкихъ къ себѣ философовъ и надѣяться на весьма близкія отношенія [5]). Конечно, онъ увлекался тѣмъ, что Гербартъ, какъ и онъ, опытъ признаетъ за исходный пунктъ отправленія и одинаково отвергаетъ существованіе въ душѣ прирожденныхъ способностей.

И Гербартъ, какъ и Бенеке, считаетъ опытъ за исходную точку отправленія. Онъ намѣренъ дать психологію, основанную на опытѣ. «Прежде всего чистый, свободный отъ всякихъ подозрѣній въ искаженіи, опытъ, а потомъ уже совершенно разумная теорія—вотъ наука, говоритъ, Гербартъ [6]); опытъ разумѣется здѣсь, конечно, внутренній, какъ понимаетъ его Кантъ [7]). Но онъ далеко не имѣетъ того довѣрія къ нему, какое мы видѣли у Бенеке. Гербартова критика внутренняго опыта заслуживаетъ нашего вниманія: ибо его школа, по справедливости, можетъ

---

[1]) Herbarts sämmtliche Worke, V. 108.
[2]) Die neue Psyhologie. 44.
[3]) Herbarts sämmtliche Werke II. 320. Сравн. IV. 121—122.
[4]) Die neue Psychologie. 95.
[5]) Die neue Psychologie. 84—85.
[6]) Kl. Schrift. III. 517. Werke. 12 402.
[7]) Joh. Fr. Herbarts sämmtliche Werke, her. von Hartenstein. V B. 213, § 9.

сказать, что ею первою указано истинное значеніе опыта и истинный размѣръ тѣхъ услугъ, какія онъ можетъ оказывать психологіи. Во–первыхъ, душевная жизнь находится въ постоянномъ движеніи: ничего нѣтъ, повидимому, твердаго и постояннаго въ ней. Поэтому невозможно твердо устанавливать предметы наблюденія, что̀ мы легко дѣлаемъ съ внѣшними неподвижными предметами, невозможно подмѣчать черты душевныхъ состояній, держа ихъ, такъ сказать, предъ своими глазами: они слишкомъ быстро смѣняются, слишкомъ рѣдко, или, лучше, никогда не повторяются совершенно въ одномъ и томъ же видѣ [1]). Во–вторыхъ, наблюденіе имѣетъ дѣло съ результатами только, а изысканіе причинъ ихъ должно быть производимо уже другимъ путемъ. Душевная жизнь есть нѣчто непрерывное — continuum, наблюденіе же вырываетъ изъ него какую-нибудь часть. Притомъ, и эта вырываемая часть никогда не представляетъ собою отдѣльнаго единичнаго факта. Въ ней нельзя даже наблюдать разнообразія составныхъ ея элементовъ, потому что, въ сущности, въ ней дано намъ только одно общее впечатлѣніе. Нельзя сказать, что мы наблюдали одно чувство, одно сужденіе, одинъ образъ фантазіи; скорѣй, что мы имѣемъ сознаніе того, что въ многообразномъ сплетеніи всѣхъ этихъ состояній въ минуту наблюденія преобладало одно какое–либо состояніе: чувство, или мышленіе и т. п. Слѣдовательно, въ результатѣ почти всегда получается своего рода отвлеченіе, мало сообразное съ дѣйствительными фактами [2]). Въ–третьихъ, намѣреніе наблюдать всегда оказываетъ замѣтное вліяніе на то, что̀ хотимъ наблюдать. Наблюдаемыя душевныя состоянія теряютъ поэтому часть своей силы, живости [3]).

Поэтому заниматься самонаблюденіемъ намѣренно, долго, какъ

---

[1]) Zeitschrift für exacte Philosophie. II B. 39—40.
[2]) Тамъ же B. III. 309. Сравн. Herbarts sämmtliche Werke. V. 206.
[3]) Herbarts sämmtliche Werke. V 206, § 2.

это предлагается нѣкоторыми философами—было бы самоистязаніемъ [1]). Вовсе ненамѣренно каждый становится зрителемъ своей собственной жизни и только въ такомъ видѣ ему дѣлается извѣстна исторія его жизни. При каждомъ самонаблюденіи поэтому мы пользуемся свѣдѣніями изъ этой исторіи и оно по одному этому уже не можетъ быть совершенно самостоятельно и свободно.

При такихъ условіяхъ внутренній опытъ не можетъ, конечно, быть единственнымъ средствомъ при созданіи науки. Онъ представляетъ намъ факты въ такомъ видѣ, въ какомъ они не могутъ быть усвоены наукой: въ нихъ много противорѣчій и неопредѣленности. Слѣдовательно, необходимъ дополнительный пріемъ мышленія, который устранилъ бы противорѣчія. Гдѣ эти противорѣчія неизбѣжны, тамъ можно предпринимать дополненіе и улучшеніе посредствомъ указанія *отношеній*. Если противорѣчія неизбѣжны, то, слѣдовательно, есть необходимая связь въ противорѣчащихъ чертахъ, въ силу которой одно необходимо предполагаетъ другое и одно безъ другаго не можетъ быть мыслимо [2]).

Иныя отношенія очевидны и тогда нужно только указать ихъ (таково, напр., отношенія логариѳма и основанія вмѣстѣ съ modulus его). Другія требуютъ нѣкотораго вниманія и логическихъ умозаключеній. Третьи, наконецъ, заключаютъ въ себѣ противорѣчія и тогда нужно отыскивать дѣйствительныя отношенія по методѣ, который Гербартъ называетъ методомъ отношеній [3]). Вся психологія есть ни что иное, какъ дополненіе фактовъ, пріобрѣтенныхъ путемъ внутренняго опыта и въ этомъ только смыслѣ, для указанныхъ цѣлей, необходимо переступать опытъ. Мы приведемъ два примѣра отношеній въ психологіи,

---

1) Тамъ же 207, § 3.
2) Herbarts sämmtliche Werke. V, § 11. 219.
3) Тамъ же 220.

указанныхъ Гербартомъ [1]). Желаніе, напримѣръ, находится въ очевидномъ отношеніи къ представленію: ибо оно имѣетъ предметъ, къ которому направляется, какъ къ своей цѣли. Позабыть его—самое вѣрное средство уничтожить желаніе. Такимъ образомъ отношеніе есть, но оно далеко неопредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ отношеніяхъ представляемое находится къ желаемому? Какое нужно предположить качество въ представляемомъ и въ самомъ представленіи, чтобъ оно въ сознаніи могло явиться въ формѣ желаемаго и желанія? Другой примѣръ: память, очевидно, имѣетъ отношеніе къ предмету, ею сохраняемому,—слѣдовательно, и къ первому воспріятію его. Она же имѣетъ отношеніе къ фантазіи, т. е. мы сохраняемъ въ памяти многія изъ тѣхъ образовъ, которые мы сами создали. Она равно имѣетъ отношеніе и къ разсудку, потому что въ ней сохраняются результаты размышленій,—къ чувству, потому что мы воспоминаемъ удовольствіе и боль, и, наконецъ, къ воли, потому что мы долго иногда удерживаемъ свои рѣшенія.

Въ чемъ же состоитъ самый методъ? Какое-нибудь противорѣчащее понятіе A заключаетъ въ себѣ противоположныя части M и N, которыя выдаются имъ за тожественныя. Таково, напримѣръ, понятіе «я», въ которомъ «я» въ одно и то же время подлежащее и сказуемое, или субъектъ въ то же время для себя есть и объектъ; какъ сказуемое оно должно быть чѣмъ-нибудь отличнымъ отъ подлежащаго: а между тѣмъ въ понятіи оно выдается за тожественное съ послѣднимъ. Въ силу закона противорѣчія тожество должно быть отрицаемо. Такимъ образомъ понятіе разлагается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и теряетъ всякое значеніе, потому что въ томъ и состоитъ отличіе нашего «я», что въ немъ субъектъ и объектъ принимаются за тожественные. Слѣдовательно, остается одно изъ двухъ: или допустить, что въ нашемъ

[1]) Тамъ же 221—222.

«я» субъектъ есть нѣчто другое, чѣмъ объектъ, что прямо противорѣчило бы опыту, или допустить невозможность понятія въ томъ видѣ, въ какомъ оно обыкновенно принимается. Поэтому необходимо предположить, что M не одно и то же въ обоихъ случаяхъ: и когда предполагается его тожество съ N и когда отрицается; нужно предположить существованіе многихъ M. Такимъ образомъ въ нашемъ «я» нужно допустить существованіе многихъ M. Въ указанномъ случаѣ разрѣшеніе противорѣчія состоитъ въ томъ, что одинъ изъ противорѣчащихъ членовъ разчленяется на многія части и такимъ образомъ производится въ понятіи измѣненіе, которымъ устраняется противорѣчіе. Вторая форма разрѣшенія противорѣчія: M не можетъ быть равно N, поэтому M должно видоизмѣниться посредствомъ какого нибудь X и въ такомъ видѣ быть равнымъ N. Затѣмъ, необходимо въ свою очередь предположить X состоящимъ изъ многихъ M и въ такомъ видѣ приравнять N. На этихъ двухъ способахъ разсужденій [1]), основывается методъ отношеній. Онъ имѣетъ весьма важное значеніе въ психологіи Гербарта.

Необходимость измѣнять и дополнять понятія внутренняго опыта ставитъ психологію въ прямую зависимость отъ метафизики. Въ этомъ пунктѣ ученіе Гербарта прямо противоположно ученію Бенеке. Послѣдній ни о чемъ такъ много не хлопочетъ въ своей психологіи, какъ объ устраненіи ея изъ-подъ вліянія метафизики. Гербартъ напротивъ думаетъ, что безъ метафизики психологія не можетъ быть наукой. Всѣ психологическіе факты, заимствуемые нами изъ внутренняго опыта, заключаютъ въ себѣ двѣ черты, по которымъ они несомнѣнно относятся къ разряду главныхъ метафизическихъ задачъ. Они указываютъ на множество опредѣленій, которыя должны быть приписаны единой душѣ, — этимъ необходимо возбуждается вопросъ: въ какой мѣрѣ вообще

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke. V, § 34. 303—305.

многое должно быть приписано одному? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ ученіемъ о сущности (substantia). Съ другой стороны все, усмотрѣнное нами внутренно, имѣетъ чрезвычайно подвижный характеръ: оно указываетъ на измѣнчивую природу души и относится вообще къ области измѣняющагося. Отсюда необходимость теоріи измѣненія [1]). Такимъ образомъ, безъ метафизики законченная психологія почти немыслима. Это не значитъ, что она должна теряться въ безплодныхъ отвлеченныхъ умствованіяхъ и упражняться въ разрѣшеніи вопросовъ, не входящихъ прямо въ область психологическихъ изслѣдованій. Надобно замѣтить, что Гербартъ понимаетъ метафизику вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ понималъ ее Вольфъ. Ее нельзя назвать плодомъ стремленій ума познать сущность вещей, еще менѣе системой познаній, пріобрѣтаемыхъ умомъ, такъ—называемымъ путемъ a priori. Необходимость ея основывается на тѣхъ противорѣчіяхъ въ началахъ, какія мы прилагаемъ къ обсужденію вещей и совершающихся въ мірѣ явленій. Ея задача поэтому не познаніе сущности ихъ, а улучшеніе, исправленіе и дополненіе началъ обсужденія до той степени, пока, кроющіяся въ нихъ, противорѣчія не будутъ устранены. Поэтому его метафизика признаетъ опытъ или, лучше, начала, данныя въ опытѣ, за исходную точку своего отправленія къ изслѣдованіямъ и въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, ставитъ себѣ цѣлію практичность, т. е. приложимость къ жизни. Полная связь психологіи съ метафизикой не противорѣчитъ тому, что, по словамъ Гербарта, первая должна быть основана между прочимъ на опытѣ: ибо опытъ служитъ, такъ сказать, почвой для обѣихъ наукъ.

Но кромѣ опыта и метафизики можетъ оказать существенную пользу психологіи и математика. Математическій характеръ психологіи Гербарта существенно отличаетъ ее отъ психологій всѣхъ

---

1) Тамъ же. V. 230.

другихъ школъ. Онъ первый приложилъ математику къ наукѣ о душѣ и такимъ образомъ хотѣлъ возвести ее на степень точной науки. Душевныя состоянія постоянно измѣнчивы и ни одно изъ нихъ не бываетъ на продолжительное время въ одной степени силы: они бываютъ то слабѣй, то сильнѣй. Слѣдовательно, нужно допустить одно изъ двухъ: или въ фактахъ сознанія нѣтъ никакой законной правильности, или они имѣютъ совершенно математическій характеръ [1]). Въ самомъ дѣлѣ самое поверхностное наблюденіе показываетъ уже, что въ психологическихъ фактахъ заключаются количественныя отношенія. Представленія разныхъ степеней напряженія, такъ сказать, спорятъ между собою за сознаніе (ясность), взаимно вытѣсняютъ другъ друга изъ сознанія, ослабѣваютъ или усиливаются. Кратковременность, или продолжительность представленій, большая или меньшая скорость въ смѣнѣ ихъ, даютъ намъ право думать, что они подлежатъ количественнымъ опредѣленіямъ; количественныя же отношенія замѣчаются нами и въ умственныхъ различіяхъ людей. Наше сужденіе объ умѣ человѣка основывается не на одномъ богатствѣ представленій, какимъ владѣетъ кто-нибудь, но скорѣй на быстротѣ, съ какою воспоминаются и смѣняются представленія. Точно также мы говоримъ о силѣ и вѣрности памяти, легкости и трудности соображеній, о малой и обширной памяти [2]). Не нужно бояться трудности математическихъ вычисленій, когда мы хотимъ ихъ прилагать къ измѣренію душевныхъ состояній. Конечно, измѣреніе это не можетъ быть полнымъ, но все-таки есть возможность опредѣлить измѣнчивость величинъ, и величину ихъ самихъ, на сколько они измѣнчивы: на этомъ основывается математическій анализъ. Притомъ, возможно предполо-

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke V. 212 § 7.
[2]) Zeitschrift für die exacte Philosophie. B. III. 314.

жительно принимать законы количественнаго измѣненія и сравнивать опытъ съ вычисленными результатами [1]).

Такимъ образомъ психологія, по мнѣнію Гербарта, должна быть основана на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ, и въ этомъ заключается отвѣтъ на вопросы, *что* и *изъ чего* нужно изъяснять въ психологіи. На первый вопросъ мы имѣемъ отвѣтъ: факты внутренняго опыта; на второй—изъ метафизики и математики [2]). Остается третій вопросъ: въ какомъ порядкѣ мы должны подвергать факты изслѣдованію. Если задача психологіи: объяснять факты внутренняго опыта, то она должна владѣть какими-нибудь началами, изъ которыхъ можно было бы объяснять Какъ же добыть эти научныя начала? Они могутъ быть пріобрѣтены синтетическимъ путемъ и та часть психологіи, которая займется какъ указаніемъ этихъ началъ, такъ и ихъ ближайшихъ слѣдствій, называется синтетическою. Затѣмъ, та часть науки, которая займется собственно подведеніемъ необъясненныхъ явленій къ указаннымъ началамъ, можетъ быть названа аналитическою [3]); при этомъ необходимо держаться общаго правила, по которому неизвѣстное должно быть объясняемо и выводимо изъ извѣстнаго. Общій характеръ душевныхъ явленій, какъ уже не разъ было сказано, составляетъ непостоянство и измѣнчивость. При наблюденіяхъ своихъ мы получаемъ только общія неопредѣленныя впечатлѣнія. Слѣдовательно тѣ факты, наблюденіе которыхъ представляетъ наименьшія трудности, должны предшествовать труднѣйшимъ: ибо въ такомъ случаѣ мы легко можемъ повѣрять умозрѣніе опытомъ [4]).

Только при такихъ методологическихъ правилахъ возможно

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke V. 212. § 8.
[2]) Тамъ же II B. 308—309.
[3]) Тамъ же. V B. 264.
[4]) Тамъ же. B. II. 317.

создать систему твердых психологических началъ и точно изъ нихъ объясненныхъ фактовъ. Безъ тѣхъ особыхъ пріемовъ, какіе указаны выше, психологія необходимо должна вдаться въ отвлеченія и принимать ихъ за дѣйствительные факты, тѣмъ болѣе, что при наблюденіяхъ мы имѣемъ дѣло не съ единичными фактами, а съ выхваченными изъ живой связи отрывками, слѣдовательно своего рода отвлеченіями. Неудивительно поэтому, что въ психологіи укоренилось и получило, такъ сказать, право гражданства отвлеченное понятіе силъ, или способностей. Гербартова школа со всей энергіей возстаетъ противъ пригодности этого понятія въ психологіи. И нельзя не сказать, что ея критика этого понятія весьма сильна и заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Такъ какъ во внутреннемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло съ отвлеченіями и о каждой характеристичной сторонѣ душевной жизни образуемъ особыя понятія, то весьма легко приходимъ къ предположенію разныхъ силъ, дѣйствующихъ въ душѣ и производящихъ указанныя особенности. Такъ какъ въ душевной жизни мы замѣчаемъ моменты познаванія, чувствованія и желанія, то легко образовались въ психологіяхъ понятія силъ, которыя дѣйствуютъ въ душѣ и производятъ ряды разнообразныхъ явленій. Подобная научная практика, по видимому, оправдывалась примѣромъ физики: ибо и въ ней существуютъ понятія силъ, производящихъ разныя явленія. Прежде всего нужно замѣтить, что понятія силъ: познанія, воли и т. д., только одни отвлеченія. Это обыкновенно забывается и силы представляются свойствами, атрибутами существа души. Чтобъ видѣть, что понятія душевныхъ силъ не имѣютъ за собою логической основательности, нужно обратить вниманіе на то, что собственно должны означать эти силы? какую-то возможность, которая впрочемъ не должна быть простою только возможностію, но вмѣстѣ служить и основаніемъ дѣйствительной дѣятельности: они не существуютъ

сами по себѣ какъ самостоятельныя существа[1]), нельзя ихъ назвать и частью существа, но нельзя причислить ихъ и къ разряду несущаго, къ разряду простыхъ только образовъ. Яснѣй всего это видно изъ той практической непригодности указанныхъ понятій, лишь только мы прилагаемъ ихъ къ объясненію дѣйствительной душевной жизни. Съ помощію ихъ намъ неудается хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворительно объяснить особенностей пола, границъ между животною и душевной жизнію, національныхъ и племенныхъ особенностей: они не могутъ быть основаніемъ удовлетворительнаго дѣленія душевныхъ болѣзней, равно какъ основаніемъ педагогической систематики. Также неудачна всякая попытка создать живой образъ конкретной душевной жизни изъ сложенія дѣятельностей разныхъ душевныхъ силъ. Притомъ, чѣмъ точнѣй хотимъ мы поступать въ соотвѣтствіи съ опытомъ, тѣмъ большее количество силъ должны мы допускать и принимать дѣленіе ихъ въ безконечность. Въ ученіи о памяти это уже и допущено: ибо кромѣ памяти мѣста, чиселъ, лицъ, звуковъ нужно было допустить память мелодіи, гармоніи, риѳма и т. д. Такая же необходимость встрѣчается и въ ученіи о разсудкѣ, чувствѣ и т. п. Напрасно приверженцы душевныхъ силъ ссылаются на примѣръ физики. Физика указываетъ на обстоятельства, при которыхъ дѣйствія силы необходимо происходятъ, и по ея предположеніямъ, при неизмѣнныхъ обстоятельствахъ сила всегда одинаково дѣйствуетъ. Ничего подобнаго намъ не говоритъ психологія. Для нея невозможно указаніе на тѣ обстоятельства, при которыхъ дѣйствуетъ способность, на тѣ, при которыхъ она перестаетъ. Она не знаетъ тѣхъ вліяній, которыя въ одномъ возбуждаютъ мыслительную силу, въ другомъ возбуждаютъ волю, а въ третьемъ ни той, ни другой; незнаетъ причинъ, почему въ одной душѣ продолжается дѣятельность, тогда какъ въ другой она давно прекратилась. Во всѣхъ

[1]) Herbarts Sämmtliche Werke V B. 265.

этихъ случаяхъ подъ рукой имѣются одни только неопредѣленныя понятія о различныхъ степеняхъ раздражимости, чѣмъ, конечно, вопросъ далеко не рѣшается. Потому-то психологія охотнѣй говоритъ о способностяхъ, а не силахъ, тогда какъ физика только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ понятію способности. Такимъ образомъ психологія дѣлитъ съ физикой всѣ невыгоды понятія силы, и не имѣетъ ни одной его выгоды. Что сталось бы съ физіологіей, еслибъ въ ней приводилось это понятіе? Она должна была выдумать живую силу, или множество такихъ силъ и объяснять физіологическія явленія дѣятельностію такихъ силъ, а не механическими и химическими взаимодѣйствіями соединяющихся элементовъ. Затѣмъ, какимъ образомъ возможенъ для души переходъ отъ покоя къ дѣятельности въ смыслѣ разбираемой теоріи? Этотъ переходъ силы изъ одной возможности дѣйствовать въ дѣятельность есть уже измѣненіе. Последовательно разсуждая, мы должны для объясненія этого измѣненія допустить новую способность, и представлять ее существующею или *внѣ* дѣйствующей способности, или *въ ней* самой. Въ первомъ случаѣ предполагалась бы новая какъ бы высшая способность души, посредствомъ которой она переводитъ свои силы изъ покоя въ дѣятельность, и такъ какъ для этой силы потребовалась бы новая способность, которая переводила бы и ее изъ покоя въ дѣятельность, то дѣлается необходимымъ безконечный рядъ силъ въ душѣ. Во второмъ случаѣ внутри каждой силы была бы разносторонность, двоесиліе. Съ другой стороны, въ чемъ состоитъ дѣятельность того, что дѣйствуетъ извнѣ на эти силы: внѣшніе ли предметы сообщаютъ отправленіямъ силъ ту качественную особенность, которую мы замѣчаемъ въ душевныхъ состояніяхъ, или самыя силы усвояютъ внѣшнему матеріалу, усвояемому душой, свою качественную особенность. Въ томъ и другомъ случаѣ мы приходимъ къ страннымъ выводамъ [1]).

---

[1]) Zeitschrift fur die exacte Philosophie. II B. 56—65.

Мы видѣли методъ и задачи, какія ставитъ себѣ Гербартъ въ психологіи. Изслѣдованія должны начаться разборомъ чертъ какого-нибудь наиболѣе постояннаго и менѣе измѣнчиваго психическаго явленія, чтобъ за тѣмъ синтетически добраться до психологическихъ началъ, изъ которыхъ должны быть объяснены всѣ другія душевныя явленія. Для начала изслѣдованій онъ избираетъ наше «я», такъ какъ изъ него всего удобнѣй могутъ быть выводимы математически опредѣляемые законы сознанія [1],

Фихте призналъ наше «я» за тожество субъекта и объекта. На опытѣ впрочемъ въ нашемъ «я» находится не одно только самосознаніе *насъ* самихъ и одно только знаніе *о себѣ*. Въ жизни къ сознанію нашего «Я» всегда присоединяется еще сознаніе личныхъ опредѣленій. Мы чувствуемъ себя мыслящими, стремящимися, страждущими и т. п. Вотъ два мнѣнія о нашемъ я, — противорѣчащія другъ другу! По одному—оно должно быть тожествомъ субъекта и объекта, слѣдовательно всегда неизмѣннымъ, внѣ всякихъ личныхъ различій и ограниченій; по другому—оно вѣчно мѣняется смотря по разнообразію душевныхъ состояній. На какомъ же мнѣніи мы должны остановиться? противъ того, чтобъ полагать «я» въ индивидуальности, есть много основаній. [2]) Во-первыхъ, ни въ какую минуту самонаблюденія мы не находимъ вполнѣ своей личности, а должны прибѣгать къ воспоминаніямъ, чтобъ составить полное представленіе о себѣ. Всякую минуту мы представляемъ себя какъ *нѣчто* извѣстное изъ прежняго опыта, и это *нѣчто* всегда бываетъ неопредѣленно, какъ неопредѣленна сумма старыхъ, полузабытыхъ воспоминаній. Слѣдовательно, нельзя точно сказать, кого собственно разумѣемъ мы, когда говоримъ о себѣ, какъ личности. Во-вторыхъ, личныя опредѣленія наши суть ни что иное, какъ агрегатъ, который

---

[1]) Herbarts Sämmtliche Werke B. V. 265.
[2]) Herbarts sämmtliche Werke. V. 270.

образовался постепенно и въ каждую минуту образуется вновь. Еслибы «Я» было такимъ агрегатомъ, то оно вѣчно измѣнялось бы и никогда не закончивалось. Въ самосознаніи же, напротивъ, мы находимъ «я» какъ нѣчто извѣстное, твердое и образовавшееся. Въ—третьихъ: агрегатъ не имѣетъ никакого реальнаго единства: онъ собственно—многое: о себѣ же мы говоримъ, какъ объ одномъ. Въ-четвертыхъ: сумма нашихъ представленій, желаній и личныхъ состояній никогда не образовала бы личности, еслибъ не было еще лица, къ которому относились бы эти личныя состоянія. Въ—пятыхъ: главный характеръ сознанія нашего «я» составляетъ внутреннее знаніе вообще о всякихъ событіяхъ, въ насъ совершающихся. Въ-шестыхъ: субъектъ не можетъ отождествлять съ собой ничего, что не равно ему: слѣдовательно, разнообразныя личныя опредѣленія должны быть удалены изъ нашего «я»: слѣдовательно наше я должно быть ни чѣмъ инымъ, какъ тожествомъ субъекта и объекта.

Обращаясь къ опредѣленію Фихте, мы находимъ въ немъ противорѣчія. Они сводятся къ двумъ главнымъ. Въ «я» по смыслу упомянутаго опредѣленія нѣтъ никакого содержанія; оно неудовлетворительно и по формѣ. Ему недостаетъ предмета (объекта) [1]; кто собственно составляетъ предметъ самосознанія? Отвѣтъ можетъ быть данъ такой, что «я» представляетъ «себя». Это «себя» есть «я». Подстановивъ это опредѣленіе въ первомъ предложеніи, получимъ: «я» представляетъ представляющее «себя» подстановивъ во второмъ вмѣсто «себя», мы получимъ: «я» представляетъ то, что представляетъ представляющее «себя». Кто же, наконецъ, этотъ предметъ представленія? Отвѣта нѣтъ, кромѣ того, что «я» есть представленіе «себя», а «себя» есть свое «я». Этотъ circulus indefiniendo безконеченъ.

---

[1]) Тамъ же. V. 274.

Точно также нѣтъ въ нашемъ «я» и субъекта. [1]) По своему понятію, «я» должно знать о себѣ: что въ немъ мыслится, какъ субъективное, должно становиться въ минуты сознанія для него объективнымъ. Когда мы представляемъ «себя», то наше я становится объектомъ для нашего «я» же, послѣднее съ новымъ актомъ сознанія должно быть также объектомъ для нашего «я»; тоже самое должно повториться и съ послѣднимъ и т. д. въ безконечность. У насъ нѣтъ такимъ образомъ твердаго субъекта, накоторомъ мы могли бы остановиться и къ которому могли бы отнести опредѣляющія черты.

Точно также и по формѣ «я» совершенно неудовлетворительно [2]). Субъектъ долженъ быть объектомъ. Такъ какъ субъектъ есть представленіе самого себя, то это представленіе, воспроизведеніе образа должно быть въ то же время представляемымъ, самымъ образомъ, что̀ очевидно, невозможно.

Всѣ эти противорѣчія возникаютъ главнымъ образомъ изъ двухъ противорѣчащихъ требованій: въ «я» долженъ заключаться отличный отъ него объектъ и въ «я» не можетъ быть никакого другаго объекта кромѣ его самого. Гербартъ приходитъ на этомъ основаніи къ заключенію, что «я» основывается *на многихъ* разнообразныхъ объективныхъ причинахъ, изъ которыхъ каждая, взятая сама по себѣ только, совершенно случайна. Такъ столъ, имѣющій много ножекъ, стоитъ на всѣхъ ихъ, но для него неважно, если какой либо ножки будетъ недоставать: онъ будетъ такъ же твердо стоять на остальныхъ [3]).

Какія же объективныя причины могутъ образовывать представленіе «я»? Говоря о душѣ, мы можемъ предполагать въ ней только психическія причины, слѣдовательно, представленія. Они должны находиться въ такомъ соотношеніи другъ къ другу, чтобъ лицо, имѣ-

---

[1]) Herbarts sämmltiche Werke V. 275.

[2]) Тамъ же. 277.

[3]) Тамъ же. 282.

ющее ихъ, могло высвободиться наконецъ отъ чисто предметныхъ представленій и представлять только само себя. Значитъ представленія должны какъ-нибудь связывать одно другое, потемнять, или уничтожать, чтобъ представленіе «я» могло быть свободнымъ и быть въ сознаніи, благодаря взаимному ослабленію прочихъ представленій [1]).

И такъ представленіе «я» должно основываться на соотношеніяхъ другихъ предметныхъ представленій. Какимъ же образомъ эти другія представленія могутъ участвовать съ образованіи «я»? Такъ ли, что, при извѣстномъ взаимномъ отношеніи, они теряютъ свои отличительныя качества и становятся частями «я»? Но это невозможно по многимъ метафизическимъ соображеніямъ, съ другой же стороны тогда не было бы указанныхъ противорѣчій въ «я» какія несомнѣнно въ немъ есть. Слѣдовательно, если предметныя представленія должны служить причиной образованія «я», то причина эта не можетъ заключаться въ качественномъ ихъ измѣненіи; остается поэтому для нихъ количественное измѣненіе. Но и оно не можетъ касаться самой представляющей силы. Если что можетъ претерпѣвать количественность измѣненія,—то это самыя представленія, тогда какъ сила представленія вообще, какъ дѣятельности, остается одна и таже [2]).

Дѣятельность лица можетъ продолжаться въ одной и тойже силѣ, тогда какъ ея результатъ можетъ быть задерживаемъ въ своемъ появленіи и такъ какъ въ душѣ могутъ дѣйствовать только психическія причины, то и задерживающія силы могутъ быть только психическія: иначе сказать, такъ какъ въ душѣ могутъ быть одни только представленія, то и задерживающія причины могутъ заключаться только въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ такомъ случаѣ сила представленія становится стремле-

---

[1]) Тамъ же 286.
[2]) Тамъ же § 36. 318.

ніемъ [1]). Чтобъ это стремленіе могло сдѣлаться причиной образованія представленія «я», оно, или лучше напряженность представляющей дѣятельности, должно сдѣлаться предметомъ новаго представленія. [2]) Какимъ образомъ дѣлается этотъ шагъ къ созданію «я», мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Гербартъ прерываетъ на этомъ пунктѣ свои изслѣдованія, потому что онъ достигъ уже цѣли, для которой поставилъ ихъ во главу своихъ изслѣдованій.

Два слѣдствія выводитъ Гербартъ изъ своего анализа: вопервыхъ, противоположныя представленія взаимно тѣснятъ, давятъ одно другое, слѣдовательно, потемняются; во вторыхъ, въ мѣрѣ ихъ потемнѣнія, представляющія дѣятельности превращаются въ стремленія. Значитъ, представленія дѣйствуютъ по отношенію другъ къ другу, какъ противудѣйствующія силы. Впрочемъ, они не могутъ быть названы въ реальномъ смыслѣ силами: ибо они становятся ими только при извѣстныхъ обстоятельствахъ именно, въ томъ случаѣ, когда встрѣчаютъ препятствія въ другихъ представленіяхъ [3]). Поэтому должна существовать *мѣра* этихъ силъ и притомъ весьма измѣняющаяся, такъ какъ представленія въ разныхъ степеняхъ бываютъ противоположны другъ другу.

Для математики открывается обширное поле изслѣдованій. Она должна опредѣлить, какъ велика должна быть въ каждомъ данномъ случаѣ степень потемнѣнія, сила давленія, стремленія, и остающаяся свободная часть силы представленія [4]). Такъ какъ постепенное восхожденіе предоставленіи отъ одной степени силы къ другой имѣетъ весьма близкое сходство съ движеніемъ, то Гербартъ создалъ теорію потемнѣнія и проясненія представленій, на подобіе физической теоріи паденія тѣлъ. Онъ допустилъ и въ

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke. V. § 36. 318.
[2]) Тамъ же V 38. 321.
[3]) Тамъ же 322—323.
[4]) Тамъ же 324.

психологіи подраздѣленія этой теоріи на статику и механику. Вопросъ, какъ велико должно быть, при извѣстной силѣ и противоположности представленій, потемнѣніе каждаго изъ нихъ, очевидно, вопросъ статическій. Статика представленій поэтому имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ ученіе о равновѣсіи ихъ. Такъ какъ потемнѣніе и проясненіе представленій происходятъ не вдругъ, а постепенно, то необходимъ новый родъ изслѣдованій: именно, скорости, съ какою происходитъ потемнѣніе, и времени, какое проходитъ до его окончанія. Вопросы этаго рода, очевидно, чисто механическаго характера. Но мы не должны забывать, говоритъ Гербартъ, [1]) изъ-за указаннаго сходства различіе. Въ психологическихъ статикѣ и механикѣ нѣтъ никакого пространственнаго сложенія и разложенія силъ; у насъ нѣтъ угловъ, слѣдовательно синусовъ и косинусовъ, никакого вращательнаго движенія; у насъ нѣтъ безконечнаго пространства, все движеніе представленій заключено между двумя постоянными пунктами: ихъ вполнѣ подавленнымъ и вполнѣ свободнымъ состояніемъ.... за то мы имѣемъ здѣсь совершенно другія понятія.... Вмѣсто тяжести, которая гонитъ тѣла внизъ, мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ и постояннымъ стремленіемъ всѣхъ представленій возвращаться къ свободному состоянію».

И такъ психологическая статика должна имѣть предметомъ своимъ вычисленіе равновѣсія представленій. Двѣ цѣли она должна имѣть въ виду: во-первыхъ, опредѣлить общую сумму давленія и во-вторыхъ, пропорцію, въ какой распредѣляется это давленіе по представленіямъ. Въ этомъ случаѣ она легко можетъ опредѣлить статическій пунктъ каждаго представленія, т. е. степень его потемнѣнія при извѣстномъ равновѣсіи [2]). Если представленія потемняютъ одно другое, потому что они противоположны, то понятно, отчего должны зависѣть сумма и пропорціональное отно-

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke § 40 325—326.
[2]) Тамъ же V. § 14—17.

шеніе давленія. Степени силы и противоположности должны служить, въ этомъ отношеніи, опредѣляющими началами; представленіе должно испытывать давленіе въ обратномъ пропорціональномъ отношеніи къ своей силѣ, и взаимное дѣйствіе одного надругое должно прямо соотвѣтствовать ихъ взаимной противоположности. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Гербартъ не допускаетъ, чтобъ, при встрѣчѣ двухъ представленій самыхъ противоположныхъ, одно изъ нихъ могло бы *совершенно* затемнять другое. Такое совершенное потемнѣніе можетъ случиться только при трехъ и болѣе представленіяхъ. Кто хотѣлъ бы ближе познакомиться съ частными выводами статики, тотъ можетъ найти ихъ въ большой его психологіи [1]; тамъ Гербартъ подробно занимается математическими вычисленіями относительно суммы и отношеній давленія, при полной противоположности представленій [2], и тѣми измѣненіями, какія должны быть въ выводахъ, при меньшей ихъ противоположности [3].

Механика, какъ мы видѣли, должна имѣть предметомъ своимъ законы движенія представленій. Если ко многимъ представленіямъ, которыя были уже близки къ равновѣсію, присоединяется новое, то при этомъ происходитъ движеніе, при которомъ представленіе сначала опускается до своего статическаго пункта и затѣмъ быстро восходитъ. Гербартъ уподобляетъ представленія въ этомъ случаѣ жидкости, которая сначала опускается, а потомъ снова поднимается, если въ нее что нибудь падаетъ [4]. Здѣсь Гербартъ обращаетъ вниманіе на слѣдующіе три случая 1): какое-нибудь старое представленіе можетъ быть совершенно вытѣснено на нѣкоторое время изъ сознанія какимъ-нибудь новымъ гораздо слабѣйшимъ. Въ этомъ случаѣ нельзя представлять, вытѣсненное изъ

---

[1]) Тамъ же V. 328—358.
[2]) Тамъ же V. 335—47.
[3]) Тамъ же V. 347—58.
[4]) Тамъ же V. § 18—19.

сознанія, представленіе совершенно недѣятельнымъ; оно всѣми силами борется съ представленіями, находящимися въ сознаніи. Оно производитъ поэтому извѣстное состояніе сознанія, хотя при этомъ самый предметъ его и не представляется. Гербартъ означаетъ такое состояніе представленій состояніемъ на механическомъ minimum сознанія. Понятіе о предѣлахъ сознанія у Гербарта довольно употребительно и мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Кромѣ механическаго есть еще статическій предѣлъ сознанія [1]): представленіе находится на статическомъ предѣлѣ сознанія, когда оно изъ состоянія полнаго потемнѣнія только-что переходитъ въ сознаніе. Гербартъ называетъ эти предѣлы schwellen des Bewustseins. Мы встрѣчались уже съ этимъ понятіемъ у Фехнера, и, конечно, послѣдній заимствовалъ его у перваго. Противъ пригодности этого понятія въ психологіи собственно едвали можно серьезно возражать. Что представленія то появляются въ сознаніи, то изчезаютъ изъ него, извѣстно всякому изъ опыта. И такъ какъ несомнѣнно есть разныя степени сознанія одного и того же представленія—одно и тоже представленіе въ разныя времена не одинаково ясно сознается нами,—то подобную же постепенность мы должны допустить и при переходѣ ихъ изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное. Нѣтъ сомнѣнія, что есть и предѣлъ, котораго должна достигнуть напряженность представленія, чтобъ оно имѣло minimum сознанія.

Во вторыхъ: Время, въ продолженіе котораго одно, или нѣсколько представленій находятся на механическомъ minimum сознанія, можетъ быть продолжено, если преемственно приходитъ рядъ новыхъ, хотя и слабыхъ, представленій, таково напр. состояніе человѣка при продолжительномъ занятіи.

Въ-третьихъ: если многія представленія одно за другимъ переходятъ на механическій minimum сознанія, то быстро возникаютъ

---

[1]) Herbarts sämtlickhe Werke V. § 16, 18.

кажущіяся внезапными измѣненія въ законахъ душевныхъ движеній; [1]) такимъ образомъ объясняется тотъ фактъ, что иногда теченіе мыслей бываетъ отрывочно, безпорядочно и какъ бы скачками, хотя въ душѣ, какъ и на звѣдномъ мірѣ, не можетъ быть ничего незаконосообразнаго [2]).

Такимъ образомъ противоположныя представленія тѣснятъ другъ друга изъ сознанія. — Но что же дѣлается съ представленіями совершенно одинаковыми, или подобными только въ нѣкоторой степени? Они должны соединяться одно съ другимъ. Основаніе для обоихъ процесовъ, т. е. какъ процеса давленія такъ и — соединенія по мнѣнію Гербарта, заключается въ единствѣ души. Такъ какъ сложныхъ существъ быть не можетъ, то и душа должна быть простымъ, имѣющимъ одно только качество, существомъ. Этого требуетъ единство каждаго существа, которое не можетъ быть въ одно и тоже время единымъ и многимъ. Такъ какъ разныя существа имѣютъ разныя качества, то, при соединеніяхъ, или случайномъ совмѣстномъ бытіи, они должны отрицать другъ друга. Но полнаго отрицанія не можетъ быть: т. е. ни одно существо не можетъ уничтожить другое. Поэтому каждое удерживаетъ свое качество неизмѣнымъ, сохраняетъ себя при каждомъ внѣшнемъ столкновеніи съ другимъ существомъ. У души актами такого самосохраненія служатъ ощущенія, или представленія [3]). Такъ какъ душа имѣетъ характеръ простоты и единства, то всѣ такія самосохраненія должны бы, собственно говоря, слиться въ одно, какъ акты одного и того же единаго и нераздѣльнаго существа [4]). Они,

---

[1]) Тамъ же V. § 21, 20.

[2]) Математическія вычисленія сюда относящіяся помѣщены въ Herbarts sämmtliche Werke V. 396—416.

[3]) Herbarts sämtliche Werke 110. Тамъ же § 153, 266; II B. 319—320.

[4]) Тамъ же V. 359.

дѣйствительно, и представляли бы въ результатѣ одно интенсивное дѣйствіе, еслибъ были совершенно тождественны одно съ другимъ. Но съ противоположными актами этого быть не можетъ, по ихъ несоединимости другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ единство души служитъ причиной взаимнаго давленія представленій [1]). Но есть представленія въ душѣ, которыя, хотя и не тождественны другъ съ другомъ, однако и непротивоположны: таковы напр. цвѣты, тоны, вкусы и т. д. Они должны поэтому соединяться другъ съ другомъ, хотя и не вполнѣ. Съ другой стороны, даже представленія противоположныя могутъ соединяться. Давленіе, какое они оказываютъ другъ на друга, находится, какъ мы уже видѣли, въ прямомъ отношеніи къ силѣ ихъ противорѣчія. Такъ какъ, вопервыхъ, наиболѣе противорѣчащее представленіе не можетъ вполнѣ вытѣснить изъ сознанія, или подавить другое, а вовторыхъ, большая часть представленій только въ малой степени противорѣчатъ одно другому и, слѣдовательно, не могутъ вполнѣ подавлять другъ друга, то и между такими представленіями должны происходить соединенія именно въ той степени, въ какой они обладаютъ сторонами непротиворѣчивыми. Поэтому Гербартъ различаетъ два рода соединеній представленія: во первыхъ соединенія въ собственномъ смыслѣ (complication), которыя составляютъ какъбы одну силу и въ вычисленіяхъ поэтому могутъ быть принимаемы за одну единицу. Сюда относятся представленія различныхъ порядковъ: цвѣтовъ и звуковъ, вкуса и обонянія и т. п. Во вторыхъ: слитія (verschmelzungen), къ которымъ принадлежатъ представленія, одного порядка, такъ напр. разные [2]) цвѣта, или тоны, Гербартъ различаетъ еще соединенія полныя и неполныя. Примѣръ полныхъ представляютъ: вещь со многими признаками и слово,

---

[1]) Тамъ же. V. § 22. 21.
[2]) Тамъ же. V. § 57 361.

какъ знакъ мысли. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти соединенія совершаются между представленіями только тогда, когда они находятся въ сознаніи. Ибо въ безсознательномъ состояніи они не болѣе, какъ стремленія и въ этомъ положеніи, такъ сказать, уединены другъ отъ друга [1]).

Отношенія цѣлыхъ рядовъ подлежатъ тѣмъ же общимъ законамъ, какимъ подлежатъ и представленія. Въ случаѣ своей противоположности, они давятъ и тѣснятъ другъ друга изъ сознанія; въ случаѣ сходства въ цѣломъ, или частяхъ, соединяются въ новые обширнѣйшіе ряды [2]). Гербартъ пытался и для нихъ создать математическую статику и механику [3]). На этомъ процесѣ соединенія представленій основывается и причина ихъ воспроизведенія, или воспоминанія [4]).

Таково содержаніе аналитической части психологіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она представляетъ собою наиболѣе важную часть психологическихъ трудовъ Гербарта. Чтó мы доселѣ говорили, касалось самыхъ важныхъ вопросовъ о методѣ и началахъ психологіи. Можно ли считать психологію прикладною метафизикой? приложима ли математика къ ней? Есть ли душа только простое существо, а представленія ея дѣйствія самосохраненія? — все это вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ цѣлое направленіе науки и плодотворность изслѣдованій.

Относительно перваго вопроса мы видѣли, какъ его рѣшаетъ Гербартъ и какъ часто у него метафизика призывается на помощь въ психологическихъ изслѣдованіяхъ. Психологія заняла у него такое положеніе, какое въ Вольфовой школѣ имѣла Psycho-

---

[1]) Тамъ же. V. § 21. 22.

[2]) Herbarts sämmtliche werke. V 480—504.

[3]) Herbarts sämmtliche Werke V. Von den vollkommenen Complicationen der Vorstellungen 361—370; Von den unvollkommenen Complicationen 371—378. Von den Verschmelzungen 378—395.

[4]) Тамъ же V § 25—32. 23—29. Математическая теорія воспроизведенія представленій изложена V § 81—93. 416—454.

*

logie rationalis. Нѣтъ сомнѣнія, что оно мало шло къ тому настроенію психологовъ, какое существовало въ большей части ихъ со временъ Канта. Въ то время, когда проповѣдывалось, что главное зло для психологіи заключается въ ненужномъ вліяніи на нее метафизики, Гербартъ открыто выразилъ мысль, что психологія есть ни что иное, какъ прикладная метафизика. Считать ли это шагомъ назадъ послѣ того, какъ Кантъ, повидимому, уничтожилъ всякую надежду на метафизику своей критикой чистагo разума? Не думаемъ; ибо во-первыхъ если невозможна теперь строго догматическая метафизика временъ Вольфа, то не слѣдуетъ, чтобъ немыслима была всякая другая метафизика. Во-вторыхъ: что́ бы ни говорили противники вліянія ея на психологію, обойтись безъ нея практически невозможно. При великомъ разнорѣчіи психологическихъ школъ относительно самыхъ началъ науки, невозможно въ критикѣ обойти ученія о самыхъ началахъ; а это по необходимости поведетъ къ метафизическимъ разсужденіямъ. Мы видѣли, какое различіе во взглядахъ на душу у матеріалистовъ, Бенеке и Гербарта. Всѣ они признаютъ опытъ, не отрицаютъ фактовъ психической жизни. Къ какимъ однако противорѣчивымъ взглядамъ пришли они, несмотря на то, что для всѣхъ ихъ существовали одни и тѣже факты? Еслибы мы захотѣли изслѣдовать эти взгляды критически, необходимо должны были бы придти къ вопросамъ, могутъ ли существовать явленія психическія безъ особаго существа, ихъ производящаго? Могутъ ли они быть при тѣхъ причинахъ, какія подставляютъ для нихъ матеріалисты? можетъ ли вообще какое-нибудь существо быть страдательнымъ при совершающихся въ немъ процесахъ? Можетъ ли что-нибудь переходить въ него извнѣ и т. д. Всѣ эти вопросы необходимо вводятъ насъ въ область метафизики У Гербарта связь психологіи съ метафизикой особенно очевидна. Признавъ невозможнымъ метафизически допустить существо съ многими качествами, онъ немогъ, конечно, допустить и въ душѣ многія качества. Какъ мы видѣли, душа имѣетъ, по его мнѣ-

нію, одно простое качество. Нашедши метафизически невозможнымъ процесъ измѣненія, онъ отвергъ и въ душѣ способность измѣняться и всѣ факты душевной дѣятельности подвелъ подъ понятіе дѣйствій самосохраненія. Метафизическія же соображенія главнымъ образомъ побуждали его отвергнуть существованіе въ душѣ способностей. Если она простое существо, какимъ образомъ могутъ быть въ ней многія способности, изъ которыхъ каждая означаетъ въ ней какое-нибудь опредѣленное качество.

Слѣдовательно, безплодно помышлять о томъ, чтобъ психологію поставить совершенно внѣ всякаго вліянія метафизики. Практически это совершенно неудобно. И въ томъ, что Гербартъ пытался возстановить прежнія, хотя и въ новомъ видѣ, отношенія между этими двумя науками, мы видимъ скорѣе шагъ впередъ, чѣмъ назадъ. Теоретическія соображенія всѣ на сторонѣ Гербарта. Еслибъ психологія могла ограничиться одними только классификаціями явленій, тогда она могла бы стать совершенно независима отъ всѣхъ другихъ вліяній. Но она должна быть объяснительной еще наукой — и тутъ должна брать для себя предположенія, которыя не относятся прямо къ ея содержанію. При объясненіи, напримѣръ, дѣйствій на душу внѣшнихъ предметовъ—она не можетъ обойтись безъ предположенія причины и слѣдствія. Повидимому, весьма понятное отношеніе: понятія причины и слѣдствія постоянно употребляются въ наукѣ и общежитіи; безъ нихъ намъ шагу не возможно было бы сдѣлать при объясненій явленій. Но между тѣмъ какъ неточное понятіе о нихъ совершенно безвредно для насъ въ обыкновенной и даже научной практикѣ, въ психологіи всякая неточность обнаруживается тотчасъ весьма вредными послѣдствіями. Въ этомъ отношеніи не будетъ преувеличеніемъ сказать, что психологія есть наука наиболѣе чувствительная къ погрѣшностямъ метафизики. Обратимся къ упомянутому примѣру — причинѣ и слѣдствію. Смотря по тому, будемъ ли мы допускать causam transientem или causam immanentem, мы такъ будемъ и смотрѣть на

отношенія души къ внѣшнему міру. Допустивъ, что дѣйствіе причины заключается въ переходѣ изъ нея производящей силы на то, что называется слѣдствіемъ, мы и въ психологіи будемъ склонны допускать сенсуалистическую теорію отношеній души къ внѣшнему міру. Признавъ метафизически невозможнымъ, или лучше необъяснимымъ дѣйствіе одного тѣла на другое, мы должны будемъ и въ психологіи допустить: или теорію случайности—occasionalismus или лейбницевскую теорію предустановленной гармоніи—praestabilita harmonia.

Тѣ, или другія метафизическія воззрѣнія на причину и слѣдствіе будутъ особенно чувствительны въ психологической теоріи связи души съ тѣломъ. Какъ относиться къ этой связи, въ какомъ видѣ она можетъ быть допущена? Опытъ не даетъ намъ никакихъ указаній для рѣшенія этихъ вопросовъ. Руководясь имъ, мы можемъ сказать, что связь существуетъ — не болѣе. Только метафизика можетъ указать намъ, въ какой формѣ можно представлять себѣ эту связь. Мы уже говорили о томъ, въ какой зависимости отъ ней мы очутились бы, еслибъ захотѣли разъяснить реальное значеніе душевнаго существа; ибо въ этомъ случаѣ мы необходимо коснулись бы общихъ метафизическихъ предположеній о связи въ мірѣ.

И такъ въ общей теоретической мысли о зависимости психологіи отъ метафизики можно согласиться съ Гербартомъ. Но можно, и мы представимъ основанія, что и должно, не соглашаться съ его метафизикой и тѣми выводами и приложеніями, какія онъ дѣлаетъ изъ нея въ отношеніи къ психологіи.

Въ своемъ теоретическомъ ученіи о душѣ Гербартъ выходитъ изъ общихъ метафизическихъ положеній о существѣ, или сущности. Качество сущаго должно быть совершенно положительное, или утвердительное; оно должно быть совершенно простымъ [1])

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke IV. 83.

и недоступнымъ для всякихъ количественныхъ понятій [1]). Слѣдовательно, и качество души, какъ реальнаго существа, должно быть положительнымъ, простымъ и недопускающимъ въ себѣ ничего количественнаго. Въ противномъ случаѣ, она была бы тѣмъ же, что и вещь со многими признаками и свойствами, которая признается Гербартомъ, какъ нѣчто метафизически невозможное и немыслимое. Такое простое свойство души дѣлаетъ невозможными въ ней какія-либо измѣненія: такъ-называемый, процесъ измѣненія вполнѣ для нея невозможенъ. Этотъ процесъ признается Гербартомъ вообще метафизически невозможнымъ: ибо онъ заключаетъ въ себѣ противорѣчія: измѣняющаяся вещь въ одно и тоже время должна существовать и несуществовать; должна существовать: ибо, по старой метафизикѣ, всякое существо неизмѣняетъ своей сущности при всѣхъ измѣненіяхъ; должна несуществовать: ибо она измѣняется, слѣдовательно становится другою, чѣмъ какой была прежде [2]).

Какъ трудно въ психологіи проводить такія понятія—это легко видѣть. Что представляетъ намъ опытъ? онъ вовсе не подтверждаетъ того, чтобъ душа была простымъ качествомъ въ духѣ Гербартовской метафизики. Мы видимъ въ ней разнообразнѣйшія состоянія разныхъ родовъ и видовъ, которыя совсѣмъ непохожи одно на другое: что имѣетъ общаго чувство съ мышленіемъ, стремленіе съ понятіемъ, ощущеніе цвѣта съ ощущеніемъ вкуса? Если же въ душѣ могутъ быть разнообразныя состоянія, то можно ли ее назвать простымъ качествомъ? Простое качество должно оставаться тѣмъ, что оно есть, слѣдовательно, всегда исключать изъ себя всякое разнообразіе. Поэтому: или душа не простое качество, или въ ней недолжно былобъ быть разнообразныхъ состояній.

Нельзя, конечно, сказать и того, что душа непростое су-

---

[1]) Тамъ же. IV. 87.
[2]) Тамъ же, IV. 121—122.

щество, а сложное, состоящее изъ частей. Тогда бы невозможно было объяснить намъ фактъ единства сознанія, который, какъ мы уже видѣли, необходимо требуетъ единства существа. Намъ кажется, что Гербартъ допустилъ смѣшеніе требованій единства съ требованіями простоты существа, и требованій простоты существа съ требованіемъ простоты качества. Чтобъ быть простымъ существомъ, нѣтъ фатальной необходимости быть простымъ качествомъ. На разныя внѣшнія вліянія душа можетъ отзываться разнообразными состояніями, оставаясь въ тоже время совершенно простымъ существомъ. Многія состоянія не указываютъ въ ней на множество качествъ, которыя должны были бы быть въ такомъ случаѣ наслоены въ ней механическимъ образомъ. Требованіе простоты въ душѣ, собственно говоря, выражаетъ только то, чтобъ мы не смотрѣли на существо души, какъ на нѣчто механически сплоченное изъ разныхъ свойствъ и качествъ. Далѣе, чтобъ имѣть характеръ единства, душа не должна необходимо быть простымъ существомъ. Тамъ, гдѣ Гербартъ говоритъ о противорѣчіяхъ, будто бы заключающихся въ понятіи вещи съ многими признаками, онъ смѣшиваетъ оба упомянутыя требованія. Вещь не можетъ быть въ одно и тоже время одной и многимъ, т. е. состоящей изъ многихъ свойствъ и качествъ, слѣдовательно она должна быть простымъ существомъ,—такъ заключаетъ Гербартъ. Еслибъ онъ разумѣлъ то, что вещь не можетъ быть однимъ существомъ и въ тоже время многими другими, то это понятно было бы, по логическимъ законамъ противорѣчія и тожества, и никто не сталъ бы противорѣчить ему. Но Гербартъ хочетъ сказать нѣсколько болѣе: что одно существо не можетъ имѣть разнообразныхъ свойствъ. Устранивши неточность выраженій, мы не видимъ необходимости, почему нельзя было бы допустить, «чтобы одно существо могло имѣть разнообразныя качества»; существо можетъ имѣть въ себѣ характеръ единства, хотябы и имѣло разнообразныя свойства; точно также какъ въ многочленномъ организмѣ можетъ быть выражена одна идея, —

или въ одномъ понятіи можетъ заключаться множество признаковъ, или, какъ математическая формула можетъ обнимать собою совокупное дѣйствіе многихъ силъ вмѣстѣ. По отношенію къ душѣ, необходимо предполагать въ ней характеръ единства, который дѣлаетъ ее существомъ самостоятельнымъ. Но при немъ нѣтъ нужды требовать для нея непремѣнно простоты существа: единство ея существа можетъ выражаться въ томъ, что въ ней извѣстнымъ образомъ соединены извѣстныя свойства и качества, но такъ, что на всемъ, такъ сказать, протяженіи существа ея господствуетъ одинъ характеръ, одинъ законъ; въ этомъ смыслѣ ее можно назвать идеей, реально воплощенной во многихъ качествахъ. Такое воззрѣніе на нее, кажется, ближе будетъ удовлетворять факту способности ея къ разнообразнымъ состояніямъ.

Точно также невозможно въ ученіи о душѣ избѣгнуть понятія измѣненія. Гербартъ призналъ процесъ измѣненія метафизически невозможнымъ и отвергъ его существованіе въ психическомъ мірѣ. Но безъ этого понятія невозможно объяснить ни различныхъ родовъ дѣятельности души, ни факта ея развитія. Если мышленіе и чувство, стремленія и понятія—разныя состоянія души, то какже они возможны были бы въ неизмѣнной душѣ? Если душа отъ состоянія стремленія къ чему-нибудь переходитъ къ чувству горести, или радости, то неужели въ ней не происходитъ при этомъ никакихъ измѣненій? Притомъ же фактъ развитія станетъ немыслимымъ, если мы не допустимъ въ душѣ способности измѣняться. Какъ бы мы ни представляли себѣ развитіе души, оно необходимо должно основываться на какихъ-нибудь измѣненіяхъ въ ней. Чтó было слабо, то должно дѣлаться современемъ въ ней сильнымъ, количество разнообразныхъ въ ней состояній должно умножаться, она должна пріобрѣтать навыкъ къ извѣстнымъ дѣятельностямъ и т. п. Какъ бы ни было, ея существо при этомъ должно претерпѣвать какія-нибудь измѣненія. Разумѣется, невозможно представлять себѣ измѣненій касающимися сущности ея—того, чѣмъ она отличается

отъ всякихъ другихъ существъ; въ такомъ случаѣ измѣненія были бы превращеніями, примѣра которыхъ мы не видимъ на опытѣ. Оно должно происходить въ извѣстныхъ границахъ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы малы они ни были, измѣненіе все-таки есть. Метафизическія затрудненія его вовсе не такъ важны, какъ полагаетъ Гербартъ. Если представлять себѣ существо простымъ качествомъ, тогда, конечно, измѣненіе становится немыслимымъ: ибо лишь только это качество хотя немного измѣнилось, оно становится другимъ; тогда мы имѣлибъ дѣло уже съ новымъ существомъ. Но мы уже сказали выше, что нѣтъ необходимости и противно опыту даже представлять себѣ существо вообще подъ видомъ простаго качества. Слѣдовательно, измѣненіе можетъ касаться, такъ сказать, реальной части существа, оставляя существенную его идею — то, чѣмъ оно отличается отъ всякаго другаго—неизмѣнной. При этомъ оно всегда будетъ удерживать свой отличительный характеръ, измѣняясь въ своихъ, такъ сказать, подробностяхъ.

Что́ подстановляетъ Гербартъ на мѣсто понятія измѣненія? какъ мы уже видѣли, — понятіе самосохраненія. Въ существѣ ничего измѣняться не можетъ. Если опытъ представляетъ намъ перемѣны въ существахъ то, по методу отношеній, это основывается на совмѣстномъ бытіи многихъ простыхъ существъ вмѣстѣ [1]). Лишь только мы представимъ себѣ многія существа порознь, такъ сказать, уединенными, никакого измѣненія быть неможетъ; но они могутъ находиться вмѣстѣ, могутъ, такъ сказать, оспоривать мѣсто одно у другаго. Поэтому, каждое изъ нихъ должно развивать противодѣйствіе другому, должно оказывать дѣйствіе самосохраненія, особенно когда въ силу своей противоположности одно существо является отрицаніемъ другаго. Съ расхожденіемъ существъ должны уничтожаться и дѣйствія

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke IV. § 229. 126—127.

ихъ самосохраненія. Для наблюдателя со стороны это перемѣнное бытіе существъ вмѣстѣ и невмѣстѣ кажется измѣненіями признаковъ вещей; между тѣмъ, ни качественная, ни количественная ихъ стороны, въ сущности, не подвергается никакому измѣненію [1]).

Въ психическомъ мірѣ ощущенія и представленія представляютъ дѣйствія самосохраненія. Они указываютъ не на то, что внѣшніе предметы дѣйствуютъ на душу и производятъ въ ней измѣненія состояній, а на то, что, случайно находясь съ другими реальными существами вмѣстѣ, душа выражаетъ свое самосохраненіе ощущеніями и представленіями, все равно какъ во внѣшнемъ мірѣ въ подобныхъ случаяхъ замѣчаются нами явленія упругости и непроницаемости. Въ этомъ случаѣ, Гербартово понятіе самосохраненія или недостигаетъ цѣли, для какой установлено, т. е. не замѣняетъ понятія измѣненія, или совпадаетъ совершенно съ послѣднимъ, слѣдовательно, излишне. Спрашивается, въ чемъ состоятъ ближайшимъ образомъ дѣйствія самосохраненія души? Если эти дѣйствія совершаются не внѣ души, а въ ней самой, то они не могутъ быть для нея чѣмъ-нибудь совершенно внѣшнимъ, постороннимъ. Если же они — состоянія души, и притомъ разнообразныя, то она должна претерпѣвать при этомъ нѣкоторое измѣненіе въ своемъ существѣ: ибо измѣненіе и состоитъ въ переходѣ существа изъ одного состоянія въ другое. Съ другой стороны, если Гербартъ называетъ дѣйствіями самосохраненія то, что мы называемъ измѣненіями, то весь споръ будетъ заключаться въ словахъ только. Фактъ, какъ бы мы его ни назвали, остается фактомъ.

Къ числу характеричныхъ чертъ Гербартовой психологіи можно отнести и то, что она пытается приложить математику къ психологіи. Гербартъ первый пришелъ къ мысли о приложимости

---

[1]) Тамъ же. IV § 232 132.

первой въ ученіи о душѣ. Основаніе для этого онъ находитъ въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, какія несомнѣнно есть въ душевныхъ состояніяхъ. Именно, они имѣютъ, въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ, разныя степени напряженности. Соображая теоретически только, нельзя и не согласиться съ Гербартомъ. Душевными состояніями долженъ же управлять какой–нибудь законъ, по которому они при однихъ обстоятельствахъ бываютъ напряженнѣй, при другихъ слабѣй. Долженъ также быть законъ, по которому совершаются правильные переходы ихъ отъ одной степени силы къ другой. Этотъ законъ долженъ быть математическій. Но при этомъ мы должны помнить и тѣ трудности, какія, можетъ быть, навсегда могутъ сдѣлать безуспѣшными попытки приложить математику къ психологіи. Главное затрудненіе заключается въ томъ, что въ психологіи мы не имѣемъ твердой единицы, которою могли бы измѣрять напряженность состояній. Какое душевное состояніе примемъ мы за твердую единицу? Или, какую степень напряженности ихъ можемъ принять за нормальную? И чѣмъ будемъ измѣрять душевныя состоянія? Если нельзя установить общей нормальной степени напряженности для представленій, чувствъ и стремленій, то прійдется каждое душевное состояніе измѣрять имъ же самимъ: ибо между самыми душевными состояніями есть несоизмѣримость, по которой представленія составляютъ совсѣмъ отличный родъ явленій отъ чувствъ и стремленій. Съ другой стороны, чрезвычайная сложность и спутанность душевныхъ явленій едвали когда–нибудь будутъ обняты какою–нибудь математическою формулой: ибо, если гдѣ, то въ душевномъ мірѣ, всякое душевное состояніе въ данной степени напряженности есть слѣдствіе безконечнаго рода причинъ. Можетъ быть, и математическій геній Лапласа сталъ бы въ затрудненіе предъ психологическими задачами.

Разбирая самую попытку Гербарта, мы видимъ, что не со-

всѣмъ вѣрныя начала положены имъ въ основаніе его математическихъ выкладокъ. Противоположныя представленія должны вытѣснять одно другое изъ сознанія, говоритъ Гербартъ; мѣра противоположности ихъ опредѣляетъ силу давленія. Но гдѣ же единица для опредѣленія этой противоположности? Притомъ, какую разумѣть еще противоположность? Логическая не можетъ имѣть особаго значенія въ отношеніяхъ представленій: ибо, во первыхъ, процесъ борьбы совершается прежде, нежели мышленіе начнетъ ихъ соединять по своимъ законамъ. Ихъ движенія принадлежатъ къ области безсознательной жизни: ибо сознаніе имѣетъ дѣло уже съ готовыми отношеніями представленій; оно, такъ сказать, освѣщаетъ только готовые продукты механическаго процеса. Во вторыхъ, логическія противорѣчія въ представленіяхъ, какъ формальныя, не могутъ имѣть мѣста въ чисто-реальныхъ процесахъ. Тогда выходило бы, что наибольшее давленіе было бы, напримѣръ, между представленіемъ А зеленаго цвѣта и—А незеленаго. Но въ реальномъ мірѣ ничего только незеленаго нѣтъ, а всё непремѣнно имѣетъ какой-нибудь положительный признакъ. Слѣдовательно, Гербартъ имѣетъ въ виду реальныя противорѣчія. Въ этомъ отношеніи нужно замѣтить, что онъ возводитъ въ противорѣчія то, что въ сущности не есть противоположность или противорѣчіе, а скорѣй, такъ-называемая, диспаратность. По Гербарту представленіе зеленаго должно вытѣснять изъ сознанія представленіе голубаго: ибо они противоположны одинъ другому. Но голубой цвѣтъ вовсе не противоположность зеленаго и вовсе не составляетъ его отрицанія въ реальномъ смыслѣ. Положимъ, намъ трудно удерживать въ сознаніи представленіе зеленой и голубой полосы разомъ; однако мы легко представляемъ себѣ заразъ зелень съ голубымъ небомъ и вовсе при этомъ не находимъ совмѣстное и одновременное представленіе ихъ ни труднымъ, ни страннымъ. Тоже самое должно сказать о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Они совер-

шенно, такъ сказать, равнодушны въ реальномъ смыслѣ другъ другу, какъ равнодушны въ этомъ отношеніи и тоны: ибо также нельзя сказать, что низшій тонъ есть противорѣчіе, или заключаетъ въ себѣ противоположность высшему.

Слѣдовательно, остается сказать болѣе точнымъ образомъ, что представленія вытѣсняютъ другъ друга изъ сознанія на основаніи своего различія. Но въ простыхъ представленіяхъ (простыя представленія на языкѣ Гербарта тожественны съ ощущеніями, и къ нимъ собственно относятся математическія вычисленія Гербарта), если не станемъ обращать вниманія на формальныя разности, всѣ степени различія могутъ заключаться только въ степеняхъ силы, въ другихъ же отношеніяхъ почти невозможно измѣрять ихъ различія. Напримѣръ, можно различать разныя степени силы краснаго, зеленаго цвѣтовъ, высоты и низости, густоты тона и т. д. Но какимъ образомъ возможно указать, въ какой степени красный цвѣтъ различенъ отъ зеленаго сравнительно съ голубымъ, или насколько больше разница зеленаго отъ фіолетоваго, чѣмъ зеленаго отъ желтаго. Между тѣмъ законы, выведенные Гербартомъ, говорятъ: что представленія вытѣсняютъ другъ друга изъ сознанія *по мѣрѣ своей противоположности*, что они борятся одно съ другимъ въ силу той же противоположности и т. д. Къ какимъ же въ дѣйствительности представленіямъ должны прилагаться эти законы?

Поэтому остается только различіе представленій по степени силы и ихъ диспаратность, и это собственно могло бы послужить для Гербарта исходными началами для математическихъ вычисленій. Но въ такомъ случаѣ составленная имъ теорія должна потерпѣть существенныя измѣненія: ибо въ основаніе ея положено начало противоположности представленій.

Въ синтетической части психологіи Гербартъ занимался основными началами и законами душевной жизни. Въ аналитической онъ старается приложить добытые результаты къ явленіямъ душевной жизни въ частности.

Изъ фактовъ душевной жизни выдѣляются прежде всего группы, въ старыхъ психологіяхъ называвшіяся дѣятельностями способностей представленія, чувства и воли. Вотъ первый предметъ изслѣдованія, на которомъ Гербартовы начала должны оказаться достигающими своей цѣли, или недостаточными. Какъ мы уже видѣли, онъ отвергъ существованіе въ душѣ разныхъ отдѣльныхъ способностей. Онъ призналъ въ ней одну только способность къ дѣйствіямъ самосохраненія,—или къ представленіямъ. Между тѣмъ фактъ чувства и воли—все-таки есть несомнѣнный психологическій фактъ. Отвергать его невозможно, слѣдовательно, нужно объяснить его. И такъ какъ самостоятельнаго значенія онъ не признаетъ за ними, то нужно доказать ихъ производность и выводимость изъ другаго основнаго дѣйствія души, или представленія.

Откуда же нужно выводить ихъ? Состоянія чувства и стремленій суть состоянія сознанія, слѣдовательно, искать причинъ ихъ нужно въ области сознанія т. е. той области представленія, которая свободна отъ всякаго давленія другихъ представленій. Этимъ признакомъ ихъ устраняется возможность объяснять ихъ помощію тѣхъ безсознательныхъ процесовъ, о которыхъ между прочимъ говорили статика и механика.[1]) Поэтому мы не должны искать объясненій для упомянутыхъ сознательныхъ состояній, во-первыхъ, въ *стремленіи представлять*, ибо это стремленіе безсознательно: Во-вторыхъ: опусканіе представленія также не можетъ быть причиной состояній воли и стремленій, ибо опускающіяся представленія въ той мѣрѣ изчезаютъ изъ сознанія, съ какой они опускаются. Значитъ, остается, для объясненія упомянутыхъ состояній, одно

---

[1]) Herbarts sämmtliche Werke V. 73.

только пребываніе многихъ представленій въ сознаніи, и восхожденіе ихъ къ болѣе ясному сознанію. [1])

Относительно пребыванія представленій въ сознаніи мы должны различать слѣдующіе случаи.

Представленіе просто находится въ сознаніи. Причина этого можетъ заключаться или въ томъ, что извѣстное представленіе само собственною силой соблюдаетъ равновѣсіе съ вытѣсняющими силами, или въ немъ уравновѣшивается борьба другихъ силъ. Въ первомъ случаѣ оно спокойно находится въ сознаніи: ибо давленіе другихъ представленій совершенно уравновѣшено, удовлетворено, такъ сказать. Во второмъ случаѣ давленіе не можетъ быть вполнѣ удовлетворено, оно продолжается, только представленіе не вытѣсняется изъ сознанія, потому что оно связано съ другими, которыя [2]), въ силу напр. асоціаціи, не отпускаютъ его отъ себя. Какъ же назвать это состояніе сознанія, спрашиваетъ Гербартъ, когда въ немъ одно представленіе какъ бы сдавлено другими представленіями, если не чувствомъ?

Представленіе изъ яснаго переходитъ еще къ болѣе ясному сознанію. Нужно при этомъ различать, переходитъ ли оно само собою, или встрѣчаетъ на пути препятствія, которыя не настолько сильны, однакожъ, чтобъ совершенно помѣшать его восхожденію. Такія различія немогутъ оставаться незамѣченными сознаніемъ. Если они не становятся предметомъ новыхъ представленій, то во всякомъ случаѣ сознаніе испытываетъ въ этихъ разныхъ случаяхъ какія-нибудь перемѣны. Стремленіе, или желаніе, и состоитъ въ такомъ состояніи сознанія, при которомъ одно какое нибудь представленіе восходитъ къ болѣе и болѣе ясному сознанію, несмотря на всѣ препятствія со стороны другихъ представ-

---

[1]) Тамъ же V. 74.
[2]) Тамъ же V. 75.

леній и своимъ положеніемъ опредѣляетъ положеніе и отношенія всѣхъ другихъ представленій, такъ какъ съ каждымъ шагомъ его къ болѣе ясному сознанію, по необходимости, должны измѣняться взаимныя отношенія къ нему другихъ представленій. [1])

Такова попытка Гербарта вывести главные виды душевной дѣятельности изъ одного вида ея—представленій. Воля и чувство не имѣютъ у него значенія самостоятельныхъ дѣятельностей, они, такъ сказать, побочныя состоянія представляющаго сознанія. Такимъ образомъ представленія служатъ почвой, на которой развивается все разнообразіе душевной жизни. И однако, выведеніе способностей чувства и воли изъ состоянія представленій нельзя считать удавшимся. Представимъ себѣ душу способную только представлять, но не способную къ движеніямъ чувства и стремленіямъ. Представленія могутъ находиться въ тѣхъ же положеніяхъ, на какія указываетъ Гербартъ. Предположимъ первый случай, когда представленіе, такъ сказать, сдавлено между другими представленіями и только этому обстоятельству обязано тѣмъ, что, несмотря на давленіе другихъ представленій, не изчезаетъ изъ сознанія. Если душа не способна къ чувствамъ, то и такое состояніе сознанія не вызоветъ въ ней никакихъ ощущеній, которыя мы называемъ явленіями чувства. Можетъ быть, въ такой душѣ возбудилось бы представленіе тѣсной связи между представленіями, но ничего похожаго на чувства. Точно также и во второмъ случаѣ, если душа не способна къ стремленіямъ, предполагаемый Гербартомъ процесъ не оканчивался бы появленіемъ желанія: представленія боролись бы съ препятствіями подобно тому какъ въ теоретическомъ мірѣ проведеніе въ системѣ одной идеи весьма часто встрѣчаетъ затрудненія въ разныхъ противорѣчащихъ понятіяхъ. Въ душѣ, безъ чувства и воли, могла бы происходить

---

[1]) Herbarts sämmtliche werke V. 76.

безконечная смѣна представленій, понятій и умозаключеній и ничего болѣе. Если намъ трудно представить себѣ такое существо, то, конечно, потому, что мы способны развивать въ себѣ, кромѣ представленій, еще стремленія и движенія чувства. И если выведеніе Гербарта кажется намъ съ перваго взгляда естественнымъ, то это происходитъ оттого, что, благодаря, указаннымъ способностямъ, мы находимъ естественнымъ, чтобъ душа, въ упомянутыхъ положеніяхъ развивала въ себѣ явленія чувства и воли. Самъ Гербартъ тайно предполагаетъ указанныя способности и онѣ являются у него какъ Deus ex machina. Не говоримъ уже о томъ, что онъ въ такомъ важномъ научномъ пунктѣ, пользуется образными выраженіями, которыя легко даютъ понять, какъ естественно извѣстныя положенія представленій возбуждаютъ въ душѣ чувства,—но не уясняютъ того, какъ они *образуютъ* его. Между тѣмъ читатель легко смѣшиваетъ оба дѣйствія и первое принимаетъ за послѣднее, удовлетворяясь отвѣтомъ тогда, когда онъ весьма далекъ отъ него.

Тоже отрицаніе какихъ-нибудь первоначальныхъ предрасположенностей души къ разнымъ формамъ дѣятельности руководитъ Гербарта при анализѣ и другихъ душевныхъ явленій. Вопреки Канту онъ отвергаетъ прирожденность формъ воззрѣнія: пространства и времени. Чтобъ не распространяться слишкомъ, мы остановимся на его теоріи происхожденія въ душѣ пространственныхъ представленій и самаго пространства. Разнородность, возбуждаемыхъ вещами, представленій не позволяетъ душѣ соединять ихъ въ одно нераздѣльное интенсивное дѣйствіе: поэтому она должна представлять ихъ одно внѣ другаго. Но такъ какъ, во-первыхъ, представленія эти сами по себѣ бываютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ однородны, а во-вторыхъ душа, по единству своему, не можетъ совершенно уединять отдѣльныя свои дѣйствія, то она должна удерживать представленія свои одно вмѣстѣ съ другимъ и одно подлѣ другаго. Порядокъ ихъ тотъ же

самый, въ какомъ они возбуждались въ душѣ. На этихъ простыхъ условіяхъ основывается все развитіе пространственныхъ представленій и самаго пространства. [1])

Какъ мы видѣли, представленія соединяются въ ряды и воспроизводятся послѣдовательно одно помощію другаго. Послѣ того, какъ между ними образовалась прочная связь, порядокъ ихъ воспроизведенія всегда остается одинъ и тотъ же. Представляющее лицо замѣчаетъ, что представленія его располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, что одно представленіе указываетъ другому свое мѣсто, что каждое находится подлѣ другаго и между другими. [2]) На этомъ психологическомъ процесѣ основывается главная черта представленія пространственности: partes extra partes. Далѣе, представленія имѣютъ неограниченную возможность входить въ разныя соединенія съ другими представленіями и степени соединенія ихъ также могутъ быть безконечно различны. Па этомъ психологическомъ фактѣ основывается, по мнѣнію Гербарта, безконечная дѣлимость пространства. [3])

Что же такое представленіе самаго пространства? Въ психологическомъ отношеніи оно есть ни что иное, какъ потемнѣнное сознаніе множества представленій, сгруппированныхъ вмѣстѣ и одно подлѣ другаго—по всѣмъ направленіямъ [4]); *потемнѣнное* сказали мы: ибо представленія тѣснятъ другъ друга изъ сознанія и потому производятъ вмѣстѣ смутное сознаніе ихъ общей связи.

Мы видимъ такимъ образомъ рѣшительное намѣреніе Гербарта обойтись безъ всего, что напоминало бы прирожденныя душѣ способности и формы. Въ вопросѣ о категоріяхъ онъ также про-

---

[1]) Herbarts sämmtliche werke B. VI. 119.
[2]) Тамъ же VI. 127.
[3]) Тамъ же VI. 128.
[4]) Тамъ же VI. 143.

водитъ свою любимую мысль. [1]) Они также *образуются* въ душѣ, какъ и пространственныя представленія. Но доказать дѣйствительное *образованіе* въ этомъ пунктѣ очень трудно. Обратимся къ упомянутымъ пространственнымъ представленіямъ; если они обязаны своимъ происхожденіемъ соединенію и воспроизведенію представленій, то почему же тоны не располагаются нами въ пространственномъ порядкѣ? и это странно тѣмъ болѣе, что въ тонахъ мы имѣемъ дѣло съ одинаковыми законами соединенія и воспроизведенія, какъ и для всякихъ другихъ представленій. Притомъ, вездѣ во всей психологической теоріи пространства и пространственныхъ представленій Гербартъ предполагаетъ пространственность, какъ нѣчто готовое, хотя и старается вывести фактъ ея изъ другихъ фактовъ. Свою теорію начинаетъ съ того, что разныя представленія, именно вслѣдствіе своего различія, должны быть одно внѣ другаго. Одно *внѣ* другаго есть уже пространственное понятіе,—такъ какъ существенный характеръ пространства есть существованіе partes extra partes. Такимъ образомъ Гербартъ предполагаетъ готовымъ то, что нужно вывести. Въ томъ и заключается затрудненіе для всѣхъ, кто хотѣлъ бы обойтись въ ученіи о душѣ безъ предположенія въ ней наклонности къ развитію, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, извѣстныхъ формъ дѣятельности, что практически нельзя обойтись безъ него. Всѣ попытки вывести ихъ изъ какой-нибудь основной формы дѣятельности души будутъ страдать именно указаннымъ недостаткомъ.

Намъ нѣтъ нужды распространяться далѣе объ аналитической части Гербартовой психологіи: ибо она есть ни что иное какъ приложеніе общихъ началъ синтетической части. Какія эти начала, мы уже видѣли. На нихъ-то главнымъ образомъ основывается все значеніе Гербартовыхъ трудовъ по психологіи, и

---

[1]) Тамъ же IV. 175.

по нимъ мы должны оцѣнивать его заслуги для этой науки. Основанная имъ, и теперь довольно распространенная школа, слѣдуетъ въ точномъ смыслѣ по стопамъ своего учителя. Какихъ-нибудь значительныхъ преобразованій ею не предпринято: она осталась вѣрной болѣе, чѣмъ одному духу своего учителя. Потому мы весьма справедливо могли говорить: Гербартъ, или Гербартова школа: ибо послѣдняя говоритъ тоже самое.

Гербартъ стремился придать точный характеръ наукѣ о душѣ: онъ пользовался, какъ мы видѣли, тремя могущественными пособіями: опыта, метафизики и математики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если когда суждено будетъ психологіи сдѣлаться вполнѣ точной наукой, то конечно только при помощи тѣхъ же, указанныхъ Гербартомъ, средствъ. Можно не соглашаться съ его метафизикой, можно считать его приложеніе математики къ психологіи не совсѣмъ удавшимся. Но нельзя не согласиться, что метафизика можетъ дать вѣрныя начала для психологіи и что математическая психологія есть научная мечта, для которой стоитъ предпринимать даже неудачныя попытки.

Гербарту удалось однакожъ сообщить психологіи точный характеръ. Какимъ-нибудь сборомъ разсужденій о психологическихъ фактахъ никакъ нельзя назвать ее. Всякій фактъ анализируется съ замѣчательной силой анализа. Въ слишкомъ последовательномъ и постепенномъ разборѣ каждаго вопроса есть что-то утомляющее. Но таковы и должны быть строго научныя изслѣдованія.

Гербартъ—реалистъ въ метафизикѣ, поэтому и психологія его имѣетъ реальный характеръ. Мы видѣли, что онъ душу считаетъ за одно изъ реальныхъ существъ и прилагаетъ къ ней тѣ же метафизическія предположенія, какія онъ нашелъ логически возможными по отношенію къ реальному существу вообще. Съ другой стороны, какъ реалистъ, Гербартъ занятъ преимущественно тѣмъ, чтобъ указать причинную связь между душевными явленіями. Классификація ихъ у него дѣло второстепенное, въ указаніе же

значенія и смысла формъ душевной жизни онъ совсѣмъ не входитъ. Въ этомъ отношеніи всего скорѣй къ Гербартовой психологіи идетъ названіе естественно научной: ибо и естественныя науки имѣютъ такія же цѣли и занимаются преимущественно изслѣдованіемъ причинной связи между явленіями.

ГЛАВА VI.

ИДЕАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Значеніе психологіи въ Гегелевской школѣ.—Методъ ея.—Выведеніе понятія духа и мѣсто психологіи между философскими науками.—Дѣленіе ея.—Критическій обзоръ антропологіи.—Непригодность діалектическаго метода въ наукѣ о душѣ.—Значеніе и недостатки Гегелевской психологіи.

Изъ направленій своеобразныхъ намъ остается разсмотрѣть направленіе Гегелевской психологіи. Оно представляетъ намъ совершенно новую точку зрѣнія на психологическую науку. Со всѣми, такъ называемыми, эмпирическими направленіями оно не имѣетъ ни малѣйшаго сходства. Всѣ они относятся, по ея мнѣнію, къ числу исторически пережитыхъ точекъ зрѣнія. Методъ наведенія, какъ эмпирическій, не имѣетъ у него ни малѣйшаго доступа въ науку о душѣ. Въ разсмотрѣніе причинныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ развитіе душевной жизни, Гегелевская психологія также совсѣмъ не входитъ. Она поэтому одинаково враждебна какъ натуралистическимъ направленіямъ Вундта и Фехнера, такъ спиритуалистическимъ Бенеке и Гербарта.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что психологія не имѣетъ въ Гегелевской школѣ, а тѣмъ болѣе у самого Гегеля, самостоятельнаго интереса и значенія. Вниманіе цѣлой школы устремлено главнымъ образомъ на логически-метафизическіе вопросы и вопросы права. Оттого, между тѣмъ какъ литература по этимъ вопросамъ весьма обширна въ Гегелевской школѣ, но отдѣлу психологической науки можно указать, какъ собственно научное сочиненіе, на одинъ только трудъ Розенкранца [1]). Сочиненіе Эрдмана [2]) относится скорѣй къ разряду популярныхъ сочиненій. Поэтому упомянутый трудъ Розенкранца и извѣстная часть энциклопедіи Гегеля и служили для насъ матеріалами для этой части нашего сочиненія. Что психологія не имѣетъ въ Гегелевской школѣ самостоятельнаго интереса—этому нельзя, конечно, удивляться. Ни въ какой другой философіи мы не видимъ такой полной зависимости науки о душѣ отъ метафизическихъ убѣжденій. Въ вопросѣ о методѣ она совершенно не имѣетъ никакого собственнаго голоса. А извѣстно, что методъ главнымъ образомъ и составляетъ *суть* Гегелевской философіи. Психологія сдѣлалась поэтому не болѣе какъ однимъ изъ многихъ примѣровъ движенія понятія. Съ другой стороны, содержаніе ея, какъ субъективное, не могло привлекать къ себѣ интереса школы, для которой главное—объективное развитіе идеи и объективныя формы его, какъ наиболѣе совершенныя; такимъ образомъ, психологія Гегелевской школы не можетъ похвалиться особенной разработкой.

Говоря о психологіи Гегелевской школы, мы должны оговориться о значеніи самого слова. Собственно говоря, психологія имѣетъ обширнѣйшій объемъ у Гегеля. Всю его философію духа можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать психологіей: а что обык-

---

[1]) Psychologie oder die Wissenschaft vom subjectiven Geiste von Rosenkranz. III Auflage. 1863.

[2]) Psychologische Briefen.

новенно называется этимъ именемъ, составляетъ у него только часть философіи духа, именно—ученіе о такъ называемомъ субъективномъ духѣ.

Опытная психологія, выходящая изъ наблюденій, не имѣетъ по словамъ Гегеля [1]), спекулятивнаго, т. е. собственно философскаго значенія. Она неспособна вывести соединеніе единичнаго и всеобщаго, и вести къ познанію конкретной натуры, или понятія духа. Она разлагаетъ духъ на множество способностей, какія находитъ въ опытѣ, вовсе не заботясь о томъ, чтобъ, посредствомъ вывода ихъ изъ понятія духа, доказать, что въ немъ именно такія, а не другія *должны* находиться способности. Съ этимъ формальнымъ недостаткомъ тѣсно соединяется и другой касающійся самого содержанія. Разныя особенности, находимыя его въ духѣ, принимаютъ характеръ какихъ-то неподвижныхъ ограниченій, такъ что духъ становится случайнымъ соединеніемъ самостоятельныхъ силъ, которыя находятся во взаимодѣйствіи. Она лишаетъ духъ такимъ образомъ его духовности.

Точно также и старая раціональная психологія не можетъ обнять натуры духа. Она ищетъ опредѣленій духа самого въ себѣ, и опредѣляетъ его по обыкновеннымъ разсудочнымъ категоріямъ. Но такъ какъ она смотритъ на эти категоріи, какъ на нѣчто твердое, покоющееся, то ей и неудается выразить природу духа: ибо духъ не есть что-нибудь покоющееся, а напротивъ чистая дѣятельность [2]).

Итакъ психологія должна выполнить слѣдующія требованія: во-первыхъ всѣ свойства и способности духа вывести изъ его понятія, такъ чтобы они имѣли характеръ необходимости, а не случайности, какая усвояется имъ эмпирической психологіей; во-вторыхъ, такъ какъ духъ есть нѣчто въ высшей степени по—

---

[1]) G. W. F. Hegels Werke. Vollständige Ausgabe VII B Berlin. 1845. 7.
[2]) Тамъ же. VII. 6.

движное, и всѣ его опредѣленія суть моменты и ступени развитія [1]), то и выраженіе его натуры можно дѣлать не по мертвымъ неподвижнымъ категоріямъ, какъ это дѣлаетъ раціональная психологія, а въ понятіяхъ, которыя въ себѣ самихъ заключаютъ требованія перехода къ другимъ высшимъ понятіямъ и, безъ всякой мертвой неподвижности въ себѣ, выражаютъ въ высшей степени подвижную натуру духа.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ требованію особаго метода, который могъ бы удовлетворять вышесказаннымъ требованіямъ. Наука должна организовать себя посредствомъ собственной жизни понятія, имѣть въ себѣ самодвижущуюся душу. Вмѣсто сбора какихъ-нибудь внѣшнихъ опредѣленій и классификацій, она должна быть предметнымъ движеніемъ самаго понятія, слѣдовательно передавать намъ тѣ самые моменты, какіе переживаетъ самый развивающійся предметъ. Движеніе же, или развитіе сущаго заключается въ томъ, что оно становится чѣмъ-нибудь другимъ, развиваетъ изъ себя какія-нибудь новыя опредѣленія, становится чѣмъ-нибудь высшимъ, поглотившимъ въ себѣ всѣ прежнія опредѣленія и слѣдовательно, противоположнымъ. Въ этомъ случаѣ, оно отрицаетъ свои прежнія опредѣленія и существенный признакъ этого момента развитія есть отрицаніе. Но сущее снова отрицаетъ новое свое отрицаніе—т. е. какъ бы возвращается къ себѣ и утверждаетъ самого себя (отрицаніе отрицанія есть положеніе). Не просто однакожъ возвращается сущее къ прежнему моменту, а такъ какъ существенный характеръ движенія тотъ, что каждый новый моментъ есть высшій, въ которомъ сохраняются и прежніе низшіе, то и новое положеніе есть высшій моментъ сравнительно съ первымъ и вторымъ. Существенный характеръ его есть установленіе опредѣленнаго чего-либо (опредѣленно-

[1]) Тамъ же. VII. 12.

сти) [1]. Тѣже моменты развитія должно проходить и понятіе, если оно хочетъ быть предметнымъ, выражать предметное движеніе. И если наука должна быть предметнымъ движеніемъ понятія, то она должна быть организована посредствомъ этаго такъ называемаго діалектическаго метода. И психологія, точно также какъ и всѣ другія философскія науки должна усвоить себѣ этотъ методъ, чтобы быть философской наукой въ собственномъ смыслѣ.

Если такъ, то съ какого же понятія должно начаться имманентное движеніе идеи въ психологіи? Въ Гегелевской философіи психологія въ обширномъ смыслѣ занимаетъ мѣсто сряду за философіей природы. Она составляетъ третье и послѣднее звѣно въ философіи Гегеля. Такимъ образомъ и понятіе свое она беретъ,—хотя въ самомъ абстрактномъ смыслѣ, т. е. совершенно неопредѣленномъ, безъ всякихъ еще опредѣленныхъ признаковъ, или моментовъ,—изъ философіи природы. Самый высшій моментъ развитія идеи, которая въ своемъ инобытіи стала природой, есть организмъ. Но именно потому, что понятіе организма осуществляеться въ индивидуумахъ, а индивидуумъ есть конечное существо, то каждый индивидуальный организмъ носитъ въ себѣ зародышъ смерти [2]. Смертію уничтожается послѣдній моментъ инобытія природы. Она становится *для себя*, т. е., уничтожая свое инобытіе, она переходитъ въ противоположный моментъ развитія, именно становится для себя, становится духомъ [3].

Такимъ образомъ философія духа начинается понятіемъ духа. Онъ есть истина природы, такъ какъ онъ высшій моментъ, въ которомъ изчезло ея инобытіе [4]. Его отличительное опредѣленіе заключается въ идеальности, т. е. въ бытіи *для себя* въ

---

[1]) Hegels sämmtliche Werke. II. Berlin. 1841. Phänomenologie des Geistis. 40.

[2]) Тамъ же. VII. I Abtheil. § 375, 691.

[3]) Тамъ же. VII. I Abtheil. § 376. 693.

[4]) Тамъ же. VII. II Abtheil. 13.

противоположность бытію въ себѣ логической идеи и инобытію идеи въ природѣ. И природа есть выраженіе идеи. Но въ ней идея является разрозненно, имѣетъ совершенно внѣшнія отношенія даже къ самой себѣ. То, что находится въ природѣ, подлежитъ условіямъ пространства и времени: одно находится подлѣ другаго и одно слѣдуетъ за другимъ. Матерія, это всеобщее основаніе всѣхъ естественныхъ формъ и образованій, находится сама по отношенію къ себѣ же въ совершенно внѣшнемъ отношеніи: ибо она является въ формѣ конкретныхъ пунктовъ, или атомовъ. Поэтому справедливо можно сказать, что въ природѣ господствуетъ необходимость, а не свобода: ибо первая и состоитъ во внѣшнемъ характерѣ зависимости одного существованія отъ другаго. Царство живаго, представляетъ высшую ступень развитія. Уже въ растеніи мы видимъ центръ жизни, развитіе извнутри, само дающее себѣ различія единство и въ силу того изъ почки развивающееся полное растеніе. Но это единство остается недоконченнымъ: ибо процесъ развѣтвленія есть какъ-бы ухожденіе отъ себя, каждая часть дѣлается какъ бы особымъ растеніемъ, члены поэтому не находятся въ должномъ подчиненіи единству субъекта. Высшую побѣду надъ внѣшностію представляетъ намъ животный организмъ: въ немъ каждый членъ производитъ другой, каждый есть причина и дѣйствіе, средство и цѣль, а цѣлое такъ проникнуто характеромъ единства, что ничто въ немъ не кажется самостоятельнымъ. Но полной побѣды надъ внѣшностію и конечностію нѣтъ въ животномъ организмѣ и противорѣчіе каждаго недѣлимаго роду кончается смертію перваго. Какъ мы видѣли, смерть есть послѣдній моментъ инобытія идеи, она возвращается къ себѣ самой и становится духомъ. Въ этомъ уничтоженіи внѣшности, т. е. инобытія, и состоитъ идеальность духа. Всѣ дѣятельности его суть ни что иное, какъ различные способы превращенія внѣшняго во внутреннее, и въ силу такого идеализированія и уподобле-

нія себѣ чисто внѣшняго содержанія, духъ становится духомъ [1]).

Итакъ отношеніе духа къ природѣ заключается въ томъ, что духъ отрицаетъ внѣшность природы, уподобляетъ ее себѣ и чрезъ это идеализуетъ ее. Мы не должны однакожъ думать о выхожденіи духа изъ природы такъ, какъ будто бы она имѣла фактическое prius предъ духомъ, производила бы духъ. Онъ вовсе не результатъ природы: ибо и природа сама, какъ и логическая идея, есть тоже духъ—на извѣстной степени развитія. Слѣдовательно, и переходъ отъ природы къ духу не есть переходъ къ чему-нибудь совершенно инородному, а какъ бы возвращеніе къ себѣ духа, совлекшагося инобытія природы [2]).

Но въ началѣ духъ не имѣетъ еще никакихъ опредѣленій, или признаковъ: онъ есть чистое отвлеченіе, нѣчто общее, не имѣющее въ себѣ никакихъ частностей. Развитіе духа въ томъ и состоитъ, что онъ, съ каждымъ моментомъ своего движенія, даетъ себѣ опредѣленія, выясняющія его духовную натуру. Прежде всего, онъ устанавливаетъ свои отношенія къ себѣ же самому: онъ, такъ сказать, реализуетъ себя въ понятіи о себѣ, сознаніи самого себя [3]). Это субъективный духъ. Но лишь только онъ сдѣлался *для себя* тѣмъ, что онъ есть по своей реальной натурѣ (на Гегелевскомъ языкѣ достигъ для себя бытія), онъ становится объективнымъ духомъ. Онъ является здѣсь въ реальной формѣ, въ имъ созданномъ мірѣ, какъ лицо, персона, обладающая реальною свободою, не идеальная только, какъ субъективный духъ. Наконецъ высшая степень развитія духа есть абсолютный духъ, какъ въ себѣ и для себя существующее и вѣчно воспроизводящее себя единство объективности духа и его

---

[1]) Hegels sämmtliche Werke. VII. 2 Abtheil. 15—18.
[2]) Тамъ же. VII. 2 Abtheil. 23
[3]) Тамъ же. 2 Abtheil. 34, 35.

идеальности, т. е. его понятія. Вотъ три ступени развитія духа. Субъективный духъ долженъ совлечься присущей ему естественности и придти къ сознанію своей свободы, такъ чтобъ быть способнымъ къ дѣятельности. Объективный духъ является какъ народный духъ, имѣющій свою правду не въ себѣ впрочемъ, а въ духѣ цѣлаго человѣчества. Его исторія поэтому переходитъ въ исторію міра. Въ продолженіе историческаго развитія онъ освобождаетъ себя и отъ ограниченій исторіи. Этого достигаетъ онъ въ области религіи и является какъ искуство, вѣра и наука. Въ этой абсолютной формѣ онъ достигаетъ для себя уже полнаго удовлетворенія [1]).

Изъ сказаннаго видно, какое мѣсто занимаетъ психологія въ системѣ Гегеля, и какая связь у него понятія субъективности духа съ другими его философскими понятіями. Ученіе о субъективномъ духѣ слѣдуетъ сряду за ученіемъ о природѣ, и понятіе организма есть ближайшее понятіе, отъ котораго діалектическій методъ переходитъ къ понятію духа.

Теперь перейдемъ къ самому ученію о субъективномъ духѣ, къ тому, что обыкновенно называется психологіей. Мы видѣли, что природа служитъ предположеніемъ духа: послѣдній выходитъ изъ первой, такъ какъ каждому человѣку природа даетъ бытіе. На этой ступени развитія духъ находится въ непосредственномъ единствѣ съ природой. Онъ носитъ въ себѣ главнымъ образомъ естественныя опредѣленія (опредѣленія породы, вліянія климата, почвы и т. д.). Розенкранцъ называетъ его въ этотъ моментъ физическою монадой, [2]) онъ индивидуальная единица. Всѣ духовные начатки его сущности характеризуются еще зависимостью отъ природы. Только на ступени сознанія онъ приходитъ, такъ сказать, въ себя и какъ субъектъ различаетъ себя отъ всего, что

---

[1]) Psychologie, oder die Wissenschaft vom subjectiven Geiste von Rosenkranz. III Aufl. 20—21.

[2]) Тамъ же. 38.

не онъ, и что для него составляетъ предметъ, объектъ. Но и на этой степени развитія духъ не достигаетъ развитія собственно въ личность, въ которой объединяются и сливаются индивидуальность и субъективность. Какъ субъективность, какъ я, онъ имѣетъ для себя границы въ объектѣ, въ не я. Только на степени *личности* духъ чувствуетъ себя свободнымъ духомъ, какъ въ своемъ познаніи, теоретически, такъ и въ своей волѣ, практически. [1])

На этомъ основывается дѣленіе психологіи на три части. Первую часть Гегель назвалъ *антропологіей*, предметъ которой есть ученіе объ естественной индивидуальности. Вторая часть у него названа феноменологіей, такъ какъ она занимается тѣми формами духа, въ которыхъ онъ является, когда противополагаетъ себя объекту, или дѣйствительности. Третья часть Гегелемъ названа психологіей въ собственномъ смыслѣ, какъ ученіе о духѣ свободномъ въ себѣ самомъ. Но Розенкранцъ находитъ названіе пневматологіи для этой части болѣе идущимъ къ дѣлу. [2])

И такъ задача психологіи по Гегелю состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить всѣ формы развитія, начиная съ той поры, какъ человѣкъ только что раждается въ свѣтъ, выходитъ изъ природы, и до того момента, когда онъ является духомъ свободнымъ теоретически и практически. Каждая черта въ немъ, какую онъ пріобрѣтаетъ въ своемъ развитіи, есть только моментъ его, ступень. Не нужно однакожъ представлять себѣ разныя состоянія и дѣятельности его какъ разныя положенія, которыя принимаетъ онъ послѣдовательно въ разное время, или какъ формы, въ которыя онъ *послѣдовательно* облекается. Духъ есть все, чѣмъ онъ только можетъ дѣлаться въ разные моменты своего развитія, слѣдовательно, implicite ему присущи всѣ дѣятельности. По времени же, въ каждомъ моментѣ онъ только то, чѣмъ онъ въ

---

[1]) Hegels sämmtliche Werke. VII. II Abth. 43—46.
[2]) Psychologie, von Rosenkranz. 1863. 42.

эту минуту дѣлается actu, слѣдовательно explicite онъ всегда является подъ какой-нибудь формой, въ которой открываетъ себя въ извѣстную минуту. [1]) Но временное преемство предполагаетъ и логическое. Одна дѣятельность духа служитъ необходимымъ условіемъ другой, какъ бы ея предположеніемъ. Духъ долженъ осуществить всѣ, таящіяся въ немъ, въ возможности; простѣйшіе моменты должны поэтому имѣть и въ наукѣ и въ дѣйствительности prius предъ сложнѣйшими, такъ какъ простѣйшіе уже потому, что не могутъ вполнѣ выразить природы духа, необходимо должны отрицать самихъ себя и вызывать требованіе болѣе сложныхъ моментовъ.

Антропологіей начинается собственно ученіе о субъективномъ духѣ. Ее можно назвать самою слабою частію во всемъ психологическомъ трудѣ Гегеля. Это же замѣчаніе можно отнести и къ Розенкранцу. Какъ и слѣдуетъ наукѣ, построяемой діалектическимъ методомъ, она дѣлится на три части. [2]) Первая часть трактуетъ о духѣ въ его непосредственномъ единствѣ съ естественностію; вторая — о борьбѣ духа съ тѣлесностію; третья говоритъ о символическомъ явленіи духа въ его тѣлѣ; каждая изъ этихъ частей имѣетъ новыя троякія подраздѣленія. Напримѣръ часть, трактующая о духѣ въ его непосредственномъ единствѣ съ природою, подраздѣляется на трактаты: 1) объ естественныхъ качествахъ духа; 2) объ естественныхъ измѣненіяхъ его; 3) ощущеніи. Страннымъ однакожъ кажется слѣдующее обстоятельство. Какимъ образомъ діалектическій методъ нашелъ въ развитіи духа моменты въ родѣ планетной земной жизни духа и, частнѣй, вліянія солнца: измѣненій временъ года и дня, луны и т. под. [3]) Также сомнительно, чтобъ различія расъ были моментами раз-

---

[1]) Psychologie von Rosenkranz. 1863. 42.
[2]) Въ изложеніи психологіи мы слѣдуемъ преимущественно Розенкранцу.
[3]) Psychologie von Rosenkranz. 48—52.

витія духа; [1]) тоже самое должно сказать о темпераментахъ, [2]) предрасположенности къ чему-либо [3]) и идіосинкразіяхъ. [4]) Отличительное качество моментовъ развитія понятія, или идеи состоитъ въ томъ, что они должны выражать существенныя черты развивающагося духа,—но можемъ ли мы сказать, чтобъ предрасположенность къ извѣстной дѣятельности, или талантъ были такою необходимою чертою духа? ибо, по крайней мѣрѣ, большинство людей не имѣетъ никакихъ особыхъ талантовъ. Тѣмъ менѣе можно сказать тоже самое объ идіосинкразіяхъ. Съ другой стороны, всѣ эти моменты суть чисто внѣшнія ограниченія духа, вовсе не касающіяся самаго существа его. Положимъ земля имѣетъ вліяніе на развитіе человѣка, но трудно сказать, гдѣ мы должны искать слѣдствій этого вліянія: въ духѣ ли самомъ, или одномъ тѣлѣ. Если въ тѣлѣ, тогда упоминать о нихъ въ исторіи развитія духа дѣло совершенно излишнее; если же въ самомъ духѣ, то едвали нужно слишкомъ высоко ставить это вліяніе. Объ этихъ моментахъ никакъ нельзя сказать даже и того, что, по словамъ Розенкранца, приведеннымъ нами выше, должно понимать о каждомъ моментѣ. Нельзя, конечно, утверждать, что духъ послѣдовательно и постепенно проходитъ всѣ, устанавливаемыя Розенкранцемъ, ступени развитія духа въ антропологіи. Противъ этого предостерегаетъ, какъ мы видѣли, и самъ Розенкранцъ. Но возможно ли сказать и то, что духъ когда-нибудь, actu бываетъ преимущественно подъ вліяніемъ солнца или луны, является какъ черта извѣстной человѣческой породы и т. под.?

Сопоставляя между собою моменты, мы не замѣчаемъ никакого, такъ называемаго, имманентнаго движенія отъ одного къ

---

[1]) Тамъ же. 64—74.
[2]) Тамъ же. 75.
[3]) Тамъ же. 87.
[4]) Тамъ же. 97.

другому. Выражаясь прямо, мы должны сказать, что между ними нѣтъ ни имманентной связи, ни настоящаго противорѣчія, потребнаго для діалектическаго движенія. Какая связь напримѣръ между опредѣленіями духа, планетною жизнію земли, опредѣленіями породы и индивидуальными различіями? Все это совершенно разнородныя вліянія или опредѣленія, почти несоизмѣримыя одно съ другимъ. Какимъ образомъ опредѣленіе расы должно переходить въ темпераментъ, послѣдній въ талантъ, а талантъ превращаться въ апатію? Тѣмъ труднѣй указать связь между апатіей и половыми различіями, [1]) далѣе, между различіями женщины и мущины и возрастами, между возрастами и сномъ, бодрствованіемъ и ощущеніемъ? Но какое же и противорѣчіе можно указать между сказанными моментами? Если діалектическое движеніе состоитъ въ томъ, что каждый моментъ переходитъ въ противоположный, то въ чемъ заключается противорѣчіе или противоположность напр. между симпатіей и половыми различіями, между возрастами и сномъ, опредѣленіями расы и темпераментами? Очевидно, не методъ руководилъ Гегеля и Розенкранца при сопоставленіи этихъ моментовъ, а соображенія совсѣмъ недіалектическія. Если мы неошибаемся, то антропологія Гегелевской школы составлена по образцамъ, составлявшимся безъ всякаго руководства діалектическаго метода. Какъ въ прежнихъ антропологіяхъ принято было говорить объ общихъ условіяхъ развитія души, разумѣя подъ ними планетныя условія, опредѣленія породы, темперамента, пола, возраста и самыхъ общихъ явленій душевной жизни, каковы: сонъ и бодрствованіе, такъ точно о всѣхъ этихъ вещахъ мы находимъ разсужденія и въ психологіи Гегелевской школы. Только въ древнихъ антропологіяхъ говорилось о нихъ совершенно просто, а въ Гегелевской эти разсужденія облекаются въ діалектическую форму и утверждается о нихъ, будтобы имъ присуще имманентное движеніе.

---

[1]) Psychologie von Rosenkranz. 100.

Имманентность движенія указанныхъ понятій въ психологіи Гегель защищаетъ тѣмъ, что они развиваются сообразно съ общей системой развитія понятія. Понятіе изъ общаго переходитъ въ частное, изъ частнаго дѣлается единичнымъ: такова схема его логическаго развитія. Точно также и духъ, еще не выдѣлившій себя отъ природы (Naturgeist), въ первый моментъ представляетъ только общія различія человѣческихъ породъ. Въ формѣ же народнаго духа принимаетъ частныя различія и затѣмъ достигаетъ индивидуальныхъ ограниченій [1]). Но во-первыхъ это, если и можетъ служить оправданіемъ, то для весьма незначительной части антропологіи, а во-вторыхъ, странно слышать о различіяхъ расы, народномъ духѣ и отличіяхъ индивидуума, какъ моментахъ развитія субъективнаго духа. Еще болѣе странно то, что индивидуальныя различія Гегель относитъ къ числу случайныхъ [2]). Чѣмъ случайнѣй различія возраста и пола, сравнительно съ различіями породы и народныхъ отличій? скорѣй можно подумать наоборотъ. Съ другой стороны, по смыслу Гегелевской логики, моментъ единичности есть необходимый моментъ понятія: почему же вся важность понятія должна заключаться только въ его всеобщности?

Тѣже самые недостатки мы находимъ и въ феноменологіи. Въ феноменологіи, напримѣръ, моментъ признанія нашего я между другими «я» сопоставляется съ развитіемъ сознанія [3]); неустановленныя и полусложившіяся отношенія людей въ варварскихъ обществахъ возводятся въ нѣчто діалектически необходимое и законное. Только въ первыя эпохи развитія человѣческихъ обществъ необходима была борьба между людьми для признанія первенства одной личности предъ другой и только въ самыхъ неразвитыхъ обществахъ признаніе это выражалось раб—

---

[1]) Hegels sammtilche werke VII 2 Abth. 82
[2]) Тамъ же.
[3]) Psychologie von Rosenkranz 295—300.

скимъ съ одной стороны и повелительскимъ сознаніемъ съ другой. Въ болѣе развитыхъ народахъ первенство остается за умомъ и личными качествами и признаніе это совершается безъ борьбы на смерть, тѣмъ менѣе оно можетъ сопровождаться установленіемъ рабскихъ отношеній. Если же и была борьба и устанавливались подобныя отношенія, то причиной того были политическія и экономическія причины, а не сознаніе какого-то отвлеченнаго «я», сталкивавшееся съ другими сознаніями.

Содержаніе пневматологіи по Розенкранцу и психологіи по Гегелю тоже самое, какое обыкновенно составляетъ предметъ опытныхъ психологій. Въ ней анализируются мыслящая, чувствующая и желающая дѣятельность души. Анализъ весьма подробенъ, особенно мыслящей дѣятельности.

Невольно однакожъ возникаетъ вопросъ: откуда берется содержаніе для психологической науки Гегелевской школы. Соображая то, что говорится школой о методѣ, она не должна пользоваться какими-нибудь услугами со стороны опыта и внутренняго самонаблюденія. Движеніе развивающейся идеи, какъ имманентное, не должно зависѣть отъ знаній, пріобрѣтаемыхъ болѣе, или менѣе случайно и внѣ науки. Одинъ моментъ долженъ предполагать другой, слѣдовательно, наука должна обойтись безъ помощи всякаго другаго научнаго средства. Иначе она не была бы саморазвивающейся наукой, чѣмъ обыкновенно гордится Гегелевская школа. Между тѣмъ никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ психологіи она не обходится безъ пособій вовсе недіалектическихъ и содержаніе обыкновенныхъ антропологій только облекаетъ въ діалектическія формы. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, Гегель знаетъ о человѣческихъ породахъ, разныхъ народахъ, возрастахъ, полахъ, снѣ и бодрствованіи, о всемъ, что составляетъ предметъ его антропологіи? Что идея въ своемъ развитіи должна перейти моменты различій породы, пола и т. под.? Этого никакъ нельзя вывести изъ самой идеи. Какія бы судьбы она ниспретерпѣвала въ своемъ развитія, никогда не можетъ случиться съ нею, чтобъ, являясь въ одномъ

моментѣ подъ формой симпатіи, сряду за тѣмъ вступала въ моментъ половаго развитія, являясь въ формѣ женщины, или мущины [1]). Вовсе не видно, гдѣ должна быть печальная причина такихъ превращеній. Въ самой идеѣ ея невидно, и, какъ мы уже сказали, нѣтъ ея и во взаимныхъ отношеніяхъ моментовъ: между ними нѣтъ ни связи, ни истиннаго противорѣчія. Откуда Гегель знаетъ о представленіи, воспоминаніи, воображеніи, чувствѣ и волѣ? По его словамъ, онъ долженъ требовать этихъ моментовъ развитія, потому что къ нимъ приводитъ діалектическій методъ. Однако, методъ этотъ вовсе не такъ всесиленъ. Почему идея должна вступать въ моменты мышленія и чувства? Въ самой идеѣ нѣтъ неотразимыхъ причинъ къ тому. Она могла очень удобно ограничиться одними моментами мышленія и въ единствѣ бытія и мышленія совершенно легко превратиться въ абсолютную идею, если только абсолютная идея должна быть концемъ развитія идеи вообще. Къ чему же въ ней моменты воли и чувства? Точно также идея могла ограничиться мышленіемъ и чувствомъ безъ моментовъ воли. Отчего же это необъятное содержаніе абсолютной идеи имѣетъ только три момента развитія и именно тѣ самые, которые мы находимъ въ опытѣ? Субъективный духъ можетъ быть весьма богатъ разнообразными моментами развитія, кромѣ тѣхъ, какіе мы находимъ въ человѣкѣ, какъ земномъ видѣ субъективнаго духа.

Очевидно, не методъ руководилъ Гегелемъ и Розенкранцемъ въ ихъ ученіи о субъективномъ духѣ. Они, такъ сказать, incognito пользовались тѣми же научными источниками, какими пользуются и обыкновенные психологи. Вовсе не методъ руководилъ ихъ отъ одного момента развитія къ другому, а опытное знаніе. Потому-то они и впали въ противорѣчіе самому методу и сопоставили одинъ съ другимъ не вяжущіеся и одинъ другому не противо-

---

[1]) Psychologie von Rosenkranz. 98—100.

рѣчащіе моменты. Желая втиснуть въ діалектическія формы содержаніе, взятое изъ опыта, они должны были не стѣсняться его непригодностію для діалектическаго метода. Оттого они должны были допустить вовсе недіалектическіе переходы отъ одного момента къ другому, довольствоваться въ однихъ случаяхъ самою внѣшнею связью, въ другихъ кажущимся противорѣчіемъ.'

Зависѣло ли это обстоятельство отъ неумѣлости двухъ мыслителей, или отъ другихъ причинъ? Было бы очень странно предполагать первую причину въ людяхъ, представившихъ необыкновенныя доказательства силы мысли. Слѣдовательно, нужно искать другихъ причинъ и, всего естественный, они заключались въ томъ, что діалектическій методъ едвали способенъ овладѣть психологическимъ матеріаломъ. Этотъ методъ долженъ расположить его, какъ рядъ одинъ изъ другаго развивающихся, моментовъ духа. Годны ли психологическія явленія къ такого рода расположеніямъ? По видимому, исторія развитія субъективнаго духа можетъ представлять рядъ одинъ изъ другаго развивающихся моментовъ. Но такъ было бы только въ одномъ случаѣ, еслибъ мы подъ моментами разумѣли степени напряженности способностей и силъ и разнообразія формъ ихъ дѣятельности. Не то разумѣетъ подъ моментами Гегелевская школа. Какъ мы видѣли, она называетъ ими всякое качество, или способность духа, и въ этомъ смыслѣ метода не можетъ достигать своей цѣли. Способности, или дѣятельности не развиваются въ духѣ послѣдовательно, преемственно: нельзя сказать, чтобъ сначала въ человѣкѣ развивалась мыслительная, затѣмъ чувствующая способности. Человѣкъ является въ мірѣ человѣкомъ вдругъ, а не по частямъ: душа недѣлается душею постепенно. Но, можетъ быть, возможно различать логическое prius между различными опредѣленіями духа. На это указываетъ и Розенкранцъ въ приведенномъ нами выше мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, нельзя различить временнаго prius между причиной и ея дѣйствіемъ: если

причина дѣйствуетъ, то въ тотъ же моментъ должно обнаруживаться и ея дѣйствіе. Здѣсь не мыслимъ никакой промежутокъ времени, который раздѣлялъ бы причину отъ ея дѣйствія. Но возможно различать логическое prius: ибо логически слѣдуетъ, что причина должна предшествовать своему дѣйствію. Въ развитіи же человѣческой души, въ взаимныхъ отношеніяхъ ея качествъ, по крайней мѣрѣ въ большей части, мы лишены возможности различать даже такое логическое prius. Представленіе ли должно предшествовать чувству, или чувство представленію? отвѣчать трудно: ибо какъ представленіе можетъ быть безъ чувства, такъ же точно и чувство мыслимо безъ представленія. Только что раждающійся на свѣтъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, чувствуетъ неудовольствіе холода—до всякаго представленія холодности. Ощущенія кожи непосредственно разрѣшаются у него непріятными ощущеніями, гораздо прежде, нежели возбудится унего представленіе. Точно также легко мыслимъ родъ существъ, которыя способны чувствовать удобства, или страдать отъ неудобствъ своихъ отношеній къ окружающему міру, имѣя въ высшей степени смутныя и не ясныя о нихъ представленія. Слѣдовательно, если гдѣ, то уже въ психическомъ мірѣ діалектическій методъ веего менѣе можетъ имѣть приложеніе. Перечисляя намъ качества, или формы дѣятельности послѣдовательно, какъ одинъ изъ другаго развивающіеся моментъ онъ бросаетъ совершенно фальшивый свѣтъ на душевныя явленія. Онъ, такъ сказать, скрадываетъ отличительное качество душевныхъ явленій, ихъ чрезвычайную спутанность и сплетенность.

Нѣтъ, однакожъ, сомнѣнія, что психическая жизнь имѣетъ въ мірѣ особый смыслъ и значеніе, и что не всѣ формы ея одинаково важны по отношенію къ этому смыслу и значенію, что, хотя всѣ явленія душевной жизни чрезвычайно перепутываются и представляютъ собою весьма сложную систему, не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе по внутреннему богатству и полно-

тѣ раскрывшагося въ нихъ психическаго содержанія. Въ этомъ отношеніи и цѣли и задачи психологіи Гегелевской школы имѣютъ для насъ особое значеніе. Несомнѣнно, что она много сдѣлала для истолкованія душевныхъ явленій съ этой именно стороны. Діалектическое выведеніе одного психическаго качества изъ другаго, одной дѣятельности изъ другой предполагаетъ несомнѣнно цѣль, къ осуществленію которой духъ стремится чрезъ всѣ посредствующія формы своей дѣятельности. Душевныя явленія получаютъ значеніе средствъ, необходимыхъ для осуществленія цѣли духа. Гегелевская школа скрываетъ эти прямыя цѣли подъ слишкомъ абстрактными понятіями и движеніе духа облекается у ней въ форму діалектическаго движенія. Но если отбросить странности, свойственныя школѣ, и смотрѣть собственно на мысль ее руководящую, то, несомнѣнно, ей нельзя не сочувствовать. Психологія была бы въ высшей степени неполной наукой и, главное, была бы лишена философскаго характера, еслибъ опустила изъ виду смыслъ и значеніе формъ психической жизни. Если душевное содержаніе выражается въ разнообразныхъ формахъ, то, безъ сомнѣнія, не каждая форма одинаково полно выражаетъ его: должны быть разныя степени этаго выраженія. Если существуетъ *развитіе* личности, то должны существовать простыя и сложныя формы дѣятельности духа. Если есть цѣль для человѣческаго духа и ему предназначено въ земной жизни раскрыть какое–нибудь содержаніе, то опять невсякая форма его дѣятельности одинаково служитъ ему для этой цѣли. Психологія былабы весьма односторонней наукой, еслибъ опустила изъ виду упомянутую точку зрѣнія на душевныя явленія и не пыталась съ этой стороны разъяснить душевныя явленія. Конечно, нельзя соглашаться съ одностороннимъ направленіемъ Гегелевской психологіи, которая вездѣ выдвигаетъ на первый планъ теоретическую сторону духа и для полнѣйшаго анализа этой стороны жертвуетъ анализомъ практи-

ческой его стороны. Для примѣра достаточно указать на сравнительно малую обработку въ Гегелевской психологіи явленій чувства и воли сравнительно съ обработкой познавательной дѣятельности.

Но указывая вездѣ значеніе психическихъ формъ, психологія Гегелевской школы не обратила вниманіе на реальныя средства душевной жизни и реальную сторону явленій. Поставленное среди самыхъ разнообразныхъ и случайныхъ вліяній, существо души не можетъ систематически правильно развивать въ себѣ дѣятельности и состоянія, служащія отвѣтомъ на внѣшнія вліянія. Находясь въ зависимости отъ тѣла, оно испытываетъ разнообразнѣйшія вліянія этого сосѣдства. Состоянія тѣлесныхъ органовъ поддерживаютъ, направляютъ, препятствуютъ, и видоизмѣняютъ душевныя явленія. Вліянія эти опять происходятъ вовсе не методически и правильно. Наконецъ, связи и отношенія между душевными явленіями подчинены извѣстнаго рода реальнымъ законамъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто механически связанное, и подчиненное правильнымъ и постояннымъ законамъ, надъ которыми не властенъ и самъ свободный духъ. Конечно, было бы слишкомъ много утверждать, что содержаніе духа подчинено извѣстной законности, не вытекающей изъ его собственной природы, хотя быть можетъ относительно средствъ своей дѣятельности, онъ также подчиненъ законамъ, какъ и всякая другая вещь въ мірѣ. Нельзя опускать изъ виду и эту реальную сторону духа, по которой онъ есть часть природы, находящаяся въ взаимодѣйствіяхъ съ остальными ея частями. Между тѣмъ психологія Гегелевской школы опускаетъ изъ виду эту реальную сторону душевной жизни. Занятая цѣлью указать идеальное значеніе формъ, она склонна къ мысли, что въ идеальномъ значеніи заключается и реальная сторона ихъ, и что идеальная связь ихъ есть реальное причинное ихъ соотношеніе. Оттого быть можетъ такъ свысока смотрятъ обыкновенно на психологическія работы Гегеля и его школы психологи—реалисты.

Съ другой стороны, діалектическій методъ, душа Гегелевской психологіи, едвали способенъ служить для полнаго осуществленія ея цѣлей: ибо онъ со своими неизмѣнными тремя формами движенія мысли: положеніемъ, отрицаніемъ и новымъ положеніемъ развиваетъ тотъ сухой формализмъ, который вреденъ во всякой наукѣ. Вмѣсто того, чтобъ прямо идти къ цѣли, онъ заставляетъ часто изобрѣтать противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и преждевременно добиваться генетическаго развитія одного явленія изъ другаго тамъ, гдѣ философская мысль не въ состояніи еще показать его. Въ результатѣ мы получаемъ рядъ формъ, понятій, которыхъ абстрактная тонкость напоминаетъ древнюю схоластику. Философское выведеніе можетъ быть сдѣлано безъ діалектическаго метода въ Гегелевсвой формѣ. Мы уже сказали, что онъ еще менѣе годится для указанія причинной и временной связи и отношенія между душевными явленіями. Оттого, благодаря своему діалектическому методу Гегелевская психологія дала намъ множество такихъ психологическихъ понятій, которыя безполезны въ научномъ отношеніи. Она привела въ иныхъ мѣстахъ къ такому дробному анализу явленія, что становится сомнительно, чтобъ въ психической жизни дѣйствительно существовали нѣкоторыя стороны. Таково напримѣръ ученіе Гегелевской школы о сознаніи и вообще вся феноменологія—второй отдѣлъ психологіи [1]). Въ другихъ же частяхъ науки тамъ, гдѣ менѣе всего представлялось для него матеріаловъ, анализъ совершенно кратокъ и едвали не достаточенъ. Таково напримѣръ ученіе о чувствѣ [2]).

Какъ бы то ни было, ради недостатковъ мы не должны забывать достоинствъ. Направленіе Гегелевской психологіи имѣетъ смыслъ и значеніе, не смотря на неудовлетворительную ея

---

[1]) Psychologie von Rosenkranz. 270—318.
[2]) Psychologie vo Rosenkranz. 420—422.

разработку. Оно представляетъ несомнѣнно новую точку зрѣнія на душевныя явленія и, по всей вѣроятности, при болѣе счастливомъ выполненіи, будетъ имѣть великое научное значеніе.

ГЛАВА VII.

ИДЕАЛЬНО-РЕАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Представители ея. — Фихте. — Реальная сторона души. — Внутреннее тѣло.—Приложеніе понятій Фехнера. — Сторона духа, связывающая его съ вѣчностію. — Вліяніе Гербарта въ стремленіи Фихте найти основную силу души. — Вліяніе Гегеля въ стремленіи дать исторію развитія духа.—Лотце.—Методологическое правило. — Вопросы связи души съ тѣломъ.—Психофизическій механизмъ. — Понятность душевныхъ состояній.—Способности.—Общій характеръ психологическихъ трудовъ.—Значеніе въ наукѣ о душѣ обоихъ направленій.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ односторонними направленіями. Они проводили въ своихъ изслѣдованіяхъ одно какое-нибудь начало, или одинъ какой-нибудь взглядъ на душевныя явленія, устанавливали для себя одностороннюю цѣль, слѣдовали предпочтительно, или даже исключительно одному какому-нибудь методу. Психологіи Бенеке, напримѣръ, мы можемъ усвоить названіе по преимуществу группирующей: ибо она стремится сдѣлать возможно полный обзоръ душевнымъ явленіямъ. Реальной

Гербартовской психологіи мы, по справедливости, можемъ дать названіе изъяснительной: ибо она старается указать реальную причинную связь между душевными состояніями. Психологія Гегелевской школы, въ точномъ смыслѣ, идеальная психологія: ибо она стремится вывести идеальное значеніе каждаго явленія. Въ чемъ состоитъ односторонность этихъ направленій, мы уже видѣли. Реальное направленіе ничего неговоритъ намъ объ идеальномъ значеніи и цѣли формъ душевной жизни, — въ идеальномъ мы ничего не встрѣчаемъ о тѣхъ реальныхъ процесахъ и причинахъ, которыми условливается душевная жизнь.

Сознанію этой односторонности двухъ направленій: идеальнаго и реальнаго и обязана своимъ существованіемъ современная, такъ называемая, идеально-реальная школа. Правда, она возникла не на почвѣ психологіи и имѣетъ не одно только психологическое значеніе. Она возникла изъ сознанія глубокаго разлада между послѣ Кантовскими идеальными направленіями въ философіи и развитіемъ естественныхъ наукъ. Ея цѣль вмѣстѣ съ идеальнымъ значеніемъ вещей и формъ жизни указывать вмѣстѣ реальную связь и порядокъ въ мірѣ явленій. Поэтому областью его приложенія служитъ вся философія, а слѣдовательно и психологія, какъ одна изъ философскихъ наукъ. Ближайшимъ образомъ въ психологіи это направленіе обнаруживается тѣмъ, что оно нигдѣ не опускаетъ изъ виду взаимодѣйствія души и тѣла, какъ идеальнаго и реальнаго начала въ человѣкѣ, и послѣдствій той связи между ними, которая направляетъ, препятствуетъ, способствуетъ и видоизмѣняетъ душевныя состоянія. Но, за реальною связью между душевными явленіями и тѣлесными дѣятельностями, оно не забываетъ идеальнаго смысла и значенія формъ душевной жизни.

Представителями этого направленія въ психологіи можно назвать двухъ замѣчательныхъ психологовъ нашего времени: Фихте младшаго и Лотце. Общаго между ними то, что оба они сознаютъ неудовлетворительность и односторонность идеальнаго на-

правленія—Гегеля и реальнаго—Гербарта. Фихте находитъ, главную ошибку Гегеля въ томъ, что онъ принимаетъ духъ и самосознаніе, какъ нѣчто отвлеченное вообще и что поэтому личность духа лишается всякаго субстанціальнаго значенія [1]). Гербартъ, по его мнѣнію, также пришелъ къ самымъ несообразнымъ съ опытомъ результатамъ съ своимъ реальнымъ понятіемъ простоты [2]). По мнѣнію Лотце, реализмъ односторонне занялся объясненіемъ причиннаго происхожденія каждаго душевнаго явленія изъ условій, какія заключаются въ природѣ дѣйствующихъ существъ и въ ихъ случайныхъ соотношеніяхъ [3]). А гегелизмъ даетъ знать только о всеобщихъ формахъ дѣятельности души и ничего о множествѣ реальныхъ причинъ и законовъ, которымъ подчинена душевная жизнь среди самыхъ разнообразныхъ и случайныхъ явленій [4]).

Но въ ученыхъ способахъ къ достиженію своихъ цѣлей оба упомянутые психологи — весьма разнятся одинъ отъ другаго. Повидимому, разногласія у нихъ весьма незначительны и касаются болѣе частностей, чѣмъ общихъ вопросовъ. Тѣмъ неменѣе, возникши по поводу частныхъ вопросовъ, разногласія эти касаются самыхъ существенныхъ сторонъ научной практики и общихъ философскихъ убѣжденій. Душа есть идеально-реальное существо—вотъ положеніе, съ которымъ согласны оба ученые. Но въ чемъ состоитъ ея реальный характеръ, какія реальныя средства у ней подъ рукой, въ какихъ отношеніяхъ находится она къ реальному тѣлу—въ рѣшеніи этихъ вопросовъ они сильно разошлись.

---

[1]) Anthropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele. Von J. H. Fichte. II. Ausgabe. 1860. 137.

[2]) Тамъ же. 167.

[3]) Medicinische Psychologie, oder Physiologie der Seele. Von Lotze. 1852. 156.

[4]) Тамъ же. 158.

Въ какомъ смыслѣ Фихте считаетъ душу реальнымъ существомъ? Быть реальнымъ значитъ: имѣть *качественное*, опредѣлённое, дѣйствительное бытіе. Дѣйствительное же качество немыслимо безъ того, чтобъ оно не заключало въ себѣ еще *количественной* формы, опредѣляемой извѣстнымъ качественнымъ свойствомъ. Слѣдовательно, все реальное мыслимо, какъ нѣчто качественное, само дающее себѣ во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ соотвѣтственную количественную форму. Поэтому все реальное должно подлежать изчисленію, измѣренію, должно имѣть опредѣленный объемъ, т. е. должно полагать себя какъ нѣчто пространственное и временно-продолжающееся [1]). Въ приложеніи къ душѣ реальность имѣетъ особенный смыслъ. Количественное выраженіе въ пространствѣ и времени означаетъ ея тѣлесность: ибо въ тѣлѣ она выражаетъ свою реальную сторону, создавая въ немъ свой количественный, пространственный и временный образъ. Тѣло есть ничто иное, какъ обращенная ко внѣ, выраженная въ пространствѣ и времени, душа,—выраженіе индивидуальнаго характера души [2]).

Такое понятіе реальности души очевидно удаляетъ Фихте отъ понятій Гербартовской психологіи. Реальность въ Гербартовскомъ смыслѣ означало простоту существа, единство качества его, способность сохранять себя среди другихъ существъ. Уже потому самому, что реальное существо должно быть простымъ качествомъ, оно неможетъ имѣть въ себѣ ничего количественнаго, никакихъ опредѣленій пространства, или времени. По Фихте—напротивъ качественная природа реальнаго предполагаетъ въ немъ количественную сторону: оно само даетъ себѣ пространство и время. Онъ самъ ставитъ себѣ именно въ заслугу то

---

[1]) Psychologie. Die Lehre vom bewussten Geiste des Menschen. 1864. 12—13. Anthropologie. Die Lelre von der menschlichen Seele. 183—185.

[2]) Anthropologie von Fichte. 175.

обстоятельство, что указанное понятіе вноситъ въ понятіе души черты пространства и времени [1]): ибо оно дѣлаетъ невозможнымъ противоестественное понятіе ея, какъ безпространственнаго существа, и даетъ возможность установить твердыя понятія объ отношеніяхъ ея къ тѣлу.

Такое понятіе о реальности души само собою повело къ особому своеобразному понятію тѣла. Такъ какъ душа сама создаетъ себѣ въ тѣлѣ, свой пространственно-временной образъ, то, конечно, созданіемъ души въ этомъ случаѣ нельзя считать обыкновенное тѣло, собраніе веществъ, управляющихся извѣстными химическими и физическими законами. Фихте естественно пришелъ къ понятію внутренняго тѣла [2]). Онъ называетъ его иначе «органическою силою» [3]) и уподобляетъ ее магниту, который привлекаетъ себѣ желѣзные опилки и дѣлаетъ изъ нихъ какъ бы кору, тотчасъ же распадающуюся, лишь только уничтожится магнитное притаженіе [4]). Подтвержденіе такого своего предположенія Фихте видитъ въ вполнѣ цѣлесообразномъ устройствѣ нашего тѣла, до малѣйшихъ подробностей приспособленномъ къ дѣятельностямъ души [5]).

Итакъ внутреннее тѣло есть нѣчто среднее, посредствующее между душою и физическими элементами, составляющими видимое тѣло. Оно есть плодъ душевной фантазіи въ той мѣрѣ, въ какой душа даетъ выраженіе своимъ чувствамъ и стремленіямъ въ извѣстныхъ тѣлесныхъ органахъ [6]). Фихте готовъ поэтому назвать это внутреннее тѣло, вслѣдъ за Фортлаге, фантастическимъ тѣломъ.

---

[1]) Anthropologie von Fichte 176.
[2]) Psychologie. 13. Anthropologie. 273:
[3]) Anthropologie 177.
[4]) Anthropologie 273.
[5]) Тамъ же, 268. 302—305.
[6]) Psychologie von Fiche 13—14.

Но возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ внутреннее тѣло можетъ оказывать реальное дѣйствіе на физическія вещества, изъ которыхъ оно составляетъ себѣ внѣшнее тѣло. Фихте прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ понятію обладанія, пересиленія сильнѣйшимъ слабѣйшаго. «Все сильнѣйшее, говоритъ онъ [1]), проникаетъ въ слабѣйшее, овладѣваетъ имъ и уподобляетъ его своей собственной натурѣ». Такимъ образомъ чисто-физическія вещества посредствомъ соединенія съ высшимъ дѣлаются болѣе одухотворенными,—участниками высшей жизни. Такъ въ животномъ и растительномъ организмахъ мы видимъ первые степени этого одухотворенія веществъ; вступая затѣмъ въ человѣческій организмъ, они достигаютъ новой и высшей степени образованія, такъ что въ человѣческомъ и животномъ внѣшнемъ чувствѣ простыя и механическія, химическія и динамическія отношенія природы возвышаются до идеальности *ощущенія*. Такъ точно и душа человѣческая, какъ нѣчто высшее и наиболѣе сильное сравнительно съ простыми физическими веществами, должна оказывать вліяніе на нихъ и потому для нея возможно построеніе тѣла сообразно съ ея качествами и характеромъ.

Это тѣло, образуемое душою,—внутреннее, остается навсегда неразрушимымъ: его не касается смерть, постигающая внѣшнее тѣло [2]).

Ближайшимъ органомъ, такъ называемаго, внутренняго тѣла служитъ нервная система: и въ ней мы должны различать три рода органовъ: область безсознательныхъ отправленій, сознательныхъ и среднихъ-полусознательныхъ: послѣднія дѣлаются сознательными только въ минуты особенной своей силы; къ нимъ же должно отнести и тѣ отправленія (какъ, напримѣръ, въ при-

---

[1]) Anthropologie. 265. Сравн. Psychologie. 16.
[2]) Psychologie. 65.

вычкахъ), которыя отъ повторенія изъ сознательныхъ дѣлаются полусознательными [1]).

Фихте старается приложить въ своей психологіи понятія Фехнеровской психофизики. Онъ думаетъ, что понятіе сохраненія силы приложимо въ психологіи и вполнѣ можетъ объяснять факты зависимости души отъ тѣла [2]). Какъ и всякое реальное существо, душа, въ каждый періодъ жизни, можетъ работать только съ извѣстною опредѣленною силою; эта сила можетъ различно распредѣляться между различными отправленіями, но не можетъ однакожъ превышать извѣстной мѣры.

Этотъ же законъ объясняетъ существованіе темпераментовъ. Они основываются: или на различной напряженности силъ каждой личности (энергія, флегма), или на различномъ распредѣленіи силы, будетъ ли оно болѣе въ пользу чувствительности, какъ подвижности настроенія, или постоянства чувства (противоположность сангвиническаго и меланхолическаго темпераментовъ).

Вообще всѣ, такъ называемые, факты зависимости души отъ тѣла легко объясняются перемѣннымъ распредѣленіемъ душевной силы на сознательныя и безсознательныя отправленія. Чѣмъ болѣе душа тратитъ свои силы на сознательныя дѣйствія, тѣмъ менѣе остается ея на безсознательныя. «Мышленіе, говоритъ Фихте [3]), обезсиливаетъ въ преимущественной степени и потому не соединимо съ сильными напряженіями воли и мускуловъ». Потому же дѣтскій организмъ не можетъ быть орудіемъ великой нравственной силы.

Такимъ образомъ Фихте пользуется работами Фехнера, приспособляя его понятія къ своимъ воззрѣніямъ. Но его вниманіе столько же устремлено на идеальную сторону душевной жизни,

---

[1]) Anthropologie 297—302.
[2]) Psychologie 67.
[3]) Тамъ же.

на то, что въ ней находится à priori, чѣмъ она существенно отличается отъ всякихъ другихъ существъ, что ее дѣлаетъ именно человѣческою душой и связываетъ съ другимъ высшимъ міромъ. Онъ ставитъ своей психологіи задачу развить ученіе и о той сторонѣ духа, которая связываетъ его съ вѣчностію. Общее чувство въ человѣкѣ неопровержимымъ образомъ указываетъ, что онъ есть странникъ въ этомъ мірѣ и что высшія неземныя стремленія составляютъ цѣль человѣческой дѣятельности [1]). Этими стремленіями объясняется всегдашнее безпокойство и глубокое раздвоеніе во всемъ человѣческомъ существѣ. Оно доказываетъ *нездѣшность* человѣческаго существа и невременныя цѣли и невременное только бытіе его. Психологія оставалась бы въ высшей степени неполной наукой, еслибъ она не усиливалась раскрыть смыслъ душевной жизни и разгадать загадку бытія. Потому-то онъ вѣритъ въ возможность ясновидѣнія, необыкновенныхъ состояній, сношеній съ другимъ міромъ [2]) и этотъ фактъ составляетъ отличительную черту психологическаго направленія, представляемаго Фихте. Оттого Фихте не очень высоко цѣнитъ настоящую земную жизнь духа. Она по его мнѣнію не болѣе, какъ начальная ступень къ длинной лѣстницѣ развитія. «Мы живемъ въ этой жизни, говоритъ Фихте [3]) только для будущей, даже нѣкоторымъ образомъ уже будущею жизнью: ибо какже иначе понимать внутреннее неразрѣшимое разногласіе между истинными потребностями и желаніями человѣка и тѣмъ, что онъ можетъ вообще здѣсь достигнуть... Однимъ словомъ, настоящая жизнь понятна только какъ отрывокъ будущей. Потому психологія и антропологія должны заканчиваться въ теософіи и служить для нея основаніемъ [4]). Человѣкъ

---

[1]) Тамъ же. Vorwort VII.
[2]) Anthropologie 158. 375—377.
[3]) Anthropologie 599.
[4]) Тамъ же. 609. сравн. Psychologie 714 § 369.

долженъ знать вѣчное, но онъ можетъ найти его только въ Богѣ. Познавая въ себѣ самомъ элементы вѣчнаго, онъ можетъ пользоваться самопознаніемъ, какъ источникомъ Богопознанія. Такъ какъ мы духи, то и Богъ долженъ быть высочайшимъ духомъ. Богъ есть святая воля, такъ какъ и мы желаемъ и стремимся къ святому. Онъ есть высочайшая любовь: такъ какъ и мы любимъ Его и другъ друга.

Вліяніе Гегеля и Гербарта очевидно въ психологіи Фихте. Въ указаніи значенія формъ душевной жизни онъ, очевидно, слѣдуетъ Гегелю. Фихте, конечно, не усвоилъ себѣ ни діалектическаго метода, ни Гегелевскаго предпочтенія абстрактнаго мышленія. Но имъ усвоена главная мысль: именно, что все развитіе душевной жизни есть рядъ одинъ изъ другаго развивающихся моментовъ, что въ нихъ разкрывается вѣчное и необходимое содержаніе духа. Съ этой точки зрѣнія и Фихте намѣренъ дать исторію развитія духа [1]), исторію развитія тѣхъ даровъ a priori, которыя онъ развиваетъ въ своей дѣятельности, начиная съ простаго чувственнаго возбужденія.

Гербартовская мысль объ единствѣ и простотѣ души отразилась въ психологіи Фихте понятіемъ влеченія — Trieb, какъ основнаго качества души, изъ котораго могутъ быть выведены всѣ другія ея дѣятельности: ибо душа, какъ говоритъ Фихте [2]), есть инстинктивно побуждающееся, влекущееся существо; въ процесѣ сознанія оно выражаетъ содержаніе своихъ прирожденныхъ влеченій и инстинктовъ». Поэтому Фихте, хотя и не выводитъ прямо всѣ роды дѣятельности души изъ «влеченія» (Trieb), какъ выводилъ ихъ Гербартъ изъ соотношенія представленій, тѣмъ не менѣе старается во всѣхъ душевныхъ дѣятельностяхъ доказать присутствіе этого стремленія, какъ главной производящей ихъ причины. Такъ какъ душа есть стремленіе,

---

[1]) Psychologie. 715.
[2]) Psychologie. 174.

то всякое ощущеніе или задерживаетъ его, или способствуетъ ему, оживляетъ его: всякое ощущеніе производитъ поэтому качественное измѣненіе въ духѣ, которое необходимо такъ, или иначе отражается на его стремленіи [1]), возбуждаетъ въ душѣ сознаніе гармоніи, или дисгармоніи — источникъ чувства [2]). При этомъ, необходимо, съ пріятнымъ чувствомъ должно соединяться стремленіе удержаться долѣе въ этомъ пріятномъ состояніи; непріятное же чувство должно возбуждать стремленіе устранить непріятное состояніе: вотъ основныя причины желанія и отвращенія [3]). Такимъ образомъ влеченіе не есть какое-либо случайное или второстепенное свойство души: оно захватываетъ собою средоточіе духа.

Очевидно, Фихте хочетъ избѣжать своего рода Сциллы и Харибды. Онъ не хочетъ удерживать теоріи способностей въ томъ видѣ, въ какомъ она развита Канто-фризовскою школою, но онъ не хотѣлъ бы повторять и ошибокъ Гербарта, неудачно выводившаго дѣятельности души изъ соотношенія представленій. Оттого есть что-то нерѣшительное въ его понятіяхъ объ отношеніи основныхъ дѣятельностей души къ упомянутому стремленію.

Въ развитіи духа онъ различаетъ три ступени: восхожденіе къ сознанію, сознаніе въ собственномъ смыслѣ и самосознаніе, какъ свободное выраженіе духа. На первой ступени три основныхъ опредѣленія сознанія: чувство, воля и ощущеніе, находятся въ нераздѣльномъ соединеніи: нѣтъ чувственнаго ощущенія, которое не возбуждало бы въ душѣ извѣстнаго чувства и стремленія; нѣтъ стремленія, которое не отражалось бы въ какомъ-нибудь чувствѣ. Это—низшая ступень и исходная точка всего развитія сознанія [4]).

---

[1]) Psychologie. 217.
[2]) Тамъ же. 219—221.
[3]) Тамъ же. 223.
[4]) Тамъ же. 229.

Состоянія первой ступени развитія чрезвычайно перемѣнчивы: душа ощущаетъ постоянно измѣняющіяся впечатлѣнія внѣшнихъ вещей и чувствуетъ сообразныя съ внѣшними внутреннія перемѣны чувства и стремленія. Но духъ начинаетъ замѣчать свое неизмѣнное единство при всѣхъ многообразныхъ состояніяхъ, различать себя отъ внѣшняго міра, отъ всего, что не онъ [1]. Онъ дѣлается такимъ образомъ сознательнымъ, т. е. онъ вовсе не теряется въ каждомъ своемъ состояніи, а становится выше его, признавая его своимъ.

Наконецъ, душа возвышается до сознательнаго познанія, чувства и воли. Каждая изъ этихъ дѣятельностей становится отдѣльнымъ сознательнымъ отправленіемъ духа, не теряя, конечно, въ то же время взаимныхъ тѣсныхъ отношеній между собою [2]. «На первой ступени, говоритъ Фихте [3], духъ пробуждается и обнимаетъ себя въ своей чувственной непосредственности. На второй, онъ невольно отдается образованіямъ своего собственнаго личнаго міра, развивающагося предъ его сознаніемъ. На третьей, наконецъ, онъ достигаетъ формы свободнаго, въ своихъ противоположностяхъ властнаго «себя», такъ какъ онъ непосредственное содержаніе сознанія снова дѣлаетъ предметомъ для новаго образованія. Онъ объективируетъ его, совершенно свободно относится къ нему и переходитъ такимъ образомъ изъ простаго сознанія въ состояніе самосознанія.»

Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ подробностяхъ прослѣдить, насколько удовлетворительно выполнена Фихте его задача: дать исторію развитія духа; ибо психологическій трудъ его еще не оконченъ. Но уже и изъ того, что мы о немъ сказали, видны двѣ слѣдующихъ характеристичныхъ черты направленія Фихте.

---

[1]) Тамъ же. 215.
[2]) Тамъ же. 229.
[3]) Тамъ же. 231.

Во-первыхъ, возможно полное изслѣдованіе всѣхъ сторонъ духа. Онъ старается, по возможности, ближе держаться полнаго, какъ онъ говоритъ [1]), опыта, и убѣжденъ, что его методъ есть точный, чисто предметный и объективный, который слѣдуетъ вполнѣ предметному развитію,—содержанію науки [2]): ибо разсуждаетъ о предметѣ въ томъ порядкѣ и той послѣдовательности, въ какой развивается и раскрывается самъ предметъ. Во-вторыхъ, усилія воспользоваться хорошими сторонами и результатами всѣхъ психологическихъ направленій и въ то же время избѣгнуть всѣхъ ихъ недостатковъ. Оттого психологія и антропологія Фихте представляютъ плодъ усилій соединить результаты изслѣдованій Фехнера, Гегеля и Гербарта. Мы видѣли ихъ вліяніе и указали, чѣмъ именно оно обнаруживается. Главныя понятія Фехнера мы находимъ въ психологіи Фихте, напримѣръ, законъ сохраненія силы, и, безъ сомнѣнія, Фихте не имѣетъ причинъ отвергать математическую теорію ощущенія. Гегелевское вліяніе сказывается въ усиліяхъ расположить дѣятельности духа по ступенямъ ихъ значенія въ развитіи духа и указать смыслъ какъ всей душевной жизни, такъ и каждаго душевнаго явленія въ частности. Гербартовское вліяніе сказалось въ отрицаніи теоріи силъ и способностей.

Гораздо скромнѣй въ постановкѣ себѣ задачѣ другой представитель общаго съ Фихте направленія въ психологіи Лотце. Фихте болѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ, хотя бы онъ и хотѣлъ быть тѣмъ и другимъ въ одинаковой степени. Это можно видѣть изъ того, что главное вниманіе его устремлено на идеальное содержаніе душевной жизни (которое онъ называетъ ея содержаніемъ a priori) и главное усиліе его направлено къ тому, чтобъ вывести изъ него какъ всѣ формы душевной дѣятельности,

[1]) Psychologie Vorwort. XXXII.
[2]) Тамъ же. 228.

такъ и самое устройство тѣлесной стороны человѣка (по нему душа создаетъ тѣло). О Лотце, по крайней мѣрѣ въ методологическомъ отношеніи, должно сказать, что онъ болѣе реалистъ, чѣмъ идеалистъ. Вездѣ въ психологическихъ трудахъ своихъ онъ старается указать на зависимость идеальной души реальныхъ законовъ и средствъ ея дѣятельности.

Методологическое правило Лотце, котораго онъ строго держится въ психологическихъ изслѣдованіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобъ не смѣшивать два способа изслѣдованія вещей: одинъ способъ представляется намъ въ практикѣ естественныхъ наукъ; другой—обыкновенно употребляемый философами. Наши усилія, при изслѣдованіи вещей, могутъ быть направлены: или къ пониманію явленій и уразумѣнію ихъ существеннаго смысла, или къ точному познанію внѣшнихъ формъ, связи ихъ и къ взаимной ихъ измѣряемости. Первый способъ обязанъ своимъ происхожденіемъ нашимъ идеальнымъ стремленіямъ, второй возникаетъ изъ практическихъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ важнѣй знать ближайшія средства и законы взаимодѣйствія вещей, чѣмъ послѣднія основанія, на которыя опираются тѣ и другія [1]). Отличительный характеръ втораго способа изслѣдованія состоитъ въ томъ, что онъ вовсе не выходитъ изъ тѣхъ основаній, которыя должны считаться послѣдними. Многое онъ оставляетъ совершенно нерѣшеннымъ, всего менѣе послѣднее оправданіе тѣхъ началъ, которыя онъ извлекаетъ изъ старательнаго анализа вещей. Которому способу изслѣдованія слѣдуетъ давать особенный перевѣсъ въ психологическихъ изслѣдованіяхъ? Всѣ изслѣдованія въ духѣ перваго способа ведутъ насъ къ познанію только самыхъ общихъ формъ жизни. Дѣйствительность же представляетъ намъ не общія формы и не преемственный рядъ пси-

---

[1]) Mikrokosmus. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit, von H. Lotze. 1856. 293. B. 1.

хическихъ существъ и явленій, а безчисленное множество разныхъ состояній, которыми совершенно не систематически разныя психическія существа отвѣчаютъ на разнообразныя внѣшнія вліянія [1]), Во-вторыхъ, чѣмъ далѣе мы удаляемся отъ фактовъ, чтобъ во всеобщемъ сравненіи ихъ найти послѣднія основанія, отъ которыхъ мы должны снова снизойти къ нимъ, тѣмъ болѣе опасности допустить всевозможныя ошибки. Въ-третьихъ, примѣненіе высшихъ началъ въ частныхъ изслѣдованіяхъ всегда служитъ причиной неясности: ибо въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы устранить изъ научной практики всѣ научныя вспомогательныя понятія, которыя хотя и не объясняютъ сущности обозначаемаго ими содержанія, тѣмъ не менѣе полезны или какъ сокращенія, или какъ наглядныя общепонятныя названія въ сущности непонятныхъ дѣйствій [2]).

Таковы общія методологическія правила, какихъ держится Лотце въ своихъ психологическихъ трудахъ. Его вниманіе особенно устремлено къ изслѣдованію реальныхъ причинъ и законовъ душевной жизни и къ установленію такихъ точекъ зрѣнія, которыя, до времени полнаго разрѣшенія послѣднихъ метафизическихъ вопросовъ, представляли бы полезныя въ научной практикѣ исходныя понятія [3]). Очевидно, при такомъ методѣ онъ долженъ былъ весьма разойтись съ Фихте во многихъ психологическихъ взглядахъ. Прежде всего онъ повелъ къ совершенно другому способу рѣшенія главнаго раздѣляющаго ихъ вопроса, — вопроса объ отношеніи души къ тѣлу.

Правильному рѣшенію этого вопроса главнымъ образомъ препятствуютъ, по мнѣнію Лотце, предубѣжденія, съ какими приступаютъ къ нему. Мы привыкли представлять себѣ связь, какъ

---

[1]) Medicinische Psychologie, oder Physiologie der Seele von H. Lotze. 1852. 68.

[2]) Mikrokosmus. 295—297, B. 1.

[3]) Streitschriften. von H. Lotze. 1 Heft. 1857. 50—51.

нѣчто посредствующее между двумя связываемыми вещами и соединяющее ихъ въ себѣ. Чѣмъ болѣе посредствующихъ членовъ, чѣмъ легче мы можемъ представить себѣ ихъ послѣдовательность, тѣмъ нагляднѣй и понятнѣй кажется намъ эта связь. Съ подобными привычками мы приступаемъ обыкновенно и къ рѣшенію вопроса объ отношеніи души къ тѣлу. Два существа находятся въ весьма близкомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, чѣмъ связываются они? Намъ кажется понятнымъ дѣйствіе вещества на вещество. Мы не задумываемся надъ вопросомъ, какимъ образомъ ударъ одного тѣла приводитъ въ движеніе другое: естественно, что одно матеріальное тѣло дѣйствуетъ на другое же тѣло. Но какимъ образомъ душа, нематеріальное существо, можетъ испытывать вліянія физическихъ и химическихъ перемѣнъ въ тѣлѣ? Гдѣ же посредствующая связь между ними? [1])

По мнѣнію Лотце, всѣ подобныя соображенія суть одни только предубѣжденія. Если намъ кажутся понятными связь и взаимодѣйствіе между вещественными тѣлами, то, въ этомъ случаѣ, мы обманываемъ только себя. Сущность взаимодѣйствія между тѣлами необъяснима и представляетъ неразрѣшимую задачу: «Всякое машинное дѣйствіе основывается на сообщимости движенія и на твердости связи въ массахъ, между которыми оно передается. Какое изъ этихъ условій понятно намъ? Съумѣемъ ли мы разсказать, что̀ происходитъ при сообщеніи движенія и какимъ образомъ двигающее тѣло начинаетъ приводить посредствомъ удара, или давленія другое тѣло въ движеніе и переносить на него часть своей скорости. Ясно ли намъ, какъ и чѣмъ отдѣльныя части движущаго колеса такъ плотно держатся другъ друга, что ударъ, сообщенный одной части, заставляетъ и другую

---

[1]) Psychologie, oder Physiologie der Seele 69 — 70; Mikrokosmus I B. 298—299.

двигаться въ сообществѣ съ первою и производить круговое вращеніе около оси, которое снова употребляется на новыя дѣйствія. Мы сошлемся, можетъ быть, на дѣйствія притягательныхъ силъ, соединяющихъ всѣ частицы въ одно цѣлое. Но въ чемъ же состоитъ и это взаимодѣйствіе взаимнаго притяженія и какимъ образомъ оно производится? Какъ начинаютъ эти силы дѣйствовать внѣ предѣловъ тѣла, которому онѣ принадлежатъ, и оказывать вліяніе на другое тѣло, которому онѣ *не* принадлежатъ, такъ что оно повинуется этому вліянію». [1]) Если такимъ образомъ намъ непонятна сущность взаимодѣйствія между однородными тѣлами, чему же удивляться, что она остается непонятною и въ вопросѣ о связи души съ тѣломъ. Къ чему искать посредствующихъ связей между ними, когда, даже при счастливомъ изобрѣтеніи цѣлой системы ихъ, намъ все-таки оставалась бы непонятною связь между ея членами? [2]) Никто же не упрекаетъ физиковъ, когда они доказываютъ взаимодѣйствіе между тяжелыми и невѣсомыми тѣлами, тогда какъ сходство ихъ простирается на одну только способность къ пространственному дѣйствію. Если душа и тѣло суть существа неоднородныя по качеству, то они все-таки похожи одна на другое въ томъ по крайней мѣрѣ отношеніи, что они *сущности* (субстанціи) т. е. существа способныя къ дѣятельнымъ и страдательнымъ состояніямъ. [3])

Лотце думаетъ, что вовсе нѣтъ особеннаго интереса для психологической науки слишкомъ заниматься общимъ вопросомъ о взаимодѣйствіи. Она должна признаться, что намъ одинаково не понятенъ способъ, какимъ возможны вообще дѣйствія въ мірѣ,— во всѣхъ случаяхъ и во всякой области событій. Отсюда возникаетъ для психологіи методологическое правило ограничиваться

---

[1]) Mikrokosmus. 302 B. 1; Psychologie. 72.
[2]) Psychologie. 74
[3]) Streitschriften 102; Psychologie. 74.

изслѣдованіемъ возможнаго, именно того, при какихъ опредѣленныхъ и обозначимыхъ условіяхъ вообще происводятся опредѣленныя и обозначимыя дѣйствія. Она поступитъ въ этомъ случаѣ подобно астрономіи, которая ничего не знаетъ о сущности тяготѣнія, но владѣетъ въ понятіи его средствомъ, помогающимъ ей вычислять безчисленные случаи въ небесной механикѣ [1]).

Такой взглядъ на взаимодѣйствія вообще и въ частности на взаимодѣйствіе души и тѣла сдѣлалъ необходимымъ понятіе психофизическаго механизма. Если нѣтъ внутренней связи между душой и тѣломъ, то она должна быть внѣшняя механическая. Если въ тѣлѣ части не соединены между собою органически, т. е. если нѣтъ между ними внутренняго взаимодѣйствія, то оно должны представлять сумму механически сплоченныхъ частицъ. И Лотце дѣйствительно развиваетъ понятіе психофизическаго механизма, оставляя для немеханическаго остатка душевной жизни слишкомъ малый кругъ дѣйствія.

Въ своихъ доказательствахъ въ пользу этого понятія Лотце отправляется отъ опыта. Жизнь доказываетъ, что каждый человѣкъ, какъ и всѣ другіе, принужденъ на одно и тоже впечатлѣніе отвѣчать одинаковымъ ощущеніемъ, когда они всѣ находятся въ одинаковыхъ условіяхъ,—что внутреннія состоянія, страсти напримѣръ, чѣмъ менѣе встрѣчаютъ противодѣйствія воспитанія, непроизвольно и необходимо выражаются одинаково у всѣхъ личностей въ движеніяхъ и воздѣйствіяхъ на отправленія тѣла, и что наоборотъ извѣстныя болѣзненныя состоянія постоянно возбуждаютъ одинаковый рядъ понятій, несмотря на всю разность другихъ условій. Вездѣ, говоритъ онъ [2]), я нашелъ, что за извѣстнымъ тѣлеснымъ впечатлѣніемъ α слѣдуетъ опредѣленное душевное явленіе a, другому внѣшнему впечатлѣнію b

---

[1]) Mikrokosmus. 305. B. 1.
[2]) Streitschriften. 93.

соотвѣтствуетъ другое возбужденіе β, и что наоборотъ внутреннее состояніе μ всегда стремится найти тѣлесное выраженіе m, а другое состояніе души ν—выраженіе n. Я видѣлъ, что, при всѣхъ случаяхъ повторенія a, неизмѣнно слѣдовало за нимъ α, если же a измѣнялось въ a', то и α переходило въ α'».

Такія отношенія между тѣломъ и душою Лотце называетъ прямо механическими: ибо характеръ механическаго воззрѣнія, по его мнѣнію, [1]) и состоитъ въ признаніи, что два процеса a и α извѣстнымъ всеобщимъ образомъ взаимно соединены фактически, а какова сущность внутренней соединяющей ихъ связи, этотъ вопросъ можетъ быть оставленъ безъ вниманія,—что гдѣ встрѣчается a, тамъ слѣдуетъ за нимъ и α, а гдѣ не видно этого слѣдствія, несмотря на присутствіе причины, тамъ должна быть особая препятствующая причина, что съ измѣненіемъ a должно измѣняться и α въ какой-нибудь опредѣленной пропорціи и притомъ такъ, что между всѣми измѣненіями a въ a', a' въ a'' и т. д. съ одной стороны и соотвѣтствующими измѣненіями α въ α', α' въ α'' и т. д. должно существовать извѣстное общее уравненіе, и наконецъ—что всѣми результатами, какіе могутъ происходить отъ встрѣчи многихъ процесовъ a, b, c, управляетъ какой нибудь общій законъ—простой или сложный, по которому можно опредѣлить, какой получится общій результатъ изъ соединенія частныхъ слѣдствій α, β, γ. Такимъ образомъ механическое воззрѣніе оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросы о природѣ души, происхожденіи самыхъ процесовъ, связи слѣдствій съ производящими ихъ причинами.

Очевидно, Лотце возобновляетъ старую теорію оказіонализма: ибо и Малебраншъ говорилъ въ томъ же духѣ объ отношеніяхъ души къ тѣлу. Какъ тотъ, такъ и другой, отказываются указывать внутреннюю связь между двумя событіями, находящи-

---

[1]) Streitscriften. 94.

мися въ причинной связи, и оба называютъ причину только поводомъ къ происхожденію слѣдствія. [1]) Лотце называетъ свою теорію, впрочемъ, практическимъ окказіонализмомъ, а не теоретическимъ [2]): ибо она не говоритъ, что между двумя событіями нѣтъ никакой связи, а только практически оставляетъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, предоставляя его метафизикѣ.

Ближайшимъ образомъ эта теорія сказывается въ психологіи стремленіемъ раздвигать какъ можно далѣе тѣлесные и душевные процесы. И Лотце въ особенности настаиваетъ на томъ, что всякое душевное явленіе, зависящее отъ тѣлеснаго процеса, есть ни что иное, какъ слѣдствіе *синтетически* связанное съ причиной, а не аналитически. [3]) При этомъ достигается одна несомнѣнная выгода. Если душевныя явленія только синтетически связаны съ тѣлесными процесами, то, слѣдовательно, всякое душевное явленіе самобытно и составляетъ плодъ самодѣятельности души. Понятно, что при такомъ взглядѣ невозможны никакія сенсуалистическія теоріи. «Воззрѣніе, поддерживаемое нами, говоритъ Лотце [4]), заставляетъ смотрѣть на всякое вліяніе одного элемента на другой какъ на поводъ, возбуждающій только въ другомъ, предопредѣленное его собственной природой, состояніе. Такъ, внѣшнія впечатлѣнія не привносятъ въ душу чего-либо внѣшняго, посторонняго, чуждаго ея природѣ: они даютъ только поводъ душѣ развивать состояніе изъ нѣдръ собственной природы. Еслибы душа не была способна къ состояніямъ ощущенія, никакія внѣшнія впечатлѣнія не могли бы вызвать состояній, которыя не предопредѣлены въ ея существѣ. «Всѣ внѣшнія воздѣйствія, говоритъ Лотце [5]) суть только знаки (сиг-

---

[1]) Psychologie. 78. Mikrokosmus. 305—307 B. 1.
[2]) Streitschriften. 96.
[3]) Streitschriften. 104. сравн. 109.
[4]) Mikrokosmus, 308 B. 1.
[5]) Mikrokosmus 309 B. 1.

налы), по поводу которыхъ душа въ силу неизмѣнныхъ законовъ развиваетъ изъ природы своего существа извѣстныя состоянія.

Такое же внѣшнее отношеніе находится между тѣлесными движеніями и волей, ихъ возбуждающей. Что связь ихъ не подлежитъ никакому сознанію—это извѣстно всякому. Мы не знаемъ, какія состоянія души возбуждаютъ тѣ или другіе мускулы; мы не знаемъ устройства двигательныхъ тѣлесныхъ средствъ. Только наука, и то весьма еще не достаточно, даетъ намъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ мускулахъ, ихъ совмѣстномъ дѣйствіи, положеніи и т. п. Но еслибъ возбужденіе ихъ и управленіе ими было предоставлено нашей свободной дѣятельности, мы затруднились бы въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшить, какой силы требуется раздраженіе, чтобъ мускулъ, или группа мускуловъ приходила въ движеніе, сообразное съ нашей цѣлью Движенія наши не имѣли бы далеко въ этомъ случаѣ той цѣлесообразности, какая достигается теперь, когда и устройство и возбужденіе ихъ скрыто отъ нашего сознанія. Побужденія воли поэтому получаютъ значеніе поводовъ, за которыми, по законамъ природы, слѣдуетъ извѣстное состояніе мозга и нервовъ и слѣдующее за нимъ сокращеніе мускуловъ. [1])

Для Лотце особенно важно знать только то, какія душевныя состоянія за какими тѣлесными явленіями слѣдуютъ неизмѣнно и какіе законы управляютъ ихъ отношеніями. Онъ предполагаетъ, что для всякой пары соединенныхъ состояній души и тѣла существуетъ свой особенный законъ. Есть особый законъ, по которому за измѣненіемъ свѣтовыхъ волнъ слѣдуетъ измѣненіе ощущеній цвѣтовъ; по другому закону возрастаетъ высота тоновъ съ увеличеніемъ колебаній звука; по третьему съ увели-

---

1) Mikrokosmus. 310—311 B. 1.

ченіемъ напряженія нервныхъ раздраженій соединяется опредѣленная степень чувства; четвертый законъ возбужденія воли соединяетъ съ измѣненіями двигательныхъ нервовъ [1]) Каждый изъ этихъ особенныхъ законовъ выражаетъ тотъ фактъ, что между однимъ тѣлеснымъ состояніемъ и другимъ душевнымъ есть непонятное взаимодѣйствіе.

Обращаясь затѣмъ къ ученію о самой душѣ, Лотце выражаетъ ту мысль, что душевныя явленія сами по себѣ суть самыя понятныя и самыя извѣстныя явленія. [2]) Что значитъ чувствовать, стремиться, любить и ненавидѣть—это намъ извѣстно самымъ непосредственнымъ образомъ и наука не въ состояніи открыть намъ чего-либо новаго. Если они кажутся намъ наиболѣе непонятными явленіями, то это происходитъ оттого, что мы или мало цѣнимъ познанія, достающіеся намъ безъ труда, или желаемъ знать формальныя отношенія, принимая ихъ за самое существо вещи. Тогда, какъ мы можемъ видѣть пространственное положеніе, указать продолжаемость во времени и фигуру вещества, душа является намъ, если не безпространственной, то все-таки находящейся въ неизвѣстномъ намъ мѣстѣ организма, притомъ скоропреходящимъ явленіемъ, и совершенно недоступной для выраженія въ какомъ-нибудь образѣ. Въ познаніяхъ нашихъ о душѣ и недостаетъ именно знанія такихъ формальныхъ, внѣшнихъ отношеній. Оттого они кажутся намъ чрезвычайно малыми. На этотъ обманъ наука не должна обращать особеннаго вниманія. Ея задача не разъяснять, и безъ того понятную сущность душевныхъ явленій, а группировать ихъ, разъяснять ихъ смыслъ и формы ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы замѣчаемъ весьма разнообразныя явленія душевной жизни. Сводя ихъ въ группы, мы

---

[1]) Streitschriften 115.
[2]) Medicinische Psychologie. 58—59.

замѣчаемъ три разныхъ рода явленій: явленія мышленія, чувства и стремленій. Можно ли далѣе пытаться свести ихъ къ одному какому-либо качеству, чтобы избѣжать такимъ образомъ множества качествъ въ единой душѣ? Какъ извѣстно, старая психологія признавала эту задачу невозможной и ученіемъ о способностяхъ души рѣшала этотъ вопросъ отрицательно. Лотце въ нѣкоторой мѣрѣ одобряетъ понятіе способностей, хотя и не скрываетъ его недостатковъ. [1]) Понятіе это выражаетъ ту мысль, по его мнѣнію, [2]) что хотя внѣшнія впечатлѣнія и служатъ основаніемъ для всякаго душевнаго проявленія и заставляютъ душу являться въ одномъ изъ выраженій для нея возможныхъ, тѣмъ не менѣе общая ихъ качественная форма, именно та, что они — или представленія, или чувства, или стремленія,—зависитъ отъ самой природы души и ея способностей. Такъ напримѣръ съ представленіемъ часто соединяются чувства. По теоріи способностей, это зависитъ не оттого, что чувства могутъ, такъ сказать, раждаться изъ природы представленій, или возможныхъ между ними соотношеній; а что представленія, дѣйствуя на цѣлую душу, встрѣчаютъ въ ней новую способность, которая производитъ явленія удовольствія, или неудовольствія. Поэтому Лотце называетъ способности души качествами, обозначающими возможность тѣхъ дѣйствій и состояній, какія душа можетъ развить при извѣстныхъ на нее воздѣйствіяхъ. [3])

Теоріей способностей Лотце ставитъ себя въ противорѣчіе съ Гербартомъ. Его требованіе выводимости одной способности изъ другой онъ признаетъ въ принципѣ, практически же совершенно отказывается слѣдовать ему. Чтобъ способности находились въ душѣ какъ отдѣльныя, безъ всякихъ соотношеній, качества—

---

[1]) Mikrokosmus. I. B. 184—188.
[2]) Medicinische Psychologie. 149.
[3]) Medicinische Psychologie. 151. Mikrokosmus. 183. B. I.

этого Лотце не допускаетъ. [1]) Если душа отвѣчаетъ на впечатлѣніе извѣстнымъ образомъ, то, конечно, и всякое другое выраженіе ея на новое впечатлѣніе не можетъ быть неопредѣленнымъ, или предоставленнымъ ея выбору: одинъ ея шагъ рѣшаетъ и всѣ другіе, и какъ бы различны ни были впечатлѣнія на нее, ея отношенія къ нимъ предопредѣляются уже тѣмъ, что́ она сдѣлала по отношенію къ одному впечатлѣнію. Противъ такихъ выраженій самъ Гербартъ ничего не могъ бы имѣть. Но Лотце думаетъ, что практически выполнить это требованіе положительно невозможно. «Какъ мало астрономія можетъ, говоритъ онъ [2]) изъ наблюденія одного положенія вывести скорость и направленіе, съ какою движется комета, также невозможно и намъ въ какомъ-нибудь одномъ выраженіи души найти средство предсказать способъ поведенія души при вліяніи на нее другихъ условій.»

Вообще Лотце многое признаетъ въ принципѣ, чего не допускаетъ въ научной практикѣ, и наоборотъ, признавая практическую пригодность нѣкоторыхъ понятій, онъ не одобряетъ ихъ въ принципѣ. Такое отношеніе къ дѣлу составляетъ характеристическую сторону Лотцевской психологіи. Такъ, напримѣръ, практически онъ слѣдуетъ оказіоналистической теоріи, хотя непонятность дѣйствія одного предмета на другой даетъ ему поводъ развить понятіе единства всеобщаго основанія, въ нѣдрахъ котораго совершается взаимодѣйствіе. [3]) Равнымъ образомъ, онъ признаетъ, какъ мы видѣли, въ принципѣ справедливость требованій Гербарта относительно выводимости разнообразныхъ способностей души, практически же отказывается ему слѣдовать. На практикѣ онъ реалистъ въ полномъ значеніи этого слова: ибо его научная практика весьма близка къ практикѣ естественныхъ наукъ. Иде-

---

[1]) Mikrokosmus. B. 1. 190.
[2]) Тамъ же.
([3] Mikrokosmus. 1 B 414.—415,—III B. 480—481. B. II. 45

ализмъ Лотце выражается только въ требованіяхъ, кромѣ реальнаго, иного основанія и иного способа отношенія къ душевнымъ явленіямъ. Но, говоря по справедливости, въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ мы ненаходимъ даже попытки осуществить эти требованія. Такъ, онъ открыто признается, что онъ раздѣляетъ убѣжденіе идеализма, что въ мірѣ существуетъ только то, что имѣетъ смыслъ по единственно цѣнной идеѣ, составляющей сущность всего сущаго. [1]) Сообразно съ такимъ убѣжденіемъ и душу онъ называетъ идеей, которая въ каждой отдѣльной душѣ развивается въ многообразныхъ различныхъ дѣятельностяхъ [2]). Онъ потому избираетъ это названіе, что оно всего лучше выражаетъ идеальную сущность души: ибо ею характеризуется постоянный и неизмѣнный смыслъ, который выражается какъ въ разнообразіи измѣнчивыхъ признаковъ, такъ и въ ихъ образѣ соединенія; такъ напр. идея человѣка заключается въ той мысли, къ осуществленію которой онъ призванъ, мысли, которая заключаетъ въ себѣ основаніе, почему человѣкъ имѣетъ извѣстные признаки, наприм. есть пространственное явленіе, организмъ, верхъ животнаго царства. Такимъ образомъ и главная сущность души заключается въ томъ смыслѣ, какой она осуществляетъ разнообразными способами, и разными формами развитія [3]). Поэтому и основаній для законовъ, которыми они руководятся въ своей дѣятельности, должно искать не въ, такъ-называемой, субстанціональности души, а въ томъ призваніи, какое возложено на нее. Она дѣятельна не потому, что она субстанція, сущность, а потому, что дѣятельность есть возложенный на нее долгъ. Но и тутъ Лотце признается, что мы вѣрно собственно не знаемъ, въ чемъ состоитъ это призваніе [4]) и что нельзя потому a priori опредѣлить, ка-

---

[1]) Medicinische Psychologie. 159.
[2]) Mikrokosmus. B. 11. 151.
[3]) Mikrokosmus B. 11, 159—160.
[4]) Medicinische Psychologie 160.

кіе существуютъ законы дѣятельности души; они могутъ быть выведены только изъ опыта.

Также точно въ принципѣ онъ допускаетъ и свободу воли и возможность необыкновенныхъ дѣйствій души безъ обыкновенныхъ посредствъ, необходимыхъ по существующей связи и устройству міра. Онъ согласенъ, что могутъ быть психическія причины дѣйствій, вовсе не условленныя какими-нибудь физическими, тѣлесными причинами [1]) и что могутъ быть въ душѣ состоянія свободныя, ни какими причинами не условленныя, которыя могутъ быть начальными звенами рядовъ событій [2]). Но и тутъ Лотце ограничиваетъ свою мысль тѣмъ, что всякое такое состояніе можетъ дѣйствовать въ механизмѣ міра только въ той мѣрѣ, въ какой оно можетъ являться механическою силою, способной оказывать дѣйствіе на механическія силы міра [3]). Слѣдовательно воля можетъ быть свободна сама въ себѣ, но въ образѣ своего проявленія должна подчиняться механическимъ законамъ и условіямъ всякаго дѣйствія. Равнымъ образомъ, онъ признаетъ въ принципѣ возможность необыкновенныхъ сношеній между психическими существами Конечно, говоритъ онъ же, [4]) все, что дѣйствуетъ другъ на друга, должно находится въ какой нибудь взаимной связи, но, въ сущности, эта связь должна быть динамической, которая не всегда же состоитъ въ пространственномъ соприкосновеніи. Справедливо, что движущееся тѣло только тогда приводитъ въ движеніе другое, когда оно ударяетъ послѣднее и что они какъ бы не существуютъ другъ для друга, пока не соприкасаются. Но вѣдь это только фактъ, мы ничего не узнаемъ при этомъ, почему движется ударяемое тѣло и въ чемъ собственно состоитъ сообщеніе движенія». Слѣдовательно механика вовсе

---

[1]) Medicinische Psychologie. 89.
[2]) Mikrokosmus B. 1. 284—285.
[3]) Mikrokosmus B. II. 265.
[4]) Medicinische Psychologie 81.

не заключаетъ въ себѣ положительныхъ доказательствъ, по которымъ можно было бы отвергать представленіе непосредственнаго дѣйствія отдаленныхъ существъ другъ на друга. Но допустивъ въ принципѣ возможность такихъ дѣйствій. Лотце выражаетъ убѣжденіе, что существующій порядокъ въ мірѣ, насколько мы знаемъ его изъ опыта, исключаетъ возможность осуществленія упомянутыхъ дѣйствій. [1])

Очевидно то глубокое различіе, какое раздѣляетъ Лотце, отъ, родственнаго ему по направленію, мыслителя Фихте. Оба они стремятся совмѣстить въ своихъ трудахъ выгоды идеальнаго и реальнаго направленія. Но тогда какъ Фихте по преимуществу идеалистъ, и всего болѣе обращаетъ вниманіе на идеальное содержаніе душевной жизни, не затрудняясь приписывать душѣ непосредственное дѣйствіе на тѣлесную сторону, Лотце по преимуществу реалистъ. Признавая въ принципѣ убѣжденія идеализма, въ научной практикѣ онъ обращаетъ вниманіе по преимуществу на реальную сторону, на механическія условія и законы осуществленія въ мірѣ всякой идеальной дѣятельности. Которое изъ этихъ направленій болѣе плодотворно для науки? Нѣтъ сомнѣнія, что направленіе Фихте болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ: ибо онъ даетъ большій кругъ дѣйствія нравственнымъ силамъ, идеальному содержанію души. Но въ научной практикѣ онъ далъ великіе промахи, которые естественнымъ образомъ происходили отъ слишкомъ малой оцѣнки реальныхъ условій жизни души. Этихъ промаховъ нѣтъ у Лотце. Зато его психологическіе труды и болѣе сообразны съ духомъ современнаго развитія естественныхъ наукъ и могутъ найти большее разпространеніе между естествоиспытателями. Безъ сомнѣнія, настоящая современная потребность, которой не можетъ оставить безъ вниманія современная

---

[1]) Medicinische Psychologie. 83.

психологическая наука, состоитъ въ знаніи реальныхъ условій душевной жизни и въ точномъ опредѣленіи отношеній ея къ тѣлеснымъ дѣятельностямъ. Только тогда мы въ состояніи будемъ доказать дѣйствительную помощь нашей науки страждущему человѣчеству. Съ другой же стороны, по точномъ опредѣленіи взаимодѣйствій души и тѣла и механической стороны дѣятельности души, мы вѣрнѣй и надежнѣй можемъ дѣлать заключенія къ тому, теперь темному, зерну души, которое главнымъ образомъ составляетъ въ насъ образъ и подобіе Божіе. Въ этомъ отношеніи мы не затрудняемся труды Лотце ставить выше трудовъ Фихте.

ИЗДАНІЯ НИКОЛАЯ НЕКЛЮДОВА.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Н. Неклюдовъ, Уголовно-статистическіе этюды. Этюдъ первый — Статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію. Цѣна 1 р. 25 к.

Р. Вирховъ, О воспитаніи женщины согласно ея призванію. Перев. Н. Неклюдова. Цѣна 20 к. с.

Уставъ Французскаго Уголовн. Судопроизв. Перев. Н. Неклюдова. Спб. 1860 г. Цѣна 60 к.

Бернеръ, Учебникъ Уголовнаго Права. Части общая и особенная. Перев. со 2-го нѣмецк. изд. Съ примѣчаніями, приложеніями и добавленіями по Исторія Русск. Права и Законодат. Положительному.- Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Часть общая. Вып. I, II, III и IV. Цѣна по 80 к. с.

Учебникъ будетъ выходить выпусками до 10 листовъ. Подписная цѣна на все изданіе (7—8 вып.) 4 р. Подписчики вносятъ два руб. сер. при полученіи 1-го вып. общей части, и два р. по выходѣ 1-го выпуска особенной части.

Клодъ-Бернаръ, Курсъ Физіологіи и патологіи нервной системы. Перев. подъ редакціею профессора Спб. университета Ф. В. Овсянникова. Томъ I. Выпускъ 1. Цѣна 1 р. с., а съ подпискою на 2-й выпускъ—1 р. 75 к. с.

Учебникъ Психологіи, составл. С. Автократовымъ. Цѣна 80 к. с.

⁂ Философскіе этюды. Эт. I. Смыслъ Исторіи. Эт. II. Вещество и духъ. Цѣна 65 к.

Гакстгаузенъ, Конституціонное начало. Перев. К. Д. Кавелина и Б. И. Утина. Цѣна 2 р. 60 к.

Вирховъ, Клодъ-Бернаръ, Молешоттъ Пидеритъ, Вагнеръ—Сборникъ статей по естествознанію. Цѣна 1 р. 25 к.

Гейеръ, Учебникъ Исторіи Философіи права, подъ редакціею Н. Неклюдова. Цѣна 80 к. с.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бернеръ, Учебникъ Уголовн. Права. Вып. V, часть общая.

Керн, Основныя начала соціальной науки.

Клодъ-Бернаръ, Курсъ физіологіи и патологіи нервной системы. Выпускъ II.

Льюисъ и Милль, Огюстъ Контъ и положительная философія.

Огюстъ Контъ, Курсъ положительной философіи. Т. I.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ НАХОДИТСЯ **ПРИ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ Н. Л. ТИБЛЕНА**, ГДѢ ГГ. СТУДЕНТЫ И КНИГОПРОДАВЦЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ УСТУПКОЙ.

